

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LIII

№ 2
апрель-июнь 2020

ТАШКЕНТ
2020

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 1-2: Протоиерей Михаил Котляров (С. 39–53).

Стр. 3: Михаил Голубовский-Соловьев в США. Обложка первого издания «Записок советского военного корреспондента» (С. 87–102).

Восток Свыше. 2020, № 2 (LIII)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Артем СЕРЕБРЕННИКОВ. Константинопольский собор, 1593 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Предпоследний римлянин. 1600 лет преставления преподобного

Иеронима Блаженного, Стридонского (15 июня ок. 420 года) 6

Тема: Пандемия коронавируса и церковная жизнь

«Не выискивать гонений на Церковь там, где их нет».

Авторы и читатели «Востока Свыше» о пандемии, карантине

и тех возможностях, которые они дают верующим 15

«Господь дает возможность людям остановиться и задуматься».

Голоса верующих 23

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Александр ГАЛАК. «Достойный, энергичный пастырь...» 30

Тема: Протоиерей Михаил Котляров (1938–2019)

«Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича
не располагаем...» Об одном эпизоде из жизни протоиерея

Михаила Котлярова. Публикация и комментарии

Евгения АБДУЛЛАЕВА 39

«Как он умел радоваться...»

Воспоминания о протоиерее Михаиле Котлярове 47

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: История образования и науки в Туркестане

Юрий ФЛЫГИН. «...Тщательный надзор за преподавателями

и учащимися...» 54

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ. Университетский проект в контексте советской

модернизации Туркестана (1917–1924) 60

Содержание (окончание)

<i>Георгий НИКИТЕНКО</i> . Туркестанская экспедиция Эрнста Кон-Винера	71
<i>Михаил ГОЛУБОВСКИЙ-СОЛОВЬЕВ</i> . Огненный вал. Публикация, предисловие и примечания <i>Михаила ТАЛАЛАЯ</i>	87
СОБЕСЕДНИК	
Юрий Флыгин: «Хотелось бы, чтобы более бережно относились к историческому наследию...»	103
ПРОЗА	
<i>Андрей ФЁДОРОВ</i> . Кот. Рассказ	108
ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО	
<i>Иерей Сергей КРУГЛОВ</i> . «Царство Божие – здесь». Избранные записи в Фейсбуке последних лет	111
Тема: Поэзия и Вера	
«...Мы находимся по другую сторону галактики». На вопросы ВС отвечает поэт и прозаик Николай БАЙТОВ	125
Литературные страницы <i>Вадима МУРАТХАНОВА</i> Документы внутренней свободы	137
Авторы номера	141
Информация для авторов	142

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Артём СЕРЕБРЕННИКОВ

Константинопольский собор, 1593

В плену Царьград, в плену Антиохия
И завоеван Иерусалим,
Цепями скована Александрия,
Денницей пал с небес верховный Рим.

Под сводами святой Парамифии
Единым гласом ныне говорим:
На севере побегом молодым
Растет страна названием Ρωσία.

Наш обветшалый, запустелый юг
Последним взмахом рассеченных рук
Тебе вручает паствы награду.

Где пас коней сармат и роксолан,
Ты, патриарх Гиперборейских стран,
Паси тебе доверенное стадо.

Календарные страницы *главного редактора*

Предпоследний римлянин

1600 лет преставления преподобного Иеронима Блаженного, Стридонского (15 июня ок. 420 года)

Я – поздний Рим, в его темный закатный час;
Взглядом встречая варваров бледных полки,
Я составляю сонные акrostихи,
Где солнце золотое кружит в последний раз.

Так опишет увядание Рима в своем знаменитом сонете «Томление» Поль Верлен.

Таким застанет Рим в 349 году двенадцатилетний Иероним, сын богатых христиан из Далмации.

В Рим он прибывает вместе со своим другом и молочным братом Бонозом. Огромный город, пусть и не такой величественный, как в эпоху своего расцвета, должен был поразить их.

Этим городом Иероним будет ранен на всю жизнь. В самом конце ее, на окраине рассыпающейся империи, он будет с тревогой следить за новостями из Рима и оплачет его падение.

Пока же он, подросток, бродит по городу, то взбираясь на холмы, то спускаясь к Тибру; то один, то положив ладонь на плечо Боноза. Над верхней губой Иеронима темнеет юношеский пух. Город сумерек и упадка прекрасен – возможно, даже прекраснее, чем прежде: своей закатной, болезненной красотой.

Вместе с Бонозом он учится у знаменитого ритора Элия Доната.

– У латинян, – медленно диктует Донат, – есть четыре вида собственных имен: личное имя, родовое имя, семейное прозвище и дополнительное прозвище... как, например, Публий Корнелий Сципион Африканский.

Иероним, примостившись у колонны, записывает вместе со всеми.

«Будучи юношей, я пылал удивительной ревностью к учению», – вспомнит он

позже. Он переписывает для себя книги латинских классиков, постепенно у него возникает целая библиотека.

Окончив курс грамматики, Иероним перешел к риторике.

– Как говорил комедиограф Теренций, – Донат останавливается рядом с Иеронимом, – «Нельзя сказать ничего, что уже не было сказано раньше».

Иероним поднимает глаза на учителя. Он уже не раз слышал: все лучшее уже сказано, продумано, совершенно...

– «Нельзя сказать ничего, что уже не было сказано раньше», – повторил Донат. И усмехнувшись, добавил: – Да сгинут те, кто всё сказали раньше нас!

Ученики одобрительно зашумели.

Через много лет, уже отшельником в Вифлеемской пещере, Иероним напишет: «Часто и теперь, с плешью и седою головой, вижу я себя во сне тщательно причесанным, с подобранной тогой, декламирующим перед ритором контрроверзу».

А в одном из богословских споров язвительно бросит своему оппоненту: «Найми учителей грамматики и риторики, выучи диалектику, поучись в школах философов!».

В душе озябшей лишь скуки густой запас,
Где-то, по слухам, берут города враги.
О, тени желаний, медленны и глухи.
О, поздний закат, что, не догорев, погас.

Барварство угрожало Риму не столько снаружи – оно зрело внутри. Вот как описывал Рим времен Иеронима его старший современник, Марцеллин:

«Немногие дома, раньше славные заботами о науках, теперь изобилуют только забавами лени... Место философа занял певец, место оратора – преподаватель сценического искусства; и в то время как библиотеки, подобно гробницам, вечно закрыты, устраиваются только гидравлические органы, огромные лиры, видом похожие на колесницы, и сложные приборы для театральных увеселений».

По вечерам Иероним и Боноз посещают эти представления.

Особенным успехом пользовался номер, когда сцену заполняли куриными яйцами и плясун, подвешенный на тонких невидимых нитях, танцевал по ним, не повреждая ни одного. Зрители рукоплескали, и Иероним вместе со всеми.

Эти образы будут преследовать его в сирийской пустыне: «О, сколько раз, удалившись в уединение, я представлял себя среди наслаждений Рима!.. Как часто, в сообществе одних диких зверей и скорпионов – в мечтах присутствовал в хороводах дев!».

Помнит ли Иероним, что он христианин?

Да, иногда он вспоминает об этом. Проходя мимо неказистой базилики Святого Петра на месте прежних садов Нерона. Или пробуя читать Святое Писание; после блистательной латыни Цицерона и Горация библейский стих кажется грубым и неуклюжим.

Иногда по воскресным дням, вместе с Бонозом и другими сверстниками, он посещал гробницы апостолов и мучеников.

– Что с тобой? – смотрит Боноз, заметив серую бледность на лице друга.

– Ничего... сейчас пройдет.

«...Пещеры, вырытые в глубине земли, в стенах которых по обеим сторонам лежат тела погребенных и в которых повсюду такая темнота... Там среди мрачной ночи приходит на память известный стих Вергилия: “Ужас повсюду и вместе безмолвие дух устрашает”».

Так он будет стоять среди могил святых – в полутьме, в холодной испарине, смешивая молитвы со стихом Вергилия.

А потом будет снова Рим, слепящее солнце, театральные зрелища и хороводы.

«Юноши и девушки, блистая первым цветом молодости, двигались в нарядных костюмах, то сплетаясь в круг, то сходясь извилистой лентой, то квадратом, то рассыпаясь парами» (Апулей, «Метаморфозы»).

Таков был Иероним в пору первого своего жительствова в Риме.

Таков был сам Рим, лишь поверхностно затронутый христианством. «Вчера в амфитеатре – сегодня в церкви, вечером в цирке – утром в алтаре»; переходящий от чтения Евангелия к Тациту и Светонию и перемежающий псалмы стихами Вергилия.

О, желать умереть и умереть не мочь.
Да, выпито все. Что скалишься ты, глупец?
Да, выпито все и съедено все. Конец.

Лишь стих, немного смешной, что сожгу в эту ночь.
Лишь раб, что наглее все и нерадивей.
Лишь боль, тем сильнее, чем необъяснимей.

Боль сидела в нем, боль разорванной мысли, глубокой внутренней трещины, прошедшей поперек всей эпохи.

367 год. Иерониму около девятнадцати, он завершил свое учение и вместе с Бонозом едет в Галлию. Он уже бреет щеки; голос огрубел, глубоко сидящие глаза глядят пытливо. Они движутся на северо-запад, в Треворум, нынешний Трир. Римом правит Валентиниан Первый, последний сильный император; в Треворуме его резиденция. Прекрасная возможность блеснуть своими талантами и начать поприще при дворе.

Но вышло иначе.

Нет, и Иероним, и Боноз были представлены императору и приняты на службу. *Agentes in rebus*. Это иногда переводят как «тайная полиция», но *agentes in rebus* ведали еще и отправкой курьеров, и безопасностью дорог, и многим другим. Для начала придворного поприща даже очень неплохо. Иероним вместе с Бонозом ездит по Галлии, даже начинает изучать местный язык...

И все же не совсем то, чем он желал заниматься, готовя себя в Риме к карьере юриста и посещая суды, чтобы послушать знаменитых ораторов. И совсем не то, что ищет его душа.

Придворная служба, дворцовые интриги быстро становятся в тягость. Он переполнен богатствами римской образованности – но они пылятся в нем, как не-

нужный хлам. Иногда вместе с Бонозом он гуляет по тенистому саду за городскими стенами.

– Скажи, чего мы домогаемся здесь своими трудами? – спрашивает он Боноза. – Чего ищем? Ради чего служим?

Боноз молчит, наклонив голову; только шум листвы и редкие крики птиц раздаются в ответ.

Так они гуляли и в тот день; Валентиниан после полудня отправился на цирковые зрелища; часть свиты последовала за ним, часть была предоставлена самой себе.

В этот раз друзья забрели дальше обычного.

– Смотри! – остановил его Боноз.

Перед ними была лесная хижина.

Хижина была пуста; судя по всему, в ней жил отшельник-христианин. Иероним уже собрался выйти из нее, как вдруг увидел небольшую книжку.

Боноз уже держал ее в руках.

– «Антоний родом был египтянин. Родители его, люди благородные и богатые, были христиане...» – начал Боноз с того места, на котором она была открыта.

Вопросительно поглядел на Иеронима.

Тот кивнул, и Боноз стал читать дальше.

– «По смерти родителей остался он с одной малолетней сестрой и, будучи семнадцатилетним от роду, сам имел попечение и о доме, и о сестре. Но не минуло еще шести месяцев по смерти родителей, когда он, идя по обычаю в храм Господень, по пути стал размышлять о том, как Апостолы, оставив все, пошли во след Спасителю... С такими мыслями входит он в храм. В читанном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: *аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси и гряди в след Мене*. Антоний, приняв это за напоминание свыше, выходит из храма и все, что имел во владении от предков, – было же у него триста аруров весьма хорошей, плодоносной земли, – дарит жителям своего села, а все прочее имущество продает и раздает нищим, оставив немного для сестры...»

Дальше описывалось, как этот доселе неизвестный Иерониму и Бонозу египетский юноша оставил все и ушел в пустыню, чтобы полностью посвятить себя Богу.

Боноз замолчал.

Гасли последние лучи, опускались сумерки. Иероним отер испарину. Подняв голову, он поглядел на друга:

– Скажи, я уже спрашивал тебя, ради чего мы служим при дворе? Пусть даже со временем мы возвысимся и получим звание «друзей императора», – разве оно не хрупко и не полно опасностей? и когда еще это будет? а другом Божиим, если захочу, я могу стать прямо сейчас!

Боноз, как всегда, понял его. Друзья молча обнялись.

В тот же вечер на имя императора было подано прошение.

368 год. Он возвращается в Рим. На этот раз он пробудет в нем недолго. Цель его, как и Боноза – Аквилея; там сложился богословский кружок из таких же, как он, выучеников риторских школ, посвятивших себя богословским занятиям и молитве... «Хор блаженных», как назовет его Иероним.

В этот свой недолгий приезд, между Треворумом и Аквилеей, он увидит Рим другими глазами. Нет, это будет все тот же город, пропахший потом, чесноком и испарениями от Тибра. Женщины будут все так же разглядывать его в упор, шевеля крашеными губами. И все же это будет уже другой Рим.

Точно город вдруг наполнится новым смыслом, станет прозрачнее. Рим прежний, языческий увядает и крошится на глазах; на его дряхлеющем великолепии будет созидаться Рим новый.

И этот Рим должен возникнуть не в великих постройках; в Риме уже ничего не возводили нового. Даже полвека назад, когда строили арку Константина, скульптурные украшения для нее снимали с сооружений предшествующих времен. Так возводились и первые христианские храмы: из кусков прежних языческих святилищ.

«Нельзя сказать ничего, что уже не было сказано раньше?»

«Да сгинут те, кто всё сказали раньше нас!» В мир пришло и распахнуло дверь новое учение, новая вера. От того, что было сказано прежде, будет взята лишь форма – чтобы построить новый, словесный Рим. Этот Рим должен подняться в слове, в новой вере, в новой, обновленной латыни. Он, Иероним, станет одним из его строителей.

В церкви латынь пока в небрежении; служба идет на греческом. На греческом читается Священное Писание и лишь следом стыдливо звучит латинский перевод, грубый и необработанный. «Творение людей невежественных», как называл его богослов Арнобий.

Новый римский архиепископ, недавно избранный Дамасий, намерен всё это со временем изменить. Ввести богослужение на латыни, а возможно, заменить латинский текст Священного Писания более совершенным и точным.

– Пока же – сколько читателей, столько и переводов, и один хуже другого, – говорит Дамасий, глядя на Иеронима, которого ему по случаю представили.

Епископу нужны образованные молодые люди, такие, как этот Иероним. Дамасий сам пишет стихи на латыни, воспевая подвиги христианских мучеников. Но на предложение остаться при дворе архиепископа Иероним отвечает отказом. Не для того он почти бежал вместе с Бонозом из Треворума. Друзья ищут уединенной отшельнической жизни, подобной жизни Антония; в Риме же...

– Да, в Риме такая невозможна, – соглашается архиепископ, глядя на крыши и заходящее солнце. – Но, уверяю вас, вы еще сюда вернетесь. Этот город так просто не отпускает...

В Аквилее он проведет два года, углубляясь в Священное писание и труды церковных писателей. Выучит греческий. Не будет забывать и своих любимых латинских авторов.

Потом он уедет на Восток.

Причины этого отъезда будут называться разные. Размолвка с родными, желавшими для единственного сына другого, светского поприща. Разлад внутри самого « хора блаженных ». Столкновение с местными властями. Или просто желание побывать там, в тех землях, откуда пришла новая вера.

Он был уверен, что Боноз поедет с ним... Он даже не сомневался в этом.

– Езжай один, – тихо, но твердо ответит Боноз. – Я останусь в Аквилее.

Иероним не сможет вначале этого понять.

«Я и Боноз росли вместе от нежного детства до цветущего возраста, – напишет он позже, – мы питались и согревались под опекой одних и тех же кормилиц и воспитателей. И после образования в Риме вместе странствовали по полудиким берегам Рейна...»

Прощаясь на пирсе, они быстро обняли друг друга и отвернулись, чтобы не видеть выступивших слез.

– Ведь мы еще встретимся? – спросил, всхлипнув, Иероним.

Боноз молчал; только шум моря раздавался в ответ.

373 год. Побывав в Афинах и Константинополе, Иероним прибыл в Антиохию. С собой из Аквилеи он захватил только книги.

«...Я все же не мог обойтись без библиотеки, которую собрал в Риме с великим прилежанием и трудом. И я, несчастный, постясь, предполагал читать Цицерона. После частых бдений ночных, после слез, которые из глубины сердца исторгало у меня воспоминание прошлых грехов, в руки брался Плавт. Если, опомнившись, я начинал все-таки читать пророка, меня ужасала грубость речи...»

А вскоре случилось вот что – он смертельно заболел. В середине Великого поста им внезапно овладела лихорадка, он исхудал, готовились уже похороны; тело стало коченеть; антиохийские друзья прощались с ним.

«Вдруг, восхищенный духом, я был поставлен пред престолом Судии, где было столько света, что, пав на землю, я не осмеливался взглянуть вверх».

– Кто ты? – раздался голос.

– Я – христианин...

– Ты лжешь. Ты цицеронианин, а не христианин. Где сокровище твое, там и сердце твое!

«И замолк я, и среди бичеваний – ибо Он приказал бить меня – еще более мучился в огне совести... И начал я, рыдая, говорить: “Помилуй мя, Господи, помилуй мя!”».

– Господи! Если когда-нибудь я буду иметь мирские книги, если я буду читать их, – значит, я отрекся от Тебя!..

Иероним открыл глаза.

Болезнь отступила; только выступившие на плечах рубцы долго еще болели.

После этого видения он на два года удалится в Халкидскую пустыню, к югу от Антиохии. Кожа его потемнела, глаза ввалились; единственным его чтением стало Священное Писание. Он стал изучать древнееврейский.

«Я отдал себя в обучение одному брату, обратившемуся в христианство из

евреев, чтобы после остроумия Квинтиллиана, плавности Цицерона, важности Фронтонна и легкости Плиния поучиться азбуке и потрудиться над свистящими и шипящими звуками. Сколько я положил труда, сколько раз отчаивался, бросал и снова начинал учиться!..»

В сирийской пустыне он напишет свои первые богословские сочинения, «Толкования на книгу Авдия» и «Житие Павла Пустынника». Всего за свою жизнь он создаст более тридцати сочинений, не считая многочисленных речей и писем.

Из Аквилеи друзья сообщают ему о Бонозе. Тот, как и Иероним, решив посвятить себя отшельническому подвигу, поселился один на маленьком скалистом островке в Средиземном море.

«Благодарю Тебя, Божественный Иисусе мой, – напишет Иероним, – за то, что Ты даровал мне такого человека, который может молиться за меня, когда Ты придешь судить мир!».

Больше они не встретятся.

Папа Дамасий оказался прав – Иероним снова вернется в Вечный город.

Случится это в 382 году. Иероним успеет уйти из пустыни, из-за богословских разногласий с населявшими ее отшельниками; пожить в Антиохии, где в 377 году был рукоположен во пресвитера, и еще пару лет в Константинополе, изучая богословие под руководством великого Григория Богослова.

И вот он снова в Риме.

Он ходит по улицам, по которым они когда-то бродили с Бонозом; проводит ладонью по его теплым камням. Он уезжал отсюда еще юношей, а вернулся почти старцем, хотя ему всего тридцать пять.

Он становится личным секретарем папы Дамасия. Кроме того, папа поручает ему сверку с оригиналом и исправление латинских переводов Евангелий и Псалтыри. Он продолжает углублять свои знания еврейского; с ним тайно занимается один из раввинов; он же снабжает его книгами из римской синагоги... Стиль Иеронима становится все более простым, благородным и безыскусным.

«Знаю, – пишет он, – что все это будет скучно для читателя; но рассуждающему о еврейских письменах не пристало придумывать аристотелевскую аргументацию, разводить потоки Цицеронова красноречия. Здесь нужен язык простой, сходный с обыденным, не отзывающийся никакою изысканностью, – язык, который бы раскрывал предмет, выражал мысль, выяснял неясное, а не блестел отборными словами».

На предложение Дамасия поселиться в папском дворце и вступить в римский клир Иероним ответил отказом. Он живет в заезжем доме недалеко от театра Помпея. Часть театра к тому времени обрушилась, представлений здесь не давали, и занятиям Иеронима ничто не мешало.

Но уединения ему не удастся вкусить; Рим готовит ему новую неожиданность. Стремление к аскетизму, христианской жизни стало находить все больше и больше приверженцев среди утонченных аристократов. И Иероним становится их духовным главой. Среди них много знатных матрон; хотя именно римские аристократки

были известны своей страстью к роскоши и удовольствиям. Под воздействием Иеронима многие из них совершенно меняют свой образ жизни.

«Те, кто прежде не могли выносить уличной грязи и путешествовали на руках евнухов; для кого и шелковые одежды были тяжелы и жар солнца казался ожогом, – те теперь в грязи и унижении или готовят светильники, или растапливают печь, метут полы, чистят овощи, бросают в кипящий горшок зелень, накрывают столы, подают посуду, разливают кушанье, бегают то за тем, то за другим».

Альбина и ее дочь; вдова Марцелла; вдова Павла и две ее старшие дочери – Евстохия и Блезилла, а также менее известные женщины и девушки – Азелла, Лея, Марцеллина, Фелиция, Фабиола, Принципия... Иероним стал посещать дома Марцеллы и Павлы, где собирались и остальные, проводя время за разбором трудных мест Священного Писания; иногда он давал своим ученицам уроки еврейского, вскоре они научились петь на нем псалмы.

Но Рим оставался Римом; поползли сплетни, была пущена стрела клеветы. Пока был жив папа Дамасий, Иерониму ничего не угрожало, но в декабре 384 года папа скончался. Началась открытая травля. Иеронима даже вызвали на собрание клириков, где предъявили обвинение в сожителстве с Павлой... Резкое недовольство вызвал и его новый латинский перевод Евангелий – в нем видят отступление от древней традиции.

И Иероним оставляет Рим.

Он снова едет на Восток, в Иудею. Подальше от этого Вавилона, от этой «жены, облаченной в багряницу», как называет он Рим.

Он желает погрузиться в «безвестность сельской жизни».

«Там черный хлеб, овощи, взрощенные нашими руками, и молоко, деревенское лакомство, предоставят нам пищу грубую, но невинную. Там ни сон не отвлечет нас от молитвы, ни отягощенность желудка – от чтения. Если будет лето – древесная тень даст убежище. Если осень – самая мягкость воздуха и устилающие землю листья укажут место отдохновения. Весной будут пестреть цветами поля, и среди голосов птиц слаще будут звучать псалмы. Когда настанут холода, туманы и снега, я не буду покупать себе дров, буду бодрствовать, согреваясь, или спать. А здесь пусть шумит Рим, неистовствует арена, безумствует цирк, утопают в роскоши театры...»

В 386 году он прибудет в Иудею и поселится в Вифлееме. Там, вдали от Рима, он проживет всю оставшуюся жизнь, тридцать четыре года.

Жизнь его и там была совсем не такой спокойной, как он рисовал себе. Постоянные хлопоты о монастырях, основанных в Вифлееме, возле церкви Рождества, Павлой; об открытой при них школе для юношей, в которой он еще и преподавал. Столкновения с последователями ереси Оригена – среди которых было много и бывших друзей Иеронима; борьба с еретиком Пелагием, из-за которой он был изгнан на два года из вифлеемского монастыря. Смерть Павлы, смерть ее дочери Евстохии, гибель в огне библиотеки, набеги бедуинов.

Но в Рим он не вернется. Да и куда ему было возвращаться? Город рушился. «Теперь мы и в междоусобных войнах, и против других народов не можем обой-

тись без поддержки варваров»; войсками Рима командует полу-вандал Стилхион; упоминает Иероним, не называя имени, и еще одного придворного, «чьи русые волосы и бледность тела выдают его происхождение»...

Я – поздний Рим, в его темный закатный час;
Взглядом встречая варваров бледных полки,
Я составляю сонные акrostихи,
Где солнце золотое кружит в последний раз.

За тысячи верст от Рима, в Вифлееме, он создаст последний великий памятник исчезающему городу – не «сонные акrostихи», а полный латинский перевод Священного Писания, свою знаменитую Вульгату.

В 410 году Рим был захвачен готами.

«Плененные епископы, убитые священники, разрушенные церкви, кони, стоящие в алтарях Христовых. Всюду плачь и рыданье и образы смерти... Римский мир рушится».

Иероним переживет падение Рима всего на десять лет.

Еще столетие продлится угасание бывшего «центра вселенной». На развалинах будут обучать риторике и грамматике, среди опустевших театров и библиотек – звучать стихи Вергилия и Горация, но все реже и тише.

В 524 году будет казнен римский философ и богослов Боэций – которого назовут «последним римлянином».

Постскриптум. Иероним все же вернется в Рим. В тринадцатом веке папа Бонифаций канонизирует его как учителя церкви; тогда же мощи будут вывезены крестоносцами из Вифлеема, их поместят в римской базилике Святой Марии, Санта Мариа Маджоре.

Но это уже будет другой Рим, совершенно другой Рим.

«Не выискивать гонений на Церковь там, где их нет»

*Авторы и читатели «Востока Свыше» – о пандемии, карантине
и тех возможностях, которые они дают верующим*

От редакции. Начавшаяся весной этого года пандемия, отразившаяся и на ходе церковной жизни, выявила ряд прежде скрытых проблем и породила множество новых. Ниже мы публикуем материалы двух опросов. Первый был проведен в конце июня редакцией среди постоянных авторов и читателей нашего журнала – священников, философов, литераторов (живущих в разных странах), второй – настоятелем ташкентского Александро-Невского храма протоиереем Сергием Стаценко – в середине апреля среди участников некоторых православных чатов Узбекистана.

В первом, редакционном, опросе участникам было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Начиная с первых месяцев пандемии в СМИ (в том числе православных) заметен довольно широкий спектр ее интерпретации – на одном полюсе в ней видят исключительно природно-биологическое явление, на другом – признак наступающего конца Света... А каково ваше отношение, какое объяснение вам ближе?

2. Карантинные меры по временному закрытию церквей, вводимые рядом государств, вызвали понятный резонанс. Мнения, опять же, разделились: от признания того, что эти меры своевременны и адекватны, до полного их неприятия. Какая позиция представляется вам наиболее правильной и почему? Как вы сами переживаете эти карантинные меры (если приходилось с ними сталкиваться)?

3. Пришлось ли вам или вашим близким, знакомым в эти месяцы столкнуться с чем-либо, связанным с пандемией, что повлияло на восприятие ее (возможно, религиозное)?

4. Что бы вы могли пожелать читателям нашего журнала в период пандемии (хотя, конечно, хотелось бы верить, что к выходу этого номера она закончится...)?

Свои ответы прислали протоиерей Владимир Зелинский (Брешия, Италия), Михаил Калинин (Тула, Россия), иерей Александр Колотовкин (Ташкент, Узбекистан), иерей Сергей Круглов (Минусинск, Россия), Инна Кулишова (Тбилиси, Грузия).

Протоиерей Владимир ЗЕЛИНСКИЙ:

«...Жить так, как если бы каждый проживаемый день был последним»

1. Пандемий в истории человечества было очень много, и всякий раз их можно было считать репетицией конца Света. Мне понятна тенденция встраивать при-

родные катаклизмы в свою картину мира, но для меня конец Света наступает со смертью всякого человека.

2. Италия, где я живу, была страной наибольшего риска 4-5 месяцев назад, а в Италии наша область Ломбардия была и остается наиболее зараженной, в Ломбардии же наш город Брешия – один из самых опасных. Но всю эту волну удалось если не остановить, то сдержать и ослабить благодаря принятым довольно энергичным мерам. Сегодня Италия на 48-м месте в мире по количеству зараженных, а недавно была на первом.

3. Среди моих близких знакомых от вируса умер один человек – священник в Новосибирске. Среди дальних, не столько знакомых, сколько коллег, умерло около десятка. Мы жили так, как будто ничего не происходит, но соблюдали все правила. Тяжело было переносить домашний арест в течение двух месяцев. Но для людей, занятых интеллектуальным трудом, это менее тяжело. Служили мы дома каждое воскресенье для прихожан он-лайн. Это, как ни странно, создавало особый климат единства в приходе.

4. Я не верю, что пандемия быстро закончится. Нам обещают вторую волну и даже третью. Впрочем, то, что обещают, не всегда случается. Случается именно то, чего не ждешь. Вспоминаю «испанку», которая унесла 50 миллионов жизней, но потом вдруг закончилась, как и началась. Надо пройти это нынешнее испытание и жить так, как если бы каждый проживаемый день был последним.

Иерей Сергей КРУГЛОВ:

«Научиться трезво и со смирением принять это...»

1. Исключительно природно-биологическое явление как один из признаков конца Света (здесь, как бывает в соцсетях, должен быть смайлик с улыбкой ☺). Если же сказать кратко: христиане знают, что мы живем в мире прекрасном, созданном Богом, но, увы, изрядно испорченном грехопадением, и такие вещи, как пандемия коронавируса, в нем неизбежны. Научиться трезво и со смирением принять это, жить в этих обстоятельствах, продолжать синергично с Богом и в Церкви совершать спасение и преображение свое и мира, помогать ближним, исполняя заповедь о любви, – наша задача.

2. Иногда говорят, что «дьявол кроется в мелочах»; я же думаю, что дьявол более склонен скрываться – в крайностях. Карантинные меры, конечно, понятны и нужны, и они неприятны и порой тяжелы для людей – это факт. Эти же самые меры могут дать неким людям или группам людей возможность так или иначе манипулировать другими людьми или группами людей (это я и об имеющих место повседневных ляпах, недоработках и безобразиях в бытовой жизни подвергающихся карантину людей, и о том, насколько вообще уместно говорить о «теории заговора» в любых ее аспектах), – тоже факт. Человек живет не только и не столько ради сохранения собственного здоровья, сытости, безопасности. Он – потерянное дитя Божие и призван вслед за Христом взойти в Царство, что происходит

через бытование в Церкви, и евхаристическое собрание в храме для него столь же, если не более, жизненно необходимо, сколь и посещение магазинов и больниц. Потому разрешать, например, посещать вторые, запрещая при том посещать первые, нельзя – и это факт. Имея в виду онтологическую фундаментальность Таинств Церкви, в первую очередь – Таинства Причащения христианами Тела и Крови Христа, думать в то же время над возможным применением тех или иных противозидемиологических форм участия в них, которые предлагает ситуация, – и уместно, и нужно. Применять в богослужебной жизни Церкви, в обрядовой, а не сущностной ее части, какие-то современные вещи, вроде интернета и совместной молитвы в зуме – вполне возможно, по мере необходимости. И из всего этого не стоит делать какого-то чудесного прорыва, или, наоборот, страшного жупела (или, скажем, чему мы тьму примеров видим, выводить отсюда прямо-таки целое «богословие карантина» и приметы какой-то благой революции в церковной жизни, которая «назрела» и вот из-за карантина «происходит». «Мир никогда не будет прежним!» – помните заплачку первых дней карантина? Да ерунда это все, каким мир был при Екклесиасте, или при апостолах, или при наших обозримых предках, или вчера – таким по сути и останется: человеческим, падшим, катящимся к своему концу, о чем написано в Священном Писании и говорит Церковь, но ведь этот конец для нас – парусия*, то есть новое начало и новая встреча с Христом). Так что, кратко рещи, позиция моя проста: мера, вес и число. Христианам – не выискивать гонений на Церковь там, где их нет, властям же – иметь голову на плечах, своими мерами не ввергать верующих во искушение и принимать во внимание то, что сказано выше.

В нашем соборе в Минусинске, небольшом городке на юге Сибири, в котором я служу, тоже были приняты общие карантинные меры в соответствии с установлениями Роспотребнадзора и по согласованию с церковным священноначалием. Вероятно, в сравнении с большими мегаполисами и тамошними приходами мы перенесли все это как-то легче. Распространение коронавируса у нас не было таким большим, как в иных местах, да и сами прихожане восприняли все правильно и, в общем, старались соблюдать режим карантина, так что, скажем, на Пасху служба у нас была, при этом доступ в храм был ограничен, но не насильно, эксцессов не было.

3. Я еще и человек пишущий. Потому наблюдаю небезынтересное, на мой взгляд, явление в российской литературной среде – выделить «литературу карантина», это своего рода попытка литературной рефлексии, запечатления и осмысления всего того, что произошло и происходит в связи с пандемией. Есть интересные подборки стихов и прозы на эту тему, которые организовали разные издания (в основном, пока больше видел сетевые), даются интервью, ведутся круглые столы, пишутся эссе и статьи, и не только в светских, но и в церковных сообществах... Поделюсь и я небольшой миниатюрой из одного цикла рассказиков:

* *Парусия* (греч. παρουσία) – понятие христианского богословия, означающее как незримое присутствие Господа Иисуса Христа в мире, так и Его пришествие в мир в конце света. (Прим. ВС.)

Перед сном Н. прочитал молитву против коронавируса и беспокойно уснул.

Во сне ему приснился коронавирус, такой, каким его изображают в карикатурах – зеленый шар, утыканный палочками, похожий на морскую рогатую мину. Лицо у коронавируса было печальное.

– Добрый человек! – жалобно обратился он к Н.

– Чего тебе, не клеточная сила? – отозвался оцепеневший Н.

– Передай людям, пусть смилуются надо мной!..

– Как это?..

– Я злосчастное существо, живу миллионы лет и страшно устал. А умереть не могу!.. Чего только не делал. И в спирту топился, и в обработанной плазмой воде из Сколково, и в кварцевой лампе сожигался, и предавал себя имбирю и лимону – ничего не помогает... Одна надежда – пусть люди не шаряты по улицам, а посидят в карантине, попостятся и помолятся! Ради всего святого! Иначе мне – жизнь! Полный, в общем, эндоцитоз!

– А!.. – сказал во сне снимый самому себе Н. – Имеешь в виду, что ничимже, токмо молитвою и постом?

– Ничимже, – сдавленно сказал коронавирус и горько зарыдал нуклеиновой кислотой, уткнув палочки в сморщенный от горя капсид.

4. Пожелать мира, здоровья, трезвомыслия, пожелать не терять связь с Богом. И, конечно, хочу молитвенно помянуть: упокой, Господи, всех преставльшихся от болезни, утешь их родных и близких, помоги врачам и всем тем, кто и сейчас борется с этой заразой, благослови и помилуй всех нас.

Михаил КАЛИНИН:

«Различать лицо времени»

1. Для меня крайне важно, что в Писании природно-биологическая реальность и духовное Откровение неразрывны. Христос был зачат сверхъестественно – но родился, как рождаемся все мы.

Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это – начало болезней (Мк. 13, 8). Болезни – «родовые схватки» нашего мира, который мучается в ожидании второго, уже окончательного прихода Спасителя, как мучается женщина в родах. Христос говорит о признаках последних дней, но ведь «последние дни» – понятие не историческое, а мистическое, и эти последние дни начались уже во время первого Его прихода – и продолжают по сей день. Поэтому на любые глобальные события, происходящие при жизни любого живущего после смерти и Воскресения Христа поколения, можно без всякой натяжки смотреть как на те самые «болезни». Тем более что для нас есть только наша реальность, именно в ней мы живем и в ней можем прозревать эти схватки или не видеть их – но боль от них ощущать. Так что да, с одной стороны – биологическое явление, но в нем можно услышать еще один «звонок».

2. Тут я неоригинален, и необходимость подчинения властям во всех случаях, когда их требования не противоречат моей вере, определяет мое отношение к происходящему и в данном вопросе. Конечно, есть искушение порассуждать о профессионализме действий властей – ведь мы все, сверху донизу, ошибаемся и часто с опозданием понимаем какие-то очевидные, казалось бы, вещи. И часто реагируем на них не лучшим образом. Не стоит идеализировать властные структуры. Но какие бы они ни были, они – несовершенный, но единственный инструмент, хоть как-то сдерживающий хаос в падшем мире, и это важно помнить.

Я открыто признаю себя не способным понять, какая позиция здесь была бы самой верной – не объявлять карантина вовсе, проводить его еще жестче и т.д.

В Туле, где я живу, карантинные меры особо не напрягали. В повседневном ритме жизни карантин проявил себя разве что тем, что я уже полгода работаю в удаленном режиме. Сильно упал доход. В нынешнем моем положении есть и плюсы и минусы. Я стараюсь сосредоточиваться на плюсах, это трудней, чем видеть только потери, и требует усилий.

Заккрытие храмов и неоднозначное отношение к этому у многих христиан – одна из обсуждаемых тем. Моя позиция проста: не делай другому того, чего не желаешь себе – не ходи на службы, если не готов, что из-за тебя кто-то умрет.

3. Наверное, самое заметное влияние пандемии на меня сказалось в том, что я закончил третью книжку стихов – «Стук в дверь». То, что в первые месяцы года из-за затишья с работой неожиданно высвободилось много дополнительного времени, дало возможность сосредоточиться на творчестве. И конечно, окружающие обстоятельства не могли не отразиться на содержании сборника, общее звучание которого и некоторые конкретные тексты несут на себе явный отпечаток жизни в изоляции.

4. Здесь я тоже не оригинален. *Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру* (Мк. 13, 35). В Новом Завете постоянно звучит призыв бодрствовать. Речь о трезвенном восприятии происходящего, как сейчас принято говорить – «быть в теме». Различать лицо времени. Время коротко. Человек смертен, и смертен внезапно. Бодрствовать – это значит, просыпаясь, думать: если сегодня – мое последнее сегодня, я как, готов? Бодрствовать – не драматизировать и не сгущать краски, но быть реалистом, понимая, что вчера уже нет, а завтра может не быть. Но есть сегодня, и это – единственная точка, где каждый из нас встречается с самим собой, с другими, с Богом. И тут в чем тебя застают, в том и судят. Смотреть так – и значит бодрствовать.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН:

«Нужно только не опускать рук...»

1. На мой взгляд, восприятие и интерпретация той или иной информации зависит от внутреннего мира человека, от того, чем он себя наполняет каждый день. Отсюда и такой разброс во взглядах на пандемию. Самоизоляция и карантин позво-

лили нам посмотреть на свою духовную жизнь под иным углом – насколько близок нам Христос на самом деле. К сожалению, большое количество верующих (не только среди прихожан кафедрального собора, но и многие мои знакомые), оказавшись лишенными возможности посещать богослужения, поддались унынию, а нередко и панике. Панические настроения проявлялись как в страхе заразиться и умереть, так и в растерянности перед закрытием храмов, и в мыслях о приближении конца света. И часто это беспокойство сопровождалось не молитвенным напряжением, как следовало бы ожидать, а наоборот, охлаждением к молитве и недоумением. Оказалось, что многие из нас приходят в храм скорее в силу традиций, нежели ведомые силой веры. Из этой духовной пустоты и рождается страх.

Мы много раз читали слова апостола Павла: *для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение* (Фил. 1, 21), но, видимо, не проецировали их на себя. Христиане первых времен также напряженно ожидали конца этого мира. Но они ждали не страшного Антихриста. Они ждали пришествия Иисуса Христа, своего Любимого, Сладчайшего Иисуса Христа, дающего вечную радость всем уверовавшим. Дай Бог, чтобы мы сделали из этого правильные выводы.

2. Мы видели закрытие молитвенных домов и у других конфессий, так что вопрос о «гонении» на Православие отпал сам собой. На необходимость принятия карантинных мер указал и Предстоятель Русской Православной Церкви.

Карантин показал, насколько легко мы можем лишиться того, к чему привыкли и считали само собой разумеющимся. Надеюсь, это хоть немного научит нас ценить каждую возможность помолиться в храме.

3. Самое большое влияние, несомненно, оказывают известия о том, что кто-то из знакомых или близких заболел. Именно тогда в голове рушатся теории о надуманности пандемии, чувствуется растерянность и невольно прокручиваются все последние встречи – а вдруг... Но наблюдая за жизнью многих людей, с которыми мне как священнослужителю приходилось контактировать, не перестаю удивляться величию Промысла Божия. Так же, как и все чрезвычайные обстоятельства, пандемия выявила истинные, не прикрытые масками стороны людских характеров. Для одних это время стало ступенькой к Небу, для других – ступенькой в ином направлении. Но как бы человек ни распорядился временем своей жизни, Бог неотступно будет стараться спасти его. Нужно только не опускать рук, и Бог подаст помощь.

4. Для христианина во все времена и в любой ситуации важно наблюдать за собой, за тем, чего мы хотим, что думаем, что говорим. Да, христианин в известной степени эгоист. Но эгоист в хорошем смысле. Не потребитель, не узурпатор, не тиран. О хорошем эгоизме очень точно сказал Серафим Саровский: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Занятый работой над спасением своей души, человек сосредоточен на себе. Ему некогда высматривать «сучок в глазу брата своего», некогда бояться Антихриста, масонов и иных агрессоров. Он занят. Он накапливает сокровище общения со своим Небесным Отцом, ведь, приобретя его, он сможет

в изобилии одаривать радостью богообщения всех и каждого, сам при этом ни-сколь-ко не оскудевая. Я от всей души желаю читателям именно хорошего эгоизма, а также духовного и физического здоровья! Христос среди нас.

Инна КУЛИШОВА:

«...Научиться дышать заново»

1. Природно-биологическое явление – как «испанка», чума и прочие эпидемии и пандемии. Безответственность людей. И надежда на науку. Тайное станет явным, а вся конспирология – от лукавого. Конец света непременно будет, но при нашей жизни или нет... Вселенная сама знает свое время. *Солнце знает свой закат* (Пс. 103, 19). А все перекладывать на этот конец – снятие с себя всех обязательств по помощи ближнему.

2. Резонанс – у невежд, мздоимцев и тщеславных. Временное закрытие церквей и есть настоящая, а не лживая, поверхностная, забота о ближнем и любовь к ближнему. Если Типикон и обряды важнее любви к ближнему, то что есть истина и кто станет свободным? Как научиться думать, оставаясь в вере?

3. Конечно, подспудный стресс. Беспокойство. Сидели дома. Смотрели, что у нас и в мире, общались по интернету с друзьями, родственниками, знакомыми из разных стран, узнавали, как там ситуация. Кто-то из знакомых в других странах болел. Соблюдали рекомендации врачей. Еще беспокойство – что уличные животные оставались без подкормки из-за закрытия ресторанов. Одна надежда – на добрых людей.

В Тбилиси в марте-мае был введен комендантский час. Заметила, что рада ему. Почему? А вот.

Тихо так, что можно было услышать небо. Никто не орал под окнами. По ночам иногда громко лаяли собаки. Из-за голода начали сбиваться в стаи. Жалко их. Казалось, природа возвращается к своему климату, как к себе (ненадолго), и не хлещет жарой. Воздух был такой, что можно научиться дышать заново. В детстве я с шумом и глубоко втягивала носом воздух из окна и выдыхала в комнату, чтобы помочь чистому воздуху остаться дома. Запускала воздух в дом. Во время отсутствия машин и тишины хотелось сделать то же самое.

Тишина сообщает о будущем. Тишина сообщает о прошлом. Запомнить эту тишину. Она – настоящее. Если б только не комендантский час и потом-после-него, когда уже нет этой тишины. Хочется быть невидимкой и так заходить во дворы, ходить по улицам и кормить зверье. Чтобы никто не мешал, и только мы узнавали друг друга.

Ну и еще во время жесткого карантина замечательные тбилисские режиссеры, драматурги придумали международный интернет-кинофестиваль короткометражных фильмов «Diogenes 2020», в котором мог принять участие любой желающий (условие: не более 10 минут, и снято или смонтировано во время пандемии-

«Не выискивать гонений на Церковь там, где их нет»

карантина), но в основном со всего мира участвовали кинематографисты. Вот я и сделала фильм про нашу семью и мою бабушку, ее судьбу*. Снято в одной квартире, с одними и теми же людьми на протяжении лет. «Что помнят стулья». Фильм получил специальный диплом международного жюри. Попыталась культивировать в себе мысль, что хоть некоторые недели были прожиты не зря.

4. Беречься и соблюдать все меры предосторожности, о которых говорят врачи. И беречь других. Ношение маски – уважение и забота о другом человеке. Трудно, сложно. Но можно. Остается ждать. И уважать другого человека. Как минимум.

* <https://www.youtube.com/watch?v=bvPFdoC80fU&feature=youtu.be>

«Господь дает возможность людям остановиться и задуматься»

ГОЛОСА ВЕРУЮЩИХ

Что дала пандемия? Время для того, чтобы на все посмотреть и подумать, переоценить себя. До карантина моя жизнь «кипела»: встречи, обсуждения, разработки, командировки...

За прожитые с супругой более тридцати лет в браке, уединенно мы провели не более двух недель. Никогда на это не роптали, но в душе мечтали сбежать куда-нибудь на необитаемые острова в океане...

И вот – карантин. В квартире мы вдвоем больше месяца. И поверите – счастливы. Жаль только, что не можем посещать храм, нет живого общения с друзьями.

Спаси Бог за открывшиеся душевные качества, о существовании которых мы уже стали забывать...

Дмитрий Протопопов

Когда пришли новости о вирусе в Китае, то сразу встревожилась. Разговоры о том, что китайцев много, что процент смерти не столь велик, вызывали возмущение. Какая разница – китайцы или другие нации?! Возмущали российские передачи, где говорилось об этом вирусе как о пустяке, что в основном пожилые умирают. А у меня мама старенькая!..

Перед карантином в Ташкенте мне приходилось много работать по выходным. Потом по приказу директора мы спешно стали оформлять компьютеры и переезжать по домам. Работа не прекращается. Было ощущение, как в фильме «Бег». Помните? Суета, белые, красные. А ты сидишь, смотришь и сдвинуться не можешь. Как во сне...

Очень огорчают потоки противоречивой информации. Такое впечатление, что люди получают удовольствие от того, что все расстраиваются и паникуют. В последнее время стараюсь не читать и не смотреть.

Какое будет будущее? Не берусь прогнозировать. Не мое дело. Но четко пони-

маю, что на все воля Божья. Не буду за все человечество, скажу за себя: грешна и прошу прощения у Господа: помилуй, спаси и сохрани.

Ольга Мезина

Всё и все остановились на какое-то время – от беготни, суеты, погони за длинным рублем. И я думаю, здесь больше плюсов, чем минусов. Если это случилось, значит так было нужно. Промысел Божий всегда вразумляет. Нам дано время подумать, для чего нужна такая ситуация.

Я работаю няней и последнее время огорчалась, что родители совсем забыли своих детей. Бесконечные командировки, лекции, встречи, фитнес, салоны красоты... А дети без родительской любви, заботы. Сейчас всем хорошо, и мне, и детям, и родителям, наверное.

Когда приходит непростая ситуация, люди начинают больше думать о Боге, становиться добрее, а это сейчас так необходимо всем.

Надежда

Самоизоляция помогла навести порядок не только в доме, вокруг себя и своего жилища. Получилось привести в порядок и могилки на кладбище у своих родных, там, куда все не доходили руки. А самое главное – прекратилась гонка в голове.

Вот уже месяц мы дома. Нет спешки в чтении молитвенного правила. Как приятно молиться вместе...

Как никогда приготовились ко встрече Святой Пасхи, привели в порядок свои чувства. На книжной полке каждая книга заняла свое место, и при этом ее прочли и прочувствовали, и обдумали, и протерли мягкой тряпицей. Еще радость, что муж дома, и первые недели карантина стали для нас как будто праздничными. И хотя работы было много – всё Господь управил!

Благодарим Господа за каникулы, когда наши взрослые дети больше времени посвятили своим детям, нашим внукам. Люди никогда не переставали умирать, просто мы не замечали окончания чужой жизни и не заглядывали в статистику, как это делаем сейчас. Храни нас всех Господь!

Елена Болдарева

Бог показывает, как можно жить без суеты, радоваться природе, которую Он создал, да и вообще каждому дню. Хотелось бы, чтоб после карантина во мне осталось это чувство радости. Что будет дальше – не знаю, на все воля Господа. Спасибо тебе, Боже, и прости меня грешную.

Татьяна Абилгафарова

Самое чудесное, что в этом году я увидела все стадии развития весны – от маленьких почек до зрелых листочков! Раньше времени не было.

Юлия Колотовкина

Помню вечер первой субботы, когда я не смогла пойти на службу. Душа буквально рвалась на части. Очень хотелось добраться до Собора. Семья была, конечно, против.

Когда услышала обращения Патриарха и Владыки Викентия, поняла, что все намного серьезней, чем мне представлялось. Тяжело было отказаться от служб. Но после их слов стало легче. Пришло какое-то понимание. Я человек военный, хоть и на пенсии, мне не сложно переживать какие-либо ограничения. Сказали: оставайтесь дома и молитесь, значит так и должно быть.

И мне трудно понять людей, стремящихся во что бы то ни стало оказаться в храме, несмотря на все ограничения. Ладно, они не думают о своей безопасности, но никто из нас не знает на сто процентов, здоров ли он. А значит, есть реальная возможность заразить людей, находящихся в храмах.

Слава Богу, службы идут, Литургии служатся. Наши священно- и церковнослужители молятся в алтаре, в том числе и о нас. За что им низкий поклон!

И вот сидит вся семья дома, и мы понимаем, как, оказывается, нам тяжело быть долгое время вместе. Отвыкли от нормального человеческого общения. Все суета, беготня, а теперь еще и с внуком заниматься. Ну, тут, конечно, дочери больше достается, я на подхвате! А вот от внучки достается всем! Пользуется всеобщим вниманием и пытается подстроить всю семью под свое «хочу». Зять до этого целыми днями был на работе и не видел особо баловства детей. А теперь все у него на глазах. Ну и нервы нет-нет да не выдерживают, – срывается. Мы с мужем – в роли голубей мира.

И еще положительный момент. Из-за того, что в ближайших магазинах часто заканчивается хлеб, у меня включился режим «бабушки» – научилась печь его сама, и еще всякие постные вкусности – кексы, пирожки. Возможно, для кого-то и небольшое достижение, но для моей семьи радость!

Елена Крошечкина

Почувствовала, можно сказать, чуть ли не физически, что мир меняется. Почувствовала ответственность за близких. Что от меня зависят по крайней мере два человека, которые со мной рядом, – моя семья. Даже приходили мысли, что вдруг болезнь настигнет в самой тяжелой форме – и ты уйдешь в мир иной без исповеди и причастия. Становилось страшно. А ты, тем временем, не можешь дойти даже до храма. Раньше думала – вот сегодня ну не получилось быть на службе, пойду в храм в другой раз. А здесь ты понимаешь, что другого раза-то может и не быть.

Светлана Афонина

Скажем, почему есть самоизоляция, а нет самозаражения? В данном случае, с коронавирусом, есть группы риска. Но те, кто не входит в нее, могли бы заразиться специально и под наблюдением переболеть – в первую очередь сами врачи, а потом, может, и все другие по желанию. Это – то есть когда имеется выбор – просто психологически изменило бы отношение к болезни и подвело бы к большей ответственности.

Также еще до эпидемии было известно, что простудные вирусы особенно опасны в монастырях, где множество людей вынуждены проводить долгое время вместе. Там сразу заболевали все. И вообще, там болеют простудами чаще, чем в миру. А значит, и режим изоляции или хотя бы режим пристального наблюдения за здо-

ровьем в случае эпидемии должен включаться в таких местах в первую очередь. Для большинства верующих важно, чтобы службы продолжались и священнослужители были здоровы.

В истории были эпидемии и страшнее – чума, холера. И, кстати, умирающих от холеры даже запрещали причащать: их постоянно рвало, а чумных отпевали только заочно. А этот вирус, можно сказать, не очень агрессивен... Слава Богу!

Благодарю врачей, которые сейчас лечат болящих, и всех людей, которые в этом участвуют! Помогите вам Господь!

Алексей Щербаков

В моей жизни изменилось не так много. Появилось больше хлопот, связанных с готовкой, все постоянно дома и кружат вокруг кухни, как хищные птицы.

Школы закрыли, а соответственно и кружки тоже. Я очень скучаю по детям. Конечно, за несколько часов они выжимали из меня все соки, но зато потом откуда-то бралось вдвое больше сил и желания быть с ними, учить. А иногда даже просто болтать с ними про их жизнь, отвечать на непростые вопросы, ломать голову, удивляться.

В моей семье, считаю, только положительные изменения. Муж, наконец, понял, как трудно работать дома, как трудно сосредоточиться, когда рядом с тобой пляшет неумолкающая трехлетняя дочка, а остальные дети ходят туда-сюда и помогать не очень любят. Как много времени отнимает быт, походы в магазин. Как тяжело найти спокойный и тихий уголок, чтобы поработать или просто привести мысли в порядок. Но мы все вместе, и это замечательно.

Очень скучаю по храму. В идеале хотелось бы, чтобы православные люди ощущали неразрывную связь между собой. Если по благословению Патриарха молимся дома, то чтобы молились все до одного (пусть даже внутри и бушует буря смятения), не разделяясь на лагеря и партии. А если идем в храмы, то понимая, зачем и к Кому.

Марина Соколова

В октябре прошлого года я поступила на вечерние курсы катехизаторов при Ташкентской семинарии. До этого я много лет ходила на службы, исповедовалась, причащалась. Меня завораживала красота православного пения, красота церковнославянского языка, хотя я многого не понимала.

Когда ты понимаешь смысл богослужения, все воспринимается совсем по-другому – забываешь, что невыносимо болят ноги или ты еле приполз на службу из-за своих болячек. Когда молитва проходит через голову, теряется ощущение времени, и по окончании службы как будто паришь в воздухе.

Когда я стала ходить на занятия, это стало для меня утолением моей жажды. Стала все больше понимать смысл богослужений, христианского учения, что позволяло лучше разбираться в своих грехах. С нетерпением ждала Великого Поста, великопостных служб. Хотелось ощутить это чувство духовной радости.

Информация об эпидемии в Ухане меня совсем не тревожила, так как уже в 21-м веке были эпидемии, с которыми успешно справлялись, и нас они как-то не

касались. Когда дошли до Крестопоклонной недели, стала появляться информация о заболевших в Узбекистане. Но меня это опять не очень беспокоило, процент заболевших был невысоким. Я решила, что все равно буду посещать богослужения, благо живу недалеко от церкви и могу добраться пешком. Однако когда я в очередной раз пришла к храму, оказалась перед закрытыми воротами. До меня стало медленно доходить, что это уже серьезно. Невозможность посещать богослужения, да еще во второй половине Великого Поста...

Кроме того, карантин лишил нас общения. Общение с воцерковленными людьми сильно отличается от того, что происходит за пределами храма.

Конечно, карантин когда-нибудь закончится, но после этого резко упадет уровень материального благосостояния, хотя лично меня это особенно не затронет, так как падать не придется с большой высоты. Но многие лишатся уже привычного уровня материального комфорта.

Но Господь никогда не дает испытаний или ограничений просто так. Господь дает возможность людям остановиться и задуматься...

Людмила Уразаева

Очень скоро наступило успокоение, состояние принятия ситуации, смирения, внутреннего покоя и уверенности, что все промыслительно и Господь знает, что делает. При этом главным моментом было отключение от телевизора и Интернета: всех информационных наркотиков. Пошло увлечение домашними делами, чтением духовной и художественной литературы, больше стала молиться так, как раньше не могла себе позволить по времени.

Неприятный момент в создавшейся обстановке – неизвестность и непонятность происходящего. Нет возможности живого общения с людьми. Нет возможности посещать богослужения в храме, участвовать в Таинствах Исповеди и Евхаристии. Нет возможности проехать на автобусе и показать кондуктору проездной, который, кстати, был куплен на месяц вперед, и посмотреть на его кислое выражение лица. Ведь у них план, им неинтересны проездные.

Мир, несомненно, изменится, но как? Сейчас я искренне рада за природу. Хватило всего нескольких недель прекращения человеческой ресурсопоглощающей деятельности, и уже в каналах Венеции появились лебеди, панды перестали стесняться и занялись естественным размножением... Думается, что одна из основных задач пандемии – донести до каждого человека на земле, что мы тут гости, а в гостях так себя вести нельзя.

Но главное, Благодатный огонь сошел! Жизнь продолжается! Христос воскрес!

Марина Хамраева

Взгляд священника

Мое «житие» до пандемии отличалось размеренностью и распланированностью, порой до минут, на обозримое будущее. Иногда в этой распланированности я находил повод к определенному недовольству своей жизнью. Слишком уж

обусловлены были все мои действия и шаги. В каком-то смысле чувствовал себя заложником работы. Единственной отдушиной были выходные дни, когда мог стоять у храмового престола. Вот здесь, действительно, я мог отдохнуть душой и даже телом. Ведь лучший отдых, по мнению духовно опытных, – смена послушания.

Новости из Китая я воспринимал больше как азиатскую экзотику. Было ощущение, что Китаем проблема и ограничится, как это было со свиным и птичьим гриппами и с атипичной пневмонией. Чуть больше тревоги добавляли новости из Европы, где люди стали цеплять вирус «в промышленных масштабах». Понимание того, что проблема приблизилась и к нам, возникло, когда стали «закрываться» соседи по региону.

Когда вводили карантинные меры в Узбекистане, я слабо представлял, как государство заставит всех людей хотя бы носить маски. Однако события развивались стремительно, и вскоре на улицах перестали появляться открытые лица. Закрылись рынки, магазины. Перестали ездить частные машины. В этот момент чувства были сконцентрированы на людях: близких, прихожанах, работниках храма. Уже тогда пришлось планировать действия, чтобы не оставить людей в беде и сделать потери, которые неизбежно должны были пойти, минимальными.

Сам я был не просто спокоен, а даже ощутил всплеск оптимизма. Наконец размеренный ход обыденности поломан! У меня всегда была мечта – отлежаться бездумно несколько дней, разгрузив себя от забот и даже мыслей, когда тебя никто не дергает, не требует чего-то и не ждет. В отпуске я не был десять лет, и он просто не предвидится в текущих обстоятельствах. При наступлении карантина подумалось: «Вот он, долгожданный покой!». Нет, он только снится. Появились другие заботы – удерживать хотя бы минимально богослужебную и административную жизнь храма. Теперь мне приходится ежедневно прогуливаться пешком от дома до храма и обратно, иногда заворачивать и к банку, чтобы поддержать людей. Пришлось познать и премудрости бухгалтерского искусства.

Каждый понедельник антивирусная спецкомиссия «закручивала гайки» все более жестко. Но лично во мне ничего не менялось – оптимизм при взгляде на будущее меня не покидал и не покидает до сих пор. Как минимум, я отдохнул. Не телом, а душой. И даже службы в практически пустом храме дают стойкое ощущение Божиего присутствия. Мир настолько упорно шел к кризису, что кризис пришел к нему сам. Если бы не пандемия, думаю, на планете полыхнуло бы так, что досталось бы всем землянам. Скорее всего, была бы война, долгая, втягивающая в себя все мировые державы. Господь попустил, а может и прямо послал наименее болезненный выход из состояния мирового напряжения – коронавирус. Даже происки глобальных и региональных политиков тоже вписываются в Божие попечение о нас. Все делается для нашего блага, в первую очередь для духовного блага. Это мое глубокое убеждение.

Что поменялось во мне во времена текущего кризиса? Думаю, пришло ощущение большей ответственности и за себя и за людей. Это то, что лежит на поверхности. Сложно оставаться безучастным, когда на тебя смотрят с надеждой на поддержку люди, находящиеся рядом и вдали. И если вдруг ты сам впадаешь в панику и отчаяние, можно заразить этим многих. Значит, нельзя даже в малейшей мере

позволить себе расслабиться или раскиснуть. Да и нет никакого желания. Есть ощущение подъема. Но пока не могу просчитать – подъема куда?

В религиозном плане есть определенная надежда, да и логически просчитывается, что люди, испытавшие жажду присутствия в храме, после карантина ринутся в храм. Сработает эффект сжатой пружины. Потом пойдет небольшой откат религиозного энтузиазма. Все это проходили в 90-х годах.

Кто-то до кризиса ходил в храм в силу выработанной привычки. Карантин вынужденно заставил их изменить свои правила жизни, и это приведет к тому, что люди, не нашедшие для себя подлинной церковности, в храме больше не появятся, пока не созреют для принятия Христа. И это, как ни странно, радует!

Внешне храмы будут чуть более пустыми. Но эту пустоту постепенно заполняют как новые прихожане, пришедшие к вере сознательно, так и часть отошедших, после обретения осознанности.

Мои мечты о жизни после пандемии упираются в желание вытряхнуть всех людей из оболочки эгоизма. Возможно, так и произойдет. Сойдет маска самодовольства с лица людей, устроивших свою жизнь. Сойдет и ненависть не слишком успешных людей к «богатым».

Есть надежда, что многие прихожане наших храмов перестанут воспринимать Православие только как традицию предков, а храмы – как место психологической релаксации. Появится сознательная вера и желание активно участвовать в жизни прихода, а не оставаться пассивным созерцателем служб. Думаю, что многие «верующие в душе» и те, кто ходит в храм, чтобы заработать какие-то «баллы перед Боженькой», видя немощь своих надежд в трудной ситуации, придут ко Спасителю по-настоящему.

Надеюсь, что и значительная часть духовенства поймет, как сильно они зависят от прихожан и как важно ценить присутствие на приходе каждого человека. И что вынужденная изоляция заставит нас более плотно собираться в приходские общины, живущие по принципу большой семьи, с взаимной помощью и поддержкой друг друга.

Протоиерей Сергей Стаценко

Александр ГАЛАК

«Достоинный, энергичный пастырь...»

*Протоиерей Владимир Невоструев и его время**

Отец Владимир Невоструев был в числе первых четырнадцати священников, оказавшихся на просторах Туркестанского края еще до основания здесь епископской кафедры. Священнослужителям-пионерам приходилось решать на местах разнообразные задачи по закладыванию основ религиозной жизни и утверждению христианства; по строительству храмов, созданию общин и открытию первых школ.

...18 мая 1868 года, практически следом за Самаркандом, Катта-Курган** был занят русскими войсками. По месту своего расположения он становится пограничным укреплением Российской империи, в двадцати верстах от границы с Бухарским ханством. Гарнизон, состоявший в то время из одного батальона, сотни казаков, команды артиллеристов, а также администрации уезда, насчитывал около 1500 человек¹.

Потребность в обустройстве церковной жизни в гарнизоне стала ощущаться с первых же дней, и начальство стало хлопотать о присылке священника. В том же году в Катта-Кургане строится первая небольшая военная церковь, которую решено было освятить во имя святого равноапостольного князя Владимира***.

Имя первого его настоятеля также было Владимир.

Отец Владимир Михайлович Невоструев родился в 1839 году, 27 января, в семье священника Вятской епархии. В 1860 году окончил Вятскую Духовную семинарию по 2-му разряду. После окончания три года служил учителем при сельских училищах. Епископом Оренбургским и Уральским Варлаамом был принят из Вятской епархии в Оренбургскую и им же позже рукоположен в священнический сан. Указом епископа Варлаама от 29 июня 1863 года отец Владимир был определен к Спасо-Преображенскому собору в Орске и назначен на три года катехизатором. За

* Автор выражает благодарность Татьяне Александровне Вавиловой за помощь в сборе материала.

** Катта-Курган, или Каты-Курган, – ныне г. Каттакурган Самаркандской области Республики Узбекистан. (Прим. ВС.)

*** Об истории каттакурганского храма см.: Галак А. Храм святого равноапостольного князя Владимира в Каттакургане // ВС. 2017. № 2 (XLIII). (Прим. ВС.)

ревностное исполнение своих обязанностей в 1866 году награжден набедренником. А в 1868 он обратился с прошением о переводе в Катта-Курган, на открывшееся штатное место священника. К тому времени отцу Владимиру было 29 лет и он был женат на Елизавете Ивановне Невоструевой.

Благочинный церковью Сыр-Дарьинской области протоиерей Андрей Малов извещал 9 октября 1868 года командира крепости Катта-Курган, что, по указанию временно Командующего войсками Туркестанского округа генерал-майора Дандевилля, вновь прибывший в Туркестанский округ священник Невоструев назначен в укрепление Катта-Курган личным священником. 4 ноября отец Владимир, которого благочинный Андрей Малов снабдил антимином и священными сосудами, прибыл в Катта-Курган. Средств, отпущенных ему от начальства на приспособление сакли под церковь, было около 100 рублей с небольшим.

Причт Катта-Курганской церкви по штату, Высочайше утвержденному 9 февраля 1869 года, состоял из одного священника и двух причетников (церковников) из нижних военных чинов гарнизона. До основания в 1872 году Туркестанской епархии, Катта-Курганская церковь была причислена к Оренбургской епархии с подчинением ее архиерею и консистории.

По прибытии на место служения в Катта-Курган отец Владимир сразу же занялся поиском помещения для временной церкви и средств для ее обустройства. Выбор его пал на большую, не занятую никем саклю. Но в то же самое время и командир батальона, и комендант крепости Катта-Кургана обратили внимание на это строение, собираясь устроить в нем батальонную школу. Из-за этого дело с помещением для церкви никак не решалось.

К счастью, отец Владимир был приглашен на освящение Свято-Георгиевской церкви в Самарканде, на котором присутствовал и главный начальник Зарафшанского округа генерал Александр Абрамов. Речь зашла об устройении Катта-Курганского храма, и отец Владимир рассказал генералу о возникших трудностях. Выслушав священника, генерал разрешил ему занять под храм спорное помещение и в то же время помог ему решить вопрос со средствами, необходимыми для начала обустройства церкви. Сделав первым пожертвование, Абрамов предложил Невоструеву обратиться с просьбой к офицерам Самаркандского гарнизона. Едва только священник успел высказать свою просьбу, все откликнулись на его слова с пониманием и каждый дал что мог. В общей сложности на руках у отца Владимира сразу же оказалось около 250 рублей. Вернувшись в Катта-Курган, священник доложил коменданту о воле начальника Зарафшанского округа и приступил к работам по переустройству помещения под церковь.

Начальник Катта-Курганского отдела дал распоряжение коменданту крепости в ближайшее время подготовить отведенное под церковь строение и выделить в помощь священнику двух плотников. Но и в самом гарнизоне нашлись люди, пожелавшие помочь в создании церкви. По воспоминаниям отца Владимира, особенно ценную помощь оказал молодой офицер 5-го Туркестанского линейного батальона Николай Каразин, в будущем известный художник и прозаик*. Не имея под рукою

* О туркестанском периоде жизни Н. Каразина см.: Шафранская Э. Николай Каразин: известный, забытый, возвращенный // ВС. 2013. № 2 (30). (Прим. ВС.)

другого материала, Каразин написал для царских врат образ Благовещения Пресвятой Богородицы акварельными красками на картоне. Он также составил рисунок всего иконостаса с царскими вратами, который отец Владимир Невоструев, увеличив его до соответствующего размера, перенес на большие, толстые листы картона, крепко склеенные по два листа вместе. Благодаря высечке и вырезке специальными резцами и долотами, иконостас по виду представлял собой подобие резьбы. Над этой работой Невоструев трудился у себя на квартире и предлагал всякому приходящему к нему принять в ней посильное участие. Через неделю работа была закончена.

Но комендант крепости не успокоился. Однажды утром, в декабре, когда отец Владимир, находясь в церкви, наблюдал за ходом работ, явился унтер-офицер и за ним солдаты со столами и скамейками. Священник любопытствовал у них, что все это значит? В ответ унтер-офицер сообщил, что по приказу командира здесь будет располагаться школа. «Не школа здесь будет, а церковь!» – сказал священник, не дозволив ставить столы. Через некоторое время отец Владимир получил записку от плац-адъютанта срочно явиться к коменданту по делам службы. Хотя эта записка была написана в приказном тоне, не совсем приличном при обращении к священнику, отец Владимир отправился к коменданту. Только он переступил порог, как комендант начал кричать на него, требуя подчинения. Немного успокоившись, стал разъяснять отцу Владимиру, что тот обязан исполнять распоряжения начальства и повиноваться властям. Священник заметил в ответ, что он имеет разрешение своего начальства и не подчинен коменданту. Это вызвало новый взрыв негодования, и комендант велел отцу Владимиру выйти вон. Священник вышел и возвратился к прерванной работе в церкви. Ему пришлось проявить немало смелости и находчивости, чтобы подготовить помещения под церковную службу.

Иконы для иконостаса и алтаря, писанные на полотне, пожертвованы и высланы из Москвы от имени разных благотворителей, к усердию коих обращался с просьбой отец Невоструев через своих родственников в Москве. Тонкие и легкие решетчатые царские врата, с наложенными на них гирляндами плюща, окружающими икону Благовещения, завершили собою общий веселый вид оригинального иконостаса, перед которым были поставлены не менее оригинальные подсвечники из взятых при покорении края медных сартовских военных труб, вышиною до 1 и 3/4 аршина, обращенных вниз своими широкими раструбами, а в верхнем тонком конце с припаянными дисками и подставками для свечей. Паникадило было сделано из большой грушевидной тыквы².

Зимой 10 декабря (23 декабря по новому стилю) 1868 года происходило первое освящение Свято-Владимирского храма, и комендант должен был присутствовать при этой церемонии, так как в числе присутствовавших был сам главный начальник Зарафшанского края генерал Абрамов. Начало было положено, и с этого времени Катта-Курганский храм стал функционировать.

На сохранившейся старинной фотографии видно несложное строение среднеазиатского типа с плоской крышей, отличающееся от остальных разве что только маленьким куполом с крестом; рядом с ним стоит небольшая колокольня в виде деревянного помоста под открытым небом.

Для звона к созыву на церковную службу и во время ее, были в первое время употребляемы поддужные колокола разных размеров от почтовых тарантасов. Вообще первая временная церковь если и бедна была убранством, но по отзыву видевших, была очень эффектна. Понравилась она и первому Туркестанскому Генерал-Губернатору К.П. Фон-Кауфману, побывавшему в Катта-Кургане 19 октября 1869 года <...>. 21 апреля 1869 года впервые <...> на границе с владениями Эмира бухарского, при торжественной обстановке, отпраздновали Св. Пасху; скромная церковь вся была в огнях, с крепостных верхов гремел пушечный салют³.

Для коренного населения Катта-Кургана и служителей рядом находящегося медресе это было невиданное прежде зрелище.

Устроенная таким образом временная церковь, конечно же, не могла в полной мере отвечать своему назначению, и в скором времени стали подумывать о постройке особого здания под храм. Генерал Абрамов с сочувствием отнесся к этому и пообещал выделить отцу Владимиру необходимые средства. Приказом по народному управлению Зарафшанского округа от 19 ноября 1870 года он назначил комитет для постройки новой церкви в составе председателя – коменданта крепости подполковника М. Юния*, и членов: священника Невоструева, капитана Молчанова и поручика Попова, с тем, чтобы комитет составил смету расходов и материалов, необходимых на постройку. Участок земли под здание церкви прежде принадлежал Эмиру Бухарскому и находился на главной улице, идущей от крепости к саду. Он был выкуплен у местных жителей. Здание церкви, возведенное из сырцового кирпича на цоколе из жженого, под земляной крышей, и на этот раз имело вид временной постройки. Пол был выложен плоским кирпичом, а в алтаре заштукатурен алебастром.

Здание было 5 аршин (3,5 м) в высоту, 38 аршин (27 м) в длину и 14 (10 м) в ширину и поддерживалось изнутри двумя рядами деревянных винтовых колонн, которые также были оштукатурены и выбелены известью. С северной стороны, в двух шагах от входных дверей, была устроена сторожка, соединенная с церковью общей крышей. Над алтарем установлен скромный деревянный крест, обитый серебристой жостью. Иконостас – невысокий, но трехъярусный, остов его был из тополевого дерева, с шестью винтообразными точеными столбиками. Иконостас также был оштукатурен алебастром и выкрашен в светло-голубой цвет. Решетчатые царские врата из тополевого дерева покрыты лаком. Иконы были перенесены из прежней церкви, а металлические подсвечники и двухъярусное паникадило на 50 свечей – выписаны из Москвы. На стенах церкви висело несколько трофейных значков, взятых при сражении с бухарцами на Зерабулакских высотах.

Вблизи церкви на церковной площади была выстроена деревянная звонница с четырьмя колоколами, отлитыми из чугуна местным кузнецом Муминбаем. Когда расплавили чугун для главного колокола, то в раскаленный сплав многие, как русские, так и местные жители, бросали серебряные бухарские монеты. Главный колокол весил 40 пудов. Правда, звук от чугунных колоколов, а особенно от большого, разбитого от чрезмерного усердия звонарей, был неважный и напоминал

* Михаил Павлович Юний – участник обороны Севастополя во время Крымской войны (1853–1856); в 1860-е служил комендантом Казалинска. (Прим. ВС.)

звук кухонных казанов, но в то время православные были рады и таким колоколам, украшавшим церковную службу. Эти колокола прослужили ровно двадцать лет, пока для следующей, уже капитальной церкви, не были привезены медные колокола.

Отцу Владимиру Невоструеву не суждено было самому завершить возведение Катта-Курганского храма. 21 февраля 1871 года он был переведен на открывшееся штатное место священника в храм при Ташкентском военном госпитале⁴.

30 сентября того же года первая, временная церковь во имя святого великомученика и целителя Пантелеймона была освящена⁵. С этого времени членом строительного комитета по постройке Катта-Курганской церкви и ее временным настоятелем был назначен самаркандский священник Капитон Высоцкий.

В конце 1871 года работы по постройке церкви были закончены. Последнюю литургию в старой церкви-сакле совершили 26 ноября 1871 года, после чего сооружение было разобрано. На месте расположения первой церкви установили мраморную плиту с крестом, но вскоре она была украдена; ныне это место затеряно⁶.

С 10 октября 1871 года по 11 ноября 1872 года отец Владимир служил настоятелем Госпитальной церкви и исполнял должность законоучителя в Ташкентском училище для благородных детей.

В июне 1872 года первым епископом Туркестанским Софонией (Сокольским) была сформирована Туркестанская консистория. Приказом от 14 ноября 1872 года отец Владимир Невоструев переводится в город Верный (ныне Алма-Ата) на ответственную должность ключаря Туркестанского Кафедрального собора, а 25 января 1873 года Указом Святейшего Синода его утверждают в должности члена Туркестанской Духовной консистории.

Но вскоре отец Владимир по собственному желанию просит освободить его от несения этих обязанностей и, получив разрешение, возвращается обратно в Ташкентскую госпитальную церковь.

С 1873 года он служил благочинным церковей 1-го округа Сыр-Дарьинской области (к которой относился тогда Ташкент) и законоучителем в Ташкентском городском четырехклассном училище. За труды на этом поприще в 1874 году был награжден камилавкой, а в 1876 году – наперсным крестом. С 1876 по 1898 годы отец Владимир состоял законоучителем при Ташкентской мужской прогимназии. С июля 1877 года по распоряжению Епархиального начальства он освобожден от должности благочинного и от службы при Госпитальной церкви и переведен на штатную должность законоучителя в Ташкентскую мужскую прогимназию.

Приблизительно в те же годы отцу Владимиру приходилось быть и священником городской тюрьмы. В то время при тюрьме еще не было храма и к заключенным приходили священники из Иосифо-Георгиевской церкви. Когда духовником для находящихся под арестом был назначен отец Владимир, он добился разрешения устроить во втором здании тюрьмы церковь. Для устройства ее были использованы три помещения камер, находящихся рядом. Тюремная церковь была устроена просто и не богата утварью, с одноярусным иконостасом, выкрашенным в белый цвет, и иконами, выполненными художником-любителем Де-

велем. 22 декабря 1879 года тюремная церковь была освящена во имя Покрова Пресвятой Богородицы⁷.

Будучи военным священником, отец Владимир в 1878 году принял участие в походе на Индию, который, однако, был приостановлен в районе Джама. В феврале 1879 года он подает прошение и переводится на штатное место священника при Ташкентском батальоне. В июле того же года, опять же по собственному прошению, возвращается в Госпитальную церковь и продолжает преподавать Закон Божий в Ташкентском городском училище. В апреле 1880 года за отлично-усердную службу Невоструев награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1882 году утвержден в должности директора Сыр-Дарьинского попечительного о тюрьмах комитета.

Отец Владимир имел одного сына и трех дочерей. 17 октября 1885 года он овдовел; его супруга была похоронена на ташкентском Боткинском кладбище (могила сохранилась).

7 апреля 1888 года отец Владимир получает сан протоиерея; с 1894 по 1897 годы он является духовником Ташкентского городского духовенства.

По благословию епископа Ташкентского и Туркестанского Никона (Богоявленского), 5 мая 1896 года отцом Владимиром была совершена закладка домово́й церкви при Ташкентской учительской семинарии*. Место для закладки церкви было украшено флагами и выложено зеленью. После богослужения в Спасо-Преображенском соборе ташкентское духовенство вместе с молящимися вышли крестным ходом, к которому по пути примкнули еще крестные ходы из Иосифо-Георгиевского храма и двух гимназических церквей. Торжественное богослужение совершалось по чину «на освящение храма». Перед началом молебствия законоучитель учительской семинарии иерей А. Марков произнес речь. По водружении креста по чину церковного устава на месте святого престола и по освящении камня для основания святого алтаря была зачитана надпись на серебряной дощечке следующего содержания:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа основана сия церковь в честь и память святого Благоверного Великого Князя Александра Невского при державе Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя нашего Императора Николая Александровича, при святительстве Преосвященнейшего Никона Епископа Туркестанского и Ташкентского. При правлении Туркестанского Генерал-Губернатора барона Александра Борисовича Вревского, в лето от сотворения Мира 7404, от Рождества по плоти Бога Сына 1896 г., месяца Мая 5 дня. Гор. Ташкент⁸.

В феврале 1897 года отец Владимир снова был переведен в Верный и назначен настоятелем верненского Туркестанского Кафедрального собора и заведующим соборной церковно-приходской школой.

Однако в Верном отец Владимир и в этот раз прослужил недолго. 9 января 1899 года по собственному прошению он переводится настоятелем домово́й церкви во имя Святителя Николая при Российско-Императорском Политическом

* Пятиглавая домовая церковь, прилегавшая к западной части учительской семинарии, была построена по проекту А. Бенуа в 1898 году. Храм был освящен во имя святого благоверного князя Александра Невского. Несмотря на то, что здание являлось памятником архитектуры, в ноябре 2009 года оно было снесено. (Прим. ВС.)

Агентстве в городе Новая Бухара (ныне – Каган), находящемся на территории Бухарского ханства. Там исполняет также обязанности законоучителя в мужском и женском приходских училищах. В 1901 году отец Владимир был награжден паплицей.

Через полтора года следует новое назначение, на этот раз в Самарканд. С августа 1900 по апрель 1901 гг. Невоструев служит настоятелем Свято-Георгиевской церкви и благочинным церковью Самаркандской области, затем возвращается в Новую Бухару.

Осенью 1903 года в Новой Бухаре со святой горы Афон прибыла икона с изображением святого великомученика и целителя Пантелеймона. Для сопровождения иконы из Ташкента в Новую Бухару были выбраны самые достойные кандидаты из прихожан храма. Для перевозки иконы правление Средне-Азиатской казенной железной дороги выделило специальный вагон. Для участия в празднестве прибыли две роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона, расположенного в Новой Бухаре, и специально прибывший из Самарканда батальонный хор.

Все началось с совершения в церкви отцом Владимиром панихиды по в Бозе почившей Императрице Марии Александровне*, поскольку именно в ее честь был прислан дар от иноков со Святой горы Афон. После богослужения на станцию железной дороги направился крестный ход, в котором приняли участие православные жители Новой и Старой Бухары (ныне Бухара) и солдаты 2-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона. Когда крестный ход прибыл к станции, вагон, где находилась святая икона, уже стоял на перроне.

Икона имела с обратной стороны надпись: «Великий Страстотерпец Христов да будет для всех Целителем недугов душевных и телесных и Молитвенником перед Господом о просвещении всех заблуждающихся светом веры Православно-Христианской». В изображение застезки святого Пантелеймона была вложена маленькая частичка его мощей и ваты, освященной на честной главе и пропитанной елеем из лампад пред его чудотворной иконой.

В привокзальном саду отец-настоятель Владимир Невоструев отслужил молебен перед иконой. Затем икону на особых носилках подняли и под пение гимна «Коль славен Бог» перенесли крестным ходом обратно к храму. Сначала икона была установлена во временном киоте, но вскоре прихожане собрали средства на изготовление дорогого и очень изящного киота.

В Самарканде, ставшем местом очередного служения отца Владимира, ему суждено было прослужить немало лет. К его приезду в городе как раз заканчивалось возведение нового, большого и просторного здания женской гимназии. Оно было построено по проекту Вильгельма Гейнцельмана на подаренном городом участке земли с обширным садом на Абрамовском бульваре. Проект предусматривал и домовую церковь, располагавшуюся в центре здания на втором этаже.

Освящение гимназической церкви состоялось 27 октября 1904 года в присутствии приехавшего из Ташкента главного инспектора училищ Туркестанского

* *Мария Александровна* (1824–1880) – императрица, супруга императора Александра II и мать императора Александра III. (Прим. ВС.)

края Ф.М. Керенского, педагогического персонала мужской и женской гимназий, членов строительной комиссии и городского хозяйственного комитета, а также родителей учащихся и представителей местных обществ. Церковь была освящена в честь святого Анфима, епископа Никомидийского⁹.

В 1905 году Невоструев назначается священником Свято-Георгиевской церкви и благочинным военных церквей Самаркандской области. Отец Владимир был одним из инициаторов издания «Туркестанских епархиальных ведомостей» (с 1906 года).

Через пять лет он снова меняет место служения: в 1910 году становится священником 5-го Туркестанского стрелкового полка в Самарканде. Кроме этого отец Владимир состоял почетным членом Самаркандского областного попечительства о детских приютах ведомства Императрицы Марии.

Служа в Самарканде, отец Владимир с семьей проживал сначала в доме Сергеева на Эспланадной улице (ныне ул. Бустон Сарай), а позже в доме № 1 по улице Черняевской (ныне ул. Махмуда Кашгари). Одна из его дочерей, Антонина Владимировна, служила в самаркандской почтово-телеграфной конторе.

В июне 1913 года, 29 числа, в день празднования первоверховных Апостолов Петра и Павла, в Свято-Георгиевском храме Самарканда прошло чествование 50-летнего юбилея служения отца Владимира.

Цена в юбиларе достойного энергичного пастыря, симпатичнейшего и душевного человека, вся местная администрация, военное начальство, духовенство и православное русское население г. Самарканда единодушно отметили день 50-летнего ревностного служения его в священном сане подобающим торжественным чествованием¹⁰.

Перед молебном священник 12-го Туркестанского Стрелкового полка отец Григорий Дьяконов обратился к нему с приветственной речью и от лица всего духовенства преподнес ему в дар образ святого равноапостольного князя Владимира. После окончания молебна командиром 2-го Уральского казачьего полка И.И. Паленовым юбиляру было преподнесено Святое Евангелие, а представителем от православного населения города – икона Спасителя.

В феврале 28 числа 1914 года протоиерей Владимир Невоструев обращается с рапортом к Протопресвитеру военного и морского духовенства Г. Щавельскому с просьбой предоставить ему четырехмесячный отпуск для выезда на лечение в Россию, прилагая к нему медицинское свидетельство. Он также оповещает начальство, что самаркандские священники согласны заменить его на время отсутствия. Из этого рапорта видно, что он собирается продолжить служение в церкви после лечения. В ответ на поданном прошении был начертан отказ: «Протоиерей В. Невоструев стар и выслужил полную пенсию. Кажется, он должен бы был исполнить обещание подать в отставку...»¹¹.

В марте 1914 года отец Владимир назначается гарнизонным священником Самарканда, но уже 30 марта указом Протопресвитера Армии и Флота с формулировкой «согласно прошению и по преклонности лет» был уволен в отставку¹².

Где, когда и при каких обстоятельствах закончил свой жизненный путь отец протоиерей Владимир Михайлович Невоструев – пока остается неясным; одно из

последних упоминаний о нем относится к 25 июня 1918 года, когда он, согласно решению, по преклонности лет был уволен по собственному желанию от заведования Андижанской Сергиевской церкви¹³. Отцу Владимиру исполнилось тогда 79 лет и, вероятнее всего, он уже не в силах был служить.

Таким образом, довольно продолжительная и плодотворная жизнь отца Владимира охватила собой почти весь туркестанский период истории Ташкентской епархии. Прибыв в край еще до создания епархии, он прослужил здесь полвека, почти до революций 1917 года, полностью изменивших церковную жизнь Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Поспелов Ф. Церковь Св. равноапостольного князя Владимира в гор. Катта-Курган // Туркестанские Епархиальные ведомости. 1914. № 12. С. 291.

² Там же. С. 293.

³ Там же.

⁴ См.: Послужной список отца Владимира Невоструева. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 806. О. 5. Д. 8945. Л. 3.

⁵ См.: Абдуллаев Е. История Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора // ВС. 2011. Вып. XXIII–XXIV. С. 23.

⁶ См.: Поспелов Ф. Указ. соч. С. 296.

⁷ См.: Сержанова И. Чтобы было чем порадовать пра-

вославную душу // «Слово Жизни». Газета Ташкентской и Среднеазиатской епархии. 2005. № 10 (231).

⁸ Новая церковь в Ташкенте // Прибавление к Церковным Ведомостям. 1896. № 27. С. 966–968.

⁹ См.: Туркестанские Ведомости. 1904. № 167.

¹⁰ Из Самарканда // Вестник Военного и Морского духовенства. 1913. № 19. С. 587.

¹¹ РГИА. Ф. № 806. Оп. 5. Д. 8945. Л. 1

¹² См.: Туркестанские Епархиальные ведомости. 1914. № 11. С. 96–97.

¹³ Туркестанский Церковный Вестник. 1918. № 3. С. 10.

«Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича не располагаем...»

Об одном эпизоде из жизни протоиерея Михаила Котлярова

Публикация и комментарии Евгения Абдуллаева

От редакции. 16 января 2019 года, на 81-м году жизни, отошел ко Господу один из старейших священнослужителей Ташкентской епархии – митрофорный протоиерей Михаил Котляров.

Отец Михаил родился в 1938 году в городе Калачинске Омской области. Перед войной семья переехала в Ташкент. В раннем детстве он осиротел: мать скончалась, когда ему было два года, а отец погиб на фронте. До 1952 года воспитывался в детдоме, окончил семь классов. В 1952 году был направлен на учебу в Пермское специальное ремесленное училище, которое окончил в 1955 году. В том же году вернулся в Ташкент, где полтора года жил у дальней родни. К этому времени относится его знакомство с архимандритом Борисом (Холчевым), бывшим в то время настоятелем Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора; о. Борис стал духовным руководителем шестнадцатилетнего юноши, крестил его, помогал материально. С 1957 года Михаил Котляров прислуживал в алтаре Никольского храма Душанбе; в 1958 году поступил в Саратовскую духовную семинарию. С 1959 по 1963 годы служил в армии. В июле 1963 года попытался продолжить духовное образование, подав заявление в Московскую духовную семинарию, однако из-за противодействия уполномоченных по делам РПЦ поступить не смог, а также вынужден был уйти из собора. В течение последующих двух лет он работал художником на заводе «Узбексельмаш». В 1965–1967 годах, после ослабления атеистической кампании, он смог доучиться в Ленинградской духовной семинарии.

В 1967 году архиепископом Ташкентским и Узбекистанским Гавриилом (Огородниковым) был рукоположен во диакона, в 1969 году им же – во иерея. В 1969–1972 годах был настоятелем Александро-Невского храма, в 1972–1976 – настоятелем Свято-Ермогеновского храма Ташкента. В 1976–1977 годах – настоятель Михайловского храма села Семеновка (Иссыкульская область, Киргизия), с 1977 по 1985 годы снова служил настоятелем ташкентского Свято-Ермогеновского храма. В 1978 году был удостоен звания протоиерея, в 1998 году награжден правом ношения митры.

С 1985 до конца своих дней (за исключением краткого перерыва, когда в 1992–1993 годах был настоятелем Покровского храма села Покровка в Киргизии) он служил в Ташкентском Свято-Успенском кафедральном соборе. В 2010-е годы был духовником епархии.

«Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича не располагаем...»

«...Он честно, добросовестно, порядочно, самоотверженно, с любовью нес свой крест священнического служения. Для нас всех он является большим примером, как нужно служить у престола Божия», – сказал митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, возглавлявший чин отпевания отца Михаила.

Мысль посвятить памяти отца Михаила Котлярова публикацию в нашем журнале возникла сразу после его кончины; тогда же, по нашей просьбе, родные покойного передали в редакцию для сканирования фотографии из семейного архива. Однако для того, чтобы собрать воспоминания о почившем протоиерее, потребовалось больше времени, чем это первоначально планировалось.

Ниже помещены два материала, посвященные памяти отца Михаила.

Первый представляет собой не только биографический, но и определенный исторический интерес. Это копия переписки советских органов, осуществлявших надзор за религиозными организациями, относящаяся к июлю-августу 1963 года. Связана она с тем, что Михаил Котляров, желая завершить свое духовное образование, подал заявления одновременно в Московскую и Ленинградскую духовную семинарию (Саратовская семинария, где он проучился год, была в 1961 году закрыта, а учащиеся распределены в Московскую и Ленинградскую семинарии). Эта переписка наглядно показывает те методы, к которым прибегала власть в этот период (на пике антирелигиозной кампании), стремясь всячески помешать верующим молодым людям получить духовное образование. Документы публикуются по копиям, подшитым в личном деле отца Михаила, которое хранится в архиве Ташкентской епархии^{*}; каким образом и из какого архива они сюда попали, к сожалению, неизвестно. Курсивом набраны фрагменты текста, написанные от руки. Стилистика документов сохранена, мелкие орфографические ошибки исправлены.

Второй материал – краткие воспоминания об отце Михаиле, собранные настоятелем ташкентского Александро-Невского храма протоиереем Сергием Стаценко.

Документ 1. Письмо уполномоченного Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области

Документ представляет собой стандартизированный машинописный запрос; данные адресата и информация об абитуриенте заполнялись от руки. Документ, таким образом, имеет типовой характер; аналогичные запросы рассылались и в другие места, откуда подавались заявления. Это свидетельствует также о том (и приводимый ниже Документ 2 подтверждает это), что православные учебные заведения предоставляли списки абитуриентов местным уполномоченным, либо в официальном порядке, либо негласно. Письмо адресовано уполномоченному Совету по делам РПЦ при Совете министров СССР по Узбекской ССР, полковнику госбезопасности Шарифу Ширинбаеву^{**}, исполнявшему эту должность в 1960–1966 годах. Алексей Трушин – в 1943–1966 годах – уполномоченный Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области; в 1966-м – 1977-м – уполномоченный Совета по делам религий по Москве и Московской области.

Документ содержит неточность: в указанное время М. Котляров служил в кафедральном соборе не пономарем, а алтарником (на эту неточность указано в Документе 5).

^{*} Оп. 2. Л/Д (временная опись).

^{**} О деятельности Ш. Ширинбаева см.: Абдуллаев Е. История Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора (Окончание) // ВС. 2012. Вып. XXV. С. 26–31.

«Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича не располагаем...»

Уполномоченный Совета
по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР
по г. Москве и Московской области

Неглинная ул., д. 13

Тел. Б 1-28-47

№ 1/105

31 июля 1963 г.

УПОЛНОМОЧЕННОМУ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
По Узбекской ССР

Тов. Ширинбаеву Ш.К.

К о п и я: В СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

тов. КАЗЫЗАЕВУ Г.С.

В порядке информации сообщаю, что житель вашей республики
Котляров Михаил Иосифович, 1938 г.р., пономарь кафедрального собора г. Таш-
кента, там же и проживает по ул. Халкабад, д. 57

подал заявление о приеме его в Московскую духовную семинарию на 1963–
1964 учебный год.

Информируя о вышеизложенном, прошу Вас принять через местные партийно-
советские органы соответствующие меры по предотвращению поступления его в
семинарию. Кроме того сообщите (если располагаете) наличие компрометирую-
щих материалов, которые могли бы послужить препятствием к зачислению его в
это учебное заведение.

Уполномоченный Совета
по делам русской православной церкви
при Совете Министров СССР
по гор. Москве и Московской области – (А. Трушин)

**Документ 2. Письмо уполномоченного Совета по делам РПЦ по Ленинграду
и Ленинградской области**

Данный документ по форме дублирует Документ 1, только в более сжатом
виде. Григорий Жаринов занимал должность уполномоченного Совета по делам
РПЦ по Ленинграду и Ленинградской области в 1961–1965 годах; с 1966-го по
1984-й был уполномоченным Совета по делам религий. В «Докладной записке о
духовных учебных заведениях уполномоченного по Ленинграду и Ленинградской
области Совету по делам религий при Совете Министров СССР от 13 октября 1972
года № 193» Жаринов с гордостью докладывал:

«Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича не располагаем...»

«Контролируя процесс приема в ленинградские духовные школы, мы тщательно следим, чтобы не допустить поступления в эти учебные заведения лиц, нежелательных по тем или иным причинам. С этой целью мы внимательно знакомимся с документами абитуриентов, своевременно предоставляемыми в наше распоряжение администрацией ЛДАиС*. О каждом подавшем заявление мы информируем уполномоченных тех областей, где проживают желающие поступить в духовную школу, а в Ленинграде – местные комсомольские и партийные органы. Используя поступающие с мест сведения об абитуриентах, нам удалось убедить администрацию духовной семинарии и м. Никодима**, непосредственно участвовавшего в приеме в семинарию и академию, о нецелесообразности приема (а в некоторых случаях даже вызова на экзамены) целого ряда лиц, не внушающих политического доверия, тунеядцев, сознательно уклоняющихся от общественно-полезного труда, религиозных фанатиков, приспособленцев, явно рассчитывающих на карьеру и сладкую церковную жизнь, психически ненормальных и др. нежелательных лиц»***.

Ответ Ширинбаева на публикуемый ниже запрос среди документов отсутствует; вероятно, он по форме дублировал ответ московскому уполномоченному.

Уполномоченный Совета
по делам русской православной церкви
при Совете Министров СССР
по Ленинградской обл.
3 августа 1963 г.
№ 66

Уполномоченному Совета по делам
Русской православной церкви при
Совете Министров СССР
по Узбекской ССР
тов. Ширинбаеву Ш.К.

Довожу до Вашего сведения, что с заявлением о приеме в Ленинградскую духовную семинарию обратился житель г. Ташкента Котляров Михаил Иосифович – алтарник кафедрального собора г. Ташкента.

Прошу сообщить наличие материалов, которые могли бы воспрепятствовать зачислению его в семинарию, и принять необходимые меры на месте.

Уполномоченный Совета –

Г. Жаринов

* Ленинградской Духовной Академии и Семинарии.

** Митрополит Никодим (Ротов) – в то время ректор Ленинградской Духовной Академии и Семинарии.

*** Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 6991. Оп. 6. Д. 474. Л. 72–75. Цит. по: Вишневский А.К. Совет по делам религий и Русская Православная Церковь при патриархе Пимене (1971–1990) // «Церковь и время». 2012. № 4 (61). URL: <https://mospat.ru/church-and-time/1397#fnref-1397-31>.

Документ 3. Письмо Ш. Ширинбаева в Ташкентский городской комитет Коммунистической партии

Почти сразу после получения письма от московского уполномоченного Михаил Котляров был вызван в местный Совет по делам религий для беседы. Через два дня, 14 августа, Ширинбаев уже информировал о «деле Котлярова» Валентина Архангельского, занимавшего в то время должность секретаря Ташкентского горкома по идеологии (с 1971 г. – зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП Узбекистана). Реагируя на просьбу (а по сути, учитывая более высокий статус московского уполномоченного, – указание) «принять через местные партийно-советские органы соответствующие меры по предотвращению поступления его (М. Котлярова – Е.А.) в семинарию», Ширинбаев просил Архангельского «дать указание о проведении силами атеистов соответствующей работы с ним с целью предотвращения выезда на учебу». Была ли такая работа проведена, уточнить, к сожалению, уже невозможно.

Упомянутое в конце документа «Приложение» – информация о проведенной беседе, публикуемая как Документ 5.

№ 388
14 августа 1963

СЕКРЕТАРЮ ТАШКЕНТСКОГО ГОРКОМА
КП УЗБЕКИСТАНА
тов. АРХАНГЕЛЬСКОМУ В.А.

По данным аппарата Уполномоченного Советов по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по г. Москве и Московской области, о приеме на учебу в Московскую духовную семинарию подал заявление Котляров Михаил Иосифович, 1938 г. рождения, работающий алтарником Ташкентского кафедрального собора.

Прилагая справку о нашей беседе с Котляровым, просим дать указание о проведении силами атеистов соответствующей работы с ним с целью предотвращения выезда на учебу.

Приложение: по тексту на 2 листах.

Уполномоченный Советов

Ш. Ширинбаев

Документ 4. Письмо Ш. Ширинбаева уполномоченному Совету по делам РПЦ по Москве и Московской области

Документ представляет собой ответ на запрос московского уполномоченного (Документ 1). Особо обращает на себя внимание фраза: «...Не имеет необходимой общеобразовательной подготовки и документов, подтверждающих учёбу в тече-

«Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича не располагаем...»

ние одного года в Ставропольской духовной семинарии». Что касается Ставропольской семинарии, то получить подобный документ – и это должно было быть Ширинбаеву известно – Котлярову было неоткуда: семинария уже два года как была закрыта. Что же до отсутствия «необходимой общеобразовательной подготовки», то семилетнее образование считалось тогда вполне достаточным для поступления в семинарию – по крайней мере, в 1958 году с этой «общеобразовательной подготовкой» Михаил Котляров был благополучно зачислен в Саратовскую семинарию. Иными словами, не имея, как это и признается в письме, «компрометирующих материалов» на Котлярова, Ширинбаев приводил казуистические отговорки.

№ 389

14 августа 1963

Уполномоченному Совета по делам русской
православной церкви при Совете Министров СССР
по гор. Москве и Московской области
тов. ТРУШИНУ А.

Копия: Совет по делам русской православной церкви
при Совете Министров СССР
тов. КАЗЫЗАЕВУ Г.С.

Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича, которые могли бы послужить препятствием для вступления в духовное учебное заведение, не располагаем.

Из беседы с самим Котляровым выяснилось, что для поступления в Московскую семинарию он не имеет необходимой общеобразовательной подготовки и документов, подтверждающих учёбу в течение одного года в Ставропольской духовной семинарии. К тому же он жалуется на плохое состояние здоровья. Считаем, что все эти данные могут послужить мотивом для отказа Котлярову в приеме на учебу.

Приложение: справка беседы с Котляровым на 2 листах.

Уполномоченный Советов

Ш. Ширинбаев

Документ 5. Справка о беседе П. Кривошеева с М. Котляровым

Документ является Приложением к документам 3 и 4 и представляет биографический интерес, поскольку содержит ряд сведений, отсутствующих в сухих автобиографиях, содержащихся в личном деле отца Михаила. Особенно это касается детства и семьи будущего протоиерея. С другой стороны, о том, как действительно происходило его воцерковление и какую роль в этом сыграл архимандрит Борис (Холчев), он должен был умолчать: архимандрит и так находился у властей под подозрением. Как сообщалось в отчете уполномоченного по делам РПЦ Вороничева: «При Кафедральном соборе в г. Ташкенте существовала своего рода школа по подготовке кадров духовенства, куда платные агенты церкви поставляли молодежь,

которая под руководством архимандрита Бориса Холчева <...> изучала здесь теорию и практику церковной службы»*.

Беседа была проведена заместителем Ширинбаева Петром Кривошеевым, с 1961 по 1987 годы курировавшим все вопросы, связанные с деятельностью РПЦ в Средней Азии.

С П Р А В К А

О беседе с алтарником Ташкентского кафедрального собора Котляровым М.И.

От Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по городу Москве и Московской области получено сообщение, что пономарь Ташкентского кафедрального собора Котляров Михаил Иосифович, 1938 г. рождения, подал заявление о приеме его в Московскую духовную семинарию.

Информируя об этом, Уполномоченный Совета просил через местные партийно-советские органы принять соответствующие меры по предотвращению поступления Котлярова в семинарию.

Котляров действительно работает в кафедральном соборе, но не пономарем, а алтарником (проводит уборку в алтаре после церковных служб).

12 августа 1963 г. Котляров был приглашен в аппарат Уполномоченного Советов по делам религиозных культов и русской православной церкви при Совете Министров УзССР, и с ним была проведена беседа.

В беседе Котляров рассказал, что родился в Калачинском районе Омской области. Перед Отечественной войной родители его переехали в г. Ташкент. Отец был призван в армию и погиб на фронте, а мать умерла, когда ему было 2 года. Родителей своих не помнит, родственников не имеет. Воспитывался в детдоме.

Имеет образование в объеме 6 классов. В 1954 г. в г. Перми закончил ремесленное училище по специальности токаря.

В период учебы увлекался живописью, часто посещал церковь и кладбище, где на него произвели большое впечатление обстановка, убранство и песнопение. После этого стал интересоваться религиозной литературой, которой его снабжали якобы верующие старики и старухи. В результате сам стал верующим человеком.

В 1955 г. приехал в г. Ташкент, где жил около года у первой жены дяди (умерли), в течение 1,5 месяцев работал на заводе Таштекстильмаш, затем из-за болезни сердца бросил работу, в 1956 году выехал в г. Душанбе и стал работать алтарником церкви.

В 1958 г. поступил в Ставропольскую духовную семинарию, в сентябре месяце 1959 г. со второго класса был призван в ряды Советской Армии. Службу проходил в технических частях, демобилизован в декабре месяце 1962 г. По службе в армии имел поощрения и, как склонный к живописи, привлекался к оборудованию ленкомнат.

* ГАРФ. Р. 6991. Оп. 1. Д. 1827.

«Компрометирующими материалами на Котлярова Михаила Иосифовича не располагаем...»

С марта 1963 г. работает алтарником Ташкентского кафедрального собора, с окладом 80 руб. в месяц. Проживает в Кировском районе, ул. Халкабад, у Теппера Владимира Яковлевича, по специальности стекольщика. Платит за квартиру 10 руб. в месяц.

На вопрос Котлярову, как он проводит время и не стесняет ли его церковная обстановка, последний заявил, что тяжелую работу на производстве он выполнять не может из-за болезни, к тому же он уже специальность токаря забыл. Товарищей и друзей среди молодых ребят и девушек не имеет. Заводить такие связи он не думает, так как с ним, имеющим религиозные убеждения, никто дружить не пожелает, к тому же он не хочет быть посмешищем, как верующий молодой человек.

Котлярову было разъяснено, что его должность в церкви не подлежит профобслуживанию, он не может рассчитывать на получение пособий по болезни и пенсии (государственной и по линии патриархии), и предложена услуга подыскать место работы по состоянию его здоровья на производстве, где он сможет продолжать также учебу.

Котляров заявил, что работа в церкви его удовлетворяет и он хотел бы продолжать учебу в духовной семинарии.

Зам. Уполномоченного Советов

П. Кривошеев

«Как он умел радоваться...»

Воспоминания о протоиерее Михаиле Котлярове

* * *

Об отце Михаиле я впервые услышал, еще будучи послушником в Свято-Никольском соборе Душанбе. О нем упоминали как о живой легенде, священнике «тех» времен. Уж в 1990-е он числился среди старейших священнослужителей епархии.

Личное знакомство с ним состоялось при поступлении в Ташкентскую семинарию, где батюшка был секретарем учебного совета. А по сути – занимался почти всем документооборотом нашего учебного заведения. Первые ощущения: доброта, спокойствие, непредвзятость, уважительное отношение ко всем без разбора. И эта уважительность в нем совмещалась с чувством собственного достоинства; чувствовалось, что это не временная мимикрия, а стиль жизни, выработанный годами.

Тогда же, во время поступления, узнал, что о. Михаил свои первые шаги в Церкви начал в Душанбе, в Никольском храме, при настоятельстве протоиерея Даниила Фурманова. О Душанбе о. Михаил вспоминал с теплотой. Во время моих командировок в Таджикистан он всегда старался передать через меня какой-нибудь гостинец своим знакомым.

Во времена каких-то нестроений в моей жизни, «разгонов» от начальства, он старался мягко посочувствовать и дать совет, опираясь на свой богатый жизненный опыт. При этом никогда никого не осуждал, даже в доверительных разговорах. Это неосуждение вообще отличительная черта духовенства «старой закваски», воспринявшего пастырскую традицию от дореволюционных священников, а также новомучеников и исповедников. Внутреннее благородство, сочувствие, стремление войти в круг проблем собеседника – все это притягивало к о. Михаилу многочисленную паству. Это и подсказало мне выбрать его в качестве своего духовника. Это же ранее позволило правящим архиереям назначить о. Михаила духовником всей епархии и Семинарии.

Поступив в Семинарию в 1999 году, в начале 2001 года я уже был посвящен в пресвитерский сан. И, опять же, носителем теперь уже пастырского опыта стал

для меня о. Михаил. Не раз бывало, что он помогал материально, «подбрасывал» деньги, чтобы я, молодой священник, мог поддержать свою семью.

Его авторитет среди прихожан был очень высоким. Когда, например, в канцелярии заканчивались запасы бумаги, расходных материалов, ломалась оргтехника, о. Михаил обращался за помощью к многочисленным знакомым, никогда не было отказа. Благодаря о. Михаилу в Семинарии в начале нулевых годов появился цветной струйный принтер, что было величайшей редкостью в то время. Благодаря принтеру мы начали выпускать полноцветные стенгазеты.

Духовной радостью была исповедь у о. Михаила. В это время, когда ты стараешься максимально выговориться, бывали поползновения что-то приукрасить в себе, показать себя жертвой обстоятельств, а не собственной страстности. И тогда о. Михаил предельно мягко направлял мои словоизлияния в нужное русло. От него я ни разу не получал епитимии. Были только советы и сочувствие. И от этого еще сильнее хотелось исправлять свою «кривизну». И вообще, в нем никогда не было жесткого ригоризма «от буквы канонов», никогда он не потрясал исповедующихся людей жаркими обличениями и духовным «врачевством» в виде поклонов и отлучений. Он только слушал, уточнял и сочувствовал. И это воздействовало на всех гораздо лучше, чем обвиняющий и обличительный пафос, свойственный многим молодым и неопытным священникам.

Около одиннадцати лет я служил вместе с ним в кафедральном соборе. Я понимал: рядом находится кладезь бесценных сведений по истории Православной Церкви в Средней Азии. Урывками, по случаю, он упоминал о разных значительных событиях и личностях. Все время я собирался взять у него большое интервью по церковной истории в Таджикистане. Но все откладывал на потом, считая, что батюшка всегда тут, рядом...

В последние годы служения о. Михаила в нем можно было видеть проблески старческого дара, с его бесстрастностью, очевидной прозорливостью, ненавязчивостью и глубокой мудростью. Рядом с о. Михаилом достаточно было просто стоять, не обязательно общаться, – и приходило умиротворение...

Протоиерей Сергей Стаценко

* * *

Отец Михаил венчал нас с мужем 25 ноября 2016 года. Мы, помню, сильно опоздали на венчание. Забыли иконы дома, пришлось вернуться. Приехали, вижу, батюшка расстроен. Но так тихо и спокойно сказал нам: «Слава Богу, что не передумали, а то я думал, вдруг совсем не приедете». Нам было стыдно за опоздание, но батюшка был так спокоен, что мы тоже после всей суеты пришли в себя. Таинство венчания мы принимали впервые. Это была такая радость, и в то же время устанавливалось такое умиротворение в душе! Отец Михаил поздравил нас, дал напутствие жить в мире и согласии и беречь друг друга.

Также я ходила к нему на исповедь. Он был тихим и спокойным, всегда лаконичным, но в кратких словах его был глубокий смысл. Так же, как и на венчании, получается, что он не из-за нашей невежливости и опоздания расстроен был, – его

«Как он умел радоваться...»

расстроило, что вдруг мы передумали венчаться. Спасибо этому мирному человеку! И Царствие ему Небесное!

Наталья Екимова

* * *

Мое знакомство с отцом Михаилом состоялось в начале 90-х. Инициатором была моя мама (не крещенная, по духу – ближе к мусульманству). Она познакомилась с отцом Михаилом в Успенском соборе и подолгу с ним беседовала о жизни. Мама и посоветовала, когда у меня возникла трудная ситуация, поговорить с отцом Михаилом. Нашел я его в Соборе, попросил поговорить. Отец Михаил умел слушать и слышать, как никто другой. Разговор незаметно для меня перешел в исповедь. В то время я не посещал службы, не крещен был, даже не веровал. Но встречи с отцом Михаилом мне нужны стали как воздух. Мы не часто общались, но эти встречи изменили меня. Это не прошло незаметно для моего окружения. И вот однажды, после очередного «разбора» [на работе], когда мы проезжали мимо Собора, ребята говорят мне: «Давай зайдем, поставим вашему Богу свечки. Он же помогает нам».

Все бы могло быть и не так, если бы не беседы с отцом Михаилом.

И еще помню, как он умел радоваться. Его ласковый взгляд дорогого стоил. Когда я спрашивал, в чем есть у него нужда, он всегда говорил: «Господь обо всем позаботился, но если бы для семинарии бумагу могли бы подвезти, вот было бы здорово». И принимал он эту бумагу с такой детской радостью, что хотелось поехать и еще раз привезти, только бы увидеть его глаза.

Царствие небесное отцу Михаилу!

Дмитрий Протопопов

* * *

Была на исповеди у о. Михаила три раза. В первый раз меня (неофитистого неофита) поразило то, что по поводу моего очень непочтительного и враждебного отношения к одному священнику он сказал: «Это ваше право». Ничего себе, как это так – мое право? А как же указания, как конкретно мне быть? Ну а вообще-то, тогда меня это обрадовало... (после этого много раз возвращалась к этим его словам уже с другими чувствами). От тех его слов начались незаметные для меня перемены в отношении к тому священнику, которого очень осуждала, и вообще к людям. До такой степени, что сейчас я желаю ему и его семье только самого хорошего и поминую каждый день в своем правиле. Эти странные слова что-то перевернули во мне, с того момента постепенно начало приходить понимание: пока во мне есть воинственный настрой хоть к одному человеку, даже чужому, – буду буксовать на одном месте.

Помню, как он служил Литургию: размеренно, тихо (не только в силу возраста) и очень сосредоточенно и серьезно. Помню его единственную проповедь, которую я слышала. Запомнились больше не слова, а то, как он их говорил. Тоже очень тихо, серьезно и как-то очень трогательно. Я очень захотела верить, как он... Вспомни-

наю, как он заходил в собор и его останавливали на каждом шагу, – и к каждому подходившему человеку было одинаково ровное, спокойное и доброжелательное отношение...

Марина Соколова

* * *

Помню мою первую исповедь. Еще ничего не знал – ни про порядок служб, ни про время, ни про подготовку ко Причастию. Но желание очиститься от грехов было так велико, что, придя рано утром в Успенский собор и попав к закрытым дверям (ранней службы в тот день не было), вернулся домой и, через некоторое время, опять поехал в собор, где уже исповедовал о. Михаил.

О. Михаил кротко выслушал меня, ни в чем не упрекнул, не стал ничему поучать и просто отпустил грехи. Явно ощущаемое мною душевное облегчение было так велико, что обратно я не шел, а как будто парил над землей.

Досталась о. Михаилу и моя самая длинная, «генеральная» исповедь (какая обычно бывает после прочтения брошюр типа «В помощь кающимся»). Два листа формата А4, мелко исписанных с двух сторон, батюшка со вздохом принял и терпеливо прочитал. Потом только спросил: «Откуда ты все это понабрал?». Я признался, что выписывал из брошюры все, что относилось ко мне. Он сказал, что не стоит больше так делать, а каяться надо от сердца, и снова отпустил грехи.

Когда я поступил в семинарию, о. Михаил нередко приходил и раздавал нам ручки, карандаши, тетради, какие-то канцелярские принадлежности. Держался он в свои годы бодро и говорил, что с утра делает специальные упражнения. У него была взаимная любовь с кошками в соборе – его частенько заставляли кормящим их, и, бывало, ему за это доставалось.

Однажды, за неделю до Пасхи, я почувствовал страшные боли в животе. Прямо из семинарии меня увезли в больницу. Оказалось – прободение язвы. Операция. Десять дней в больнице. Навещали семинаристы, батюшки, в том числе и о. Михаил. Молитвы Церкви за меня прямым образом ощущались: операция прошла удачно и зажило все очень хорошо. Но были и мысли – как я буду за все это расплачиваться?..

Расплачиваться не пришлось. Оказалось, старшей медсестрой этого отделения в больнице была духовная дочь о. Михаила, и он, никому не говоря, позаботился о том, чтобы операция и все лечение для меня, бедного семинариста, были бесплатными.

Еще много раз я исповедовался у о. Михаила. Он наставлял меня, бывало, и бранил, но все с христианской кротостью и смирением. С течением времени, войдя в жизнь общины при храме св. Александра Невского, я стал редко видеть его.

Но теперь о. Михаил опять рядом и лежит в двух шагах от здания нашей общины. И я не только молюсь о нем, но и испрашиваю его молитв обо мне, грешном, веря, что у Господа он заслужил благодать творить добро и по смерти, как делал это при жизни.

Евгений Шалваров

* * *

Батюшка Михаил крестил моих детей. В то время у нас были долгие поиски крестных. И, наконец, мы их нашли. И вот 7 января 2002 года собрались наши близкие и родные на крещение. Я сама тоже давно хотела покреститься. Перед самым крещением детей говорю – мол, я тоже хотела бы покреститься, но у меня нет крестного. На это мне батюшка отвечает: «Я буду вашим крестным!». Так я обрела молитвенника на долгие годы!

Батюшка всегда был очень внимательным к нашей семье, никогда мимо не проходил, не спросив, как у нас дела, всегда обязательно чем-то угощал. На исповеди всегда кротко и тихо вразумлял. Однажды пригласили батюшку освятить квартиру – от оплаты он отказался. Я проводила его до остановки, но он был непреклонен, деньги так и не взял. Знаю многих людей, которые его считают святым человеком. У некоторых сбылось все, о чем он предупреждал. Я благодарна Богу, что на моем пути встретился батюшка Михаил, и верю, что и сейчас у Престола Божия он молится о всех нас, грешных... Царствия Небесного дорогому отцу Михаилу!

Иоанна (Жанна) Мусаева

* * *

У нас в роду принято крестить детей в младенчестве, и когда пришло время, с большой радостью окрестили и мою дочь. Когда она выросла и встретила свою любовь – вместе с бракосочетанием решили и обвенчаться. Помню, моя дочь Ульяна немного сомневалась относительно венчания, ведь это такой ответственный шаг, но после беседы с о. Михаилом все волнения рассеялись.

Позже был период, когда дети хотели развестись, но Господь сохранил их союз. В 2020 году они отметили одиннадцать лет совместной жизни. Отца Михаила вспоминают с благодарностью, благоговением. Вечная память отцу Михаилу!

Надежда Махина

* * *

Отец Михаил, чей внешний облик имел большое сходство с преподобным Серафимом Саровским, был самым добрым батюшкой. За глаза, в шутку, его называли «собачий бог» – за его заботливое отношение ко всем животным.

Мы с мужем любили и уважали батюшку за его большое теплое сердце и за то, что он был примером православного христианина в самом широком смысле этого слова. Защитник и молитвенник семейный.

О. Михаила по праву можно было и при жизни назвать несвятым святым. Его молитвами был крепко защищен наш дом. После капитального ремонта мы пригласили о. Михаила освятить наши владения. Это был 2002 год. О. Михаилу понравился наш сад и наши животные. Он давал ценные советы, как ухаживать за ними. Рассказывал и о своих питомцах. Затем мы приглашали о. Михаила и позже, в другое время. Когда он к нам заходил, казалось, все светится особенным светом, каж-

дый сантиметр заполнялся счастьем. Мы беседовали о простых вещах, и он в обыкновенном мог разглядеть необычное и интересно рассказать об этом.

Однажды у о. Михаила заболела его собачка Снежана, и мы приехали к нему домой, опередив хозяина минут на пять-десять. В ожидании разместились в гостиной. И вот он заходит и усаживается в свое любимое кресло. За ним передвигается мультяшный персонаж, похожий чем-то на Бармалея. Усаживаясь рядом, поднимает лапки и проникновенно вымаливает кусочек лакомства. Это было такое трогательное зрелище... О. Михаил растворялся в своей любви к животным. Бездна добра и бездна любви сопровождали жизнь этого несвятого святого.

Александр (Рано) Кист

* * *

Отец Михаил был прекрасным проповедником. Когда он читал проповедь и это было слышно на площади из динамиков, хотелось зайти в храм и дослушать ее до конца. Его проповеди всегда давали ответы на какие-либо вопросы или заставляли задумываться о вопросах, о которых раньше никогда не думал.

На исповеди он мог строго отчитать, но это никогда не оставляло обиды или неприятного осадка, потому что он любил свою паству. До сих пор его не хватает в храме. Да и кошки без него осиротели.

Людмила Уразаева

* * *

Отец Михаил разговаривал со всеми людьми, которые приходили в храм, на любые житейские темы. При этом от него исходила такая доброта и тепло, что хотелось опять прийти в храм

Вспоминается один случай. В конце одного из последних месяцев 2018 года я нес дежурство в Свято-Успенском кафедральном соборе, – как семинарист, я должен был помогать дежурному священнику. В тот час никого из священников рядом не оказалось, и мне нужно было консультировать самостоятельно. Ко мне подошла женщина лет тридцати, с заплаканным лицом. Присев рядом, она сказала шепотом: «Помогите мне, пожалуйста, мне нужен священник». Спросил, что у нее произошло. Она рассказала о своей ситуации, которая оказалась тяжелой. По всей видимости, эта женщина была подвержена бесовским нападкам.

Не надеясь на свой малый опыт, я оставил Анну в храме и пошел искать священника. Не найдя ни одного, начал просить Бога, чтобы Он мне послал отца Михаила. Уже отчаялся, но тут неожиданно встретил его у священнической трапезной. Склонив голову, я стал просить его о помощи. Выслушав, отец Михаил сказал: «Николай, скажи, пожалуйста, ей, пускай она придет ко мне на исповедь. Также пускай держит посты, молится».

Взяв благословение старца, я вернулся в собор и все дословно передал. Женщина стала приходить в храм, отец Михаил ее исповедовал, беседовал. Насколько могу судить, она обрела душевный покой...

Николай (Спартак) Харитонов

* * *

Отца Михаила, к сожалению, знала мало. Но те немногие встречи, которые у нас были, оставили в душе самые светлые воспоминания. С большим вниманием он относился к детям в алтаре. Учил их правильному пониманию своего места во время службы. По словам моего внука, о. Михаил всегда с добром и юмором наставлял их. Тогда внуку исполнилось всего семь лет и он только начинал прислуживать в алтаре. Помню, когда спросила о. Михаила, что делать с мальчиком, чтобы он к службе относился серьезнее, не баловался, он ответил: «А что вы с ним сделаете? У него характер такой, непоседливый! Он еще ребенок. Не переживайте, со временем остепенится! А мы помолимся!».

И дети, прислуживающие в алтаре, очень любили батюшку, брали с него пример в служении Богу. Старались попасть на исповедь именно к нему.

О. Михаил был очень светлый человек. Любил животных, очень переживал, как приходские кошки будут без него. А когда батюшку провожали, стая голубей долго кружила и над собором, и над катафалком, словно тоже прощались с ним...

Елена Крошечкина

«...Тщательный надзор за преподавателями и учащимися мусульманских учебных заведений...»^{*}

Присоединение к Российской империи Туркестана поставило на повестку дня вопрос об отношении к исламской конфессии и ее учреждениям. Конечно, Российское государство и до этого уже имело значительный опыт взаимоотношений с мусульманским населением в Поволжье, Крыму и на Кавказе. Однако Туркестан имел свою специфику в этом вопросе, исключавшую повторение прошлого опыта в неизменном виде, тем более что прежний опыт не всегда был позитивным.

Основные принципы отношения российской власти к исламу в Туркестане были сформулированы первым туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом. Они известны как политика невмешательства и игнорирования ислама.

Суть ее заключалась в том, чтобы, при сохранении уважительного отношения к мусульманской религии, исключить какое-либо вмешательство власти в сугубо религиозные дела исламской конфессии и одновременно ограничить влияние исламского духовенства на власть, на дела управления, каковым оно обладало в ханские времена¹.

Такая политика вполне оправданна, поскольку в силу масштаба, новизны и сложности вопросов регулирования взаимоотношений власти и ислама в Туркестане невозможно было сколь-либо быстро выработать общегосударственную «стратегию и тактику» в данном деле.

Среди прочих направлений этой политики существенное значение имело отношение к мусульманским учебным заведениям. Туркестан имел широкую сеть мактабов и медресе. По мнению Кауфмана, традиционное религиозное образование оставалось «схоластическим»:

^{*} См. в этом номере также беседу с Ю.С. Флыгиным (с. 103–107).

Предметам изучения, в том виде как они преподаются в медресах (так! – Ю.Ф.), лишь с большой натяжкой можно присвоить значение наук образовательных².

Независимо от оценки качества и уровня преподавания в традиционных религиозных учебных заведениях, следует отметить, что число их в Туркестане было велико и продолжало расти и после включения региона в состав Российского государства.

Долгое время российская власть не имела представления о количестве подобных учебных заведений. В первой половине 90-х годов XIX века относительно точные сведения, по крайней мере, о медресе, смог собрать В.П. Наливкин, некоторое время работавший в Управлении учебных заведений Туркестана в качестве инспектора по надзору за мусульманскими учебными заведениями (он был первым и единственным на этой должности, которая была вскоре сокращена).

Учет количества мактабов и медресе, установление определенного надзора за их деятельностью были делом давно назревшим. Имелось огромное число учебных заведений, в которых обучались тысячи людей, являвшихся объектами определенного идейного влияния. Но государство не имело ни малейшего представления о характере подобного влияния. А ведь именно в среде исламского духовенства, лишившегося прежних властных полномочий и частично источников финансирования, было более всего недовольных российским управлением, именно отсюда происходили инициаторы практически всех антиправительственных выступлений в Средней Азии во второй половине XIX – начале XX веков³.

На необходимость контроля со стороны российской власти обращали внимание даже некоторые местные мусульманские деятели. Они неоднократно призывали к активному контролю над деятельностью медресе и мактабов в интересах улучшения преподавания, а также и пресечения расхищения вакуфных средств мутавалиями (экономами).

Так, например, еще в 1884 году в ходе деятельности созданной М.Г. Черняевым комиссии, которая была призвана обсудить перспективы организации «Управления по делам правильного расходования вакуфов, <...> выработать правила об устройстве управления учебной частью мусульман в крае»⁴, авторитетный ташкентский казий Мухитдинходжа представил краевой администрации Записку. В ней он писал, что, по его мнению,

необходимо иметь тщательный надзор за преподавателями и учащимися мусульманских учебных заведений, в которых замечается полное отсутствие порядка и небрежное отношение к делу тех, до обязанности которых касается. Медресе заняты людьми без серьезных задатков, а лица, истинно жаждущие познания, не могут достать себе места в них. Расходы вакуфных доходов, не получая правильного своего назначения, растрачиваются без пользы⁵.

Автор Записки сетует, что русская власть не контролирует положение в мусульманском учебном деле.

В связи с этим в мае 1890 года в Ташкенте прошло заседание Комиссии по иногородческому образованию. Председателем комиссии был Н.П. Остроумов, а члена-

ми В.Ф. Ошанин, Е.Т. Смирнов, В.П. Наливкин. Комиссия констатировала, что исламские учебные заведения

...До сих пор не подчиняясь никакому контролю со стороны русской власти, стоят совсем в стороне от русской жизни и вне ее благотворных для края просветительских влияний, ибо до сих пор не было такого правительственного органа, который мог бы служить связующим звеном между русской жизнью и вышеназванными туземными школами⁶.

Было отмечено, что у колониальной власти нет даже сколь-либо подробных статистических данных о количестве мактабов и медресе в крае.

В качестве инспектора мусульманских учебных заведений В.П. Наливкин в течение 1890–1893 годов обследовал практически все медресе Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей. По его сведениям, в 1893 году в Сырдарьинской области имелось 32 медресе, в Ферганской – 132, в Самаркандской – 63⁷. Итого – 227 медресе. Уже на следующий год их насчитывалось 254⁸. Число медресе росло и во все последующие годы, что совершенно опровергает многочисленные утверждения, будто бы при русской власти начинался период закрытия медресе.

Характеризируя достаточно низкий, на его взгляд, уровень преподавания в этих учебных заведениях, Наливкин вместе с тем отмечал, что местная школа имеет «громадное народно-воспитательное значение»⁹, в том смысле, что она формировала мировоззрение, правила поведения своих питомцев.

Как 3-й инспектор (инспектор по контролю за мусульманскими учебными заведениями) В.П. Наливкин руководствовался в первую очередь положениями Высочайшего повеления от 17 мая 1875 года, согласно которому все «инородческие» школы Туркестанского края должны находиться в ведении местных инспекторов народных училищ. На вновь учрежденного инспектора, по соглашению между Туркестанским генерал-губернатором, как попечителем учебного округа, и министром народного просвещения, «было возложено на первое время приведение в полную известность в учебном, бытовом и имущественном отношениях всех туземных медресе края»¹⁰.

Обязанности 3-го инспектора были конкретизированы в специальной инструкции, утвержденной 14 марта 1894 года¹¹. Тогда же генерал-губернатором была утверждена Инструкция старшим мударрисам медресе¹².

Несмотря на все эти меры, надзор за религиозными учебными заведениями Туркестана со стороны русской власти оставался самым поверхностным, символическим и ни в какой мере не менял привычную внутреннюю жизнь медресе (как уже отмечалось, о контроле за мактабами и речи не было по причине их многочисленности).

Все меры контроля преследовали лишь поддержание должного порядка в интересах учебного процесса. Например, старшим мударрисам вменялось в обязанность наблюдать за проведением необходимого ремонта учебного здания, за добросовестным исполнением преподавателями своих обязанностей.

Однако даже такие элементарные, вполне рациональные меры служили и служат некоторым современным среднеазиатским авторам поводом для утверж-

дений о тотальном российском контроле за мусульманским образованием. Так, Ф. Исхаков пишет, что

в целях ограничения сферы приложения знаний и труда выпускников медресе <...> был сокращен перечень изучаемых светских предметов <...> эта мера устраняла или существенно сокращала пополнение многонациональной интеллигенции не только Туркестана, но и всей Центральной Азии¹³.

В действительности российская администрация никогда не пыталась влиять на программу обучения в медресе. Некоторым исключением из этого правила были редкие предложения о введении в программу нескольких медресе изучения русского языка. Но даже и эти предложения не были реализованы.

Нельзя также согласиться с некоторыми утверждениями Ш.Б. Мухамедова в его монографии «Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования Ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917)».

В ней он пишет, что

...Вводилась новая схема избрания мударрисов <...> [Эта] инициатива <...> имела для мусульманских учебных заведений Туркестана тяжелые последствия. Царская администрация в свою очередь получила возможность манипулировать мударрисами и влиять на внутренние процессы, происходившие в мусульманских учебных заведениях¹⁴.

На самом же деле «схема избрания мударрисов» оставалась прежней, требовалось лишь формальное одобрение соответствующих краевых инстанций.

Для отказа в утверждении необходимы были конкретные причины – как правило, жалобы на кандидата в связи с его моральным несоответствием или материальными прегрешениями: расхищением вакуфных средств в предыдущие периоды исполнения должности. По последнему пункту жалобы были нередки, особенно на мутаваллиев медресе, распорядившихся вакуфными доходами. Очень часто они использовали эти доходы на собственные нужды, не оставляя средств для зарплаты преподавателям и на поддержание зданий медресе.

Собственно говоря, по части контроля за местными религиозными учебными заведениями наиболее существенно российская власть проявила себя именно в вопросе пресечения систематического расхищения мутаваллиями и мударрисами вакуфных средств, предотвращения незаконного присвоения вакуфов медресе частными лицами.

Какие еще были примеры, когда по инициативе русской администрации отклонялась та или иная кандидатура мударриса или мутавалли? Были, например, случаи, когда мударрис или мутавалли избирался казием. Совмещение этих должностей запрещалось законом, поскольку такая практика давала возможность недобросовестным мударрисам, мутаваллиям свои незаконные действия узаконивать собственными же решениями.

В одном из своих рапортов Наливкин сообщал начальству, что

...Старший мударрис Ходжентского медресе Абусаид-ходжа <...> донес <...> что второй мударрис того же медресе, Хидоят-ходжа, избран и утвержден в должности народного судьи

Унджинской волости Ходжентского уезда. <...> В виду изложенного имею честь просить об отчислении Хидоят-ходжи от должности мударриса»¹⁵.

Другой пример. Наливкин сообщал, что

...Мутаваллии и старшие муллы [учащиеся медресе] Кокандского медресе Минг Аим, в числе 43 человек, донося о том, что пять мударрисов названного медресе, Мухаммад Разык-кары, Мирза Тура, Мулла Салим, Сабирходжа и Мулла Умар Алим, никогда не являлись в медресе и, не неся здесь никакой службы, в течение нескольких уже лет незаслуженно получают причитающиеся им части вакуфного дохода, просят об отчислении пяти поименованных мударрисов от занимаемых ныне должностей.

Донося об изложенном Вашему Превосходительству имею честь присовокупить, что <...> полезно было бы уважить просьбу мутаваллиев и мулл названного медресе, отчислив Мухаммад Разык-кары, Мирзу Тура, Муллу Салима, Сабирходжу и Муллу Умар Али от занимаемых ими должностей мударрисов, как лиц совершенно бесполезных и не удовлетворяющих своему назначению¹⁶.

Мы видим, что власть в данном случае лишь откликнулась на просьбу местных мусульманских преподавателей и учащихся.

При открытии новых зданий медресе краевая власть требовала, чтобы проект строительства предполагал наличие дарсханы (учебной комнаты), «снабженной русскими дверью, окнами и печью». Но это условие только подразумевает соблюдение элементарных удобств для обучаемых.

По поводу Инструкции старшим мударрисам Ш.Б. Мухамедов утверждает, что в соответствии с ней «руководство медресе Туркестанского края полностью подчинялось российской власти»¹⁷. В действительности же почти все 25 положений Инструкции были ориентированы на определение функций старших мударрисов и благодаря этому – на утверждение некоторой организованности, системности в деятельности медресе. Положения Инструкции также способствовали повышению авторитета старших мударрисов.

Относительно же конкретных фактов «подчинения» – таковые сводятся лишь к обязательству информировать инспектора «о всякого рода происшествиях», о «скоропостижной смерти кого-либо из лиц, проживающих в медресе», пожарах. Эти требования вполне разумны, и трудно усмотреть в них «полное подчинение российской власти».

Определенным «вторжением» во внутреннюю жизнь медресе можно назвать лишь положение о том, чтобы раз в год старший мударрис информировал инспектора

...О количестве дохода, полученного с вакуфных имуществ <...> о том, какая часть этого дохода поступила в раздел между мударрисами, мутаваллиями, муллами и другими лицами медресе, а также и о всех переменах, происшедших в количестве вакуфных имуществ¹⁸.

Но это требование было направлено к пользе самих медресе, дабы исключить расхищение вакуфных средств.

Сопrotивление мусульманского духовенства, недостаток должной настойчивости со стороны краевого учебного ведомства и в целом колониальных властей

не позволили в действительности реформировать в Туркестане мусульманские образовательные заведения. Зато учреждение инспекторской должности по надзору за ними, а еще в большей степени установление правила об утверждении мударрисов русским учебным ведомством (совершенно формальном) «сделало русскую власть субъектом постоянных разборок и скандалов среди корпорации преподавателей медресе. В русские канцелярии потоком пошли многочисленные жалобы, доносы, кляузы мударрисов, мутаваллиев, учащихся медресе друг на друга»¹⁹.

Однако в целом меры контроля за деятельностью медресе были умеренными и носили вполне рациональный характер, будучи направлены на поддержание порядка и повышение качества учебного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Флыгин Ю.С. Власть и Ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917) // II Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. – Ташкент, 2010. С. 13.

² Проект Всеподданнейшего Отчета Ген[ерала]-Адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. – СПб.: Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, 1885. С. 429.

³ См.: Флыгин Ю.С. Владимир Наливкин: туркестановед, педагог, администратор. – Ташкент: Muhammad nashriyoti, 2017. С. 35–36.

⁴ Национальный архив Республики Узбекистан (бывш. Центральный государственный архив Республики Узбекистан) (НА РУз). Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 109. Л. 143.

⁵ НА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 109. Л. 147 об., 148.

⁶ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.

⁷ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 328. Л. 62–62 об.

⁸ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 328. Л. 77.

⁹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь // Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. – М.: Издательский дом Марджани, 2015. С. 403.

¹⁰ НА РУз. Ф. Р-2409. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 об.

¹¹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 601. Л. 160–164.

¹² НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 396. Л. 1–2 об.

¹³ Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). – Ташкент: Фан, 2009. С. 164.

¹⁴ Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования Ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917). – Ташкент: Бактрия Пресс, 2013. С. 172.

¹⁵ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 361. Л. 107–107 об.

¹⁶ НА РУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 361. Л. 112–112 об.

¹⁷ Мухамедов Ш.Б. Цит. соч. С. 182.

¹⁸ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 396. Л. 1–2 об.

¹⁹ Флыгин Ю.С. Власть и Ислам в Туркестане... С. 48.

Университетский проект в контексте советской модернизации Туркестана (1917–1924)

Попытки создать высшую школу в Туркестане предпринимались местными интеллектуалами еще в начале XX века, однако они не увенчались успехом. Власти скептически относились к появлению высшего образования, вероятно, не желая создавать очаг политического напряжения, катализатором которого могло стать студенчество. Против основания высшего учебного заведения в Ташкенте высказались видные российские востоковеды – арабист Виктор Романович Розен (1849–1908) и его ученик тюрколог Василий Владимирович Бартольд (1869–1930)¹. Инициативу туркестанцев поддерживал только востоковед-индолог Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934)². После Октябрьской революции, несмотря на гражданскую войну и дезорганизацию экономики, реализуется ряд социокультурных проектов, одним из которых стал университетский.

История Туркестанского университета в 1920-е годы не раз становилась объектом изучения. Советская историография в значительной степени представлена юбилейными изданиями, которые в основном являются компендиумами источников без критического анализа³. Существуют и серьезные исследования советских историков, выполненные на материалах узбекистанских архивов, с попыткой реконструировать социокультурный контекст создания высшей школы⁴.

Продолжает изучаться эта тема и в современном Узбекистане, где функционирует преемник Туркестанского университета – Национальный университет Узбекистана⁵. Однако, на наш взгляд, историография продолжает воспроизводить советские традиции, концентрируясь на сборе и упорядочивании фактов. Сохраняется и определенная идеологизированность в анализе этой темы. Если советские историки отдавали лавры создания университета коммунистической партии⁶, то сейчас авторы склонны говорить либо о европейской интеллигенции, либо о мусульманских реформаторах – джадидах⁷.

Целью данной статьи является анализ ранней истории трансформаций университета как социокультурного института в советском Туркестане (1918–1924). Создание высшего образования в регионе выводит на тематику советской модернизации и шире – культурной революции в Средней Азии⁸. Проблематика исследования заключается в определении концептуальных рамок понятия «университет» в СССР в первые годы построения нового социально-ориентированного государства. На каких принципах функционировали вуз и факультеты? Каковы причины изменения структуры университета после 1920 года? Почему университет приобрел региональное значение в 1923 году и какие это имело последствия?

Основными источниками исследования являются делопроизводственные документы: отчеты ташкентского руководства университета, позволяющие реконструировать его действия. Нарративные источники личного происхождения представлены воспоминаниями астронома Всеволода Викторовича Стратонова (1869–1938)⁹. Мемуары демонстрируют отношение российского академического сообщества к туркестанскому университетскому проекту, а также описывают положение интеллигенции в первые годы после установления советской власти.

Народные университеты

Первый проект по созданию Туркестанского народного университета (ТНУ) разработали в Ташкенте при Временном правительстве¹⁰, но социально-политическая нестабильность помешала его осуществить. После Октябрьской революции туркестанские социалисты в союзе с местными учеными приступили к его реализации¹¹. Изначально вуз задумывался как объединение дореволюционных научно-популярных кружков и обществ¹², которые были широко распространены по всему региону¹³. В феврале 1918 года местная интеллигенция организовала Общество ревнителей высшего образования, разработавшее устав вуза¹⁴.

Первая половина 1920-х годов характерна неясным и беспорядочным проектерством как интеллигенции, так и большевиков¹⁵. Поэтому внезапное появление высшей школы в советском Туркестане – не уникальный случай, а скорее закономерность для бывших имперских окраин. Например, появление Таврического народного университета в мае 1918 года в Крыму было инициировано востоковедами Киевского университета, учредившими научное общество¹⁶. В том же году в Тифлисе интеллектуалы объединились в научное общество, силами которого организовали Тифлисский народный университет¹⁷. В 1918 году народные университеты появились также в Липецке, Боброве, Перми и других губернских городах¹⁸.

Появление народных университетов можно объяснить стремлением региональных элит воспользоваться плодами временной политико-административной децентрализации, тем более что ясное понимание того, как должна выглядеть высшая школа в советском государстве, еще не успело сформироваться. Созда-

ние вузов провинциальными интеллектуалами было демонстрацией культурных возможностей региона, заявлением его элит о своей значимости, а также позиционированием того или иного города как нового научного центра. Создание университетов было сигналом власти о важности инвестирования в культурный капитал региона. Трата средств на поддержание местных инициатив, которые до 1917 года обычно отклонялись, позволяла большевикам на деле продемонстрировать работу механизмов демократии, а также реализацию прав и свобод, декларируемых революцией.

Кроме того, идея университета давала возможность мобилизовать местную интеллигенцию и скрепить ее с властью, а также стабилизировать работу школьной и культурно-просветительской системы. Туркестанский университет первые месяцы представлял собой не высшее учебное заведение в «классическом» понимании, а консорциум институтов науки и культуры, включающим школы I ступени, детские площадки, практические курсы, Публичную библиотеку, Народный музей и консерваторию¹⁹. Вскоре все эти учреждения отделили от университета, поскольку их нахождение в составе вуза было признано нецелесообразным²⁰.

Факультеты народных университетов

Факультеты в народных университетах также стали предметом революционного экспериментаторства. В ТНУ они являлись факультетами формально, поскольку не имели деления на кафедры, а педагогический состав без исключений получал профессорскую должность²¹. Из-за недостатка квалифицированных кадров на работу принимали всех, кто хотя бы опосредованно имел отношение к науке. При этом не обращали внимания ни на наличие у претендентов научных трудов (зачастую их просто не было), ни на опыт педагогической деятельности, который, как правило, отсутствовал²². От претендента на преподавательскую должность требовалось лишь прочитать две лекции – на свободную тему и по программе соответствующего курса²³.

В университете вводилась триместровая система. Учебный год составлял девять месяцев и делился на модули по три месяца с перерывами на каникулы²⁴.

Факультеты народных университетов формировались под внутренние потребности региона. Например, в Костроме учредители вуза стремились сходу приступить к подготовке текстильщиков и специалистов в лесном деле²⁵. Созданные пять факультетов ТНУ также рассчитывались в первую очередь на поддержание и развитие народного хозяйства²⁶. Открытие сельскохозяйственного факультета объясняется комплексом причин: аграрным характером края, необходимостью введения современной системы мелиорации. Технический факультет должен был, вероятно, готовить инженеров для будущих промышленных предприятий и гидротехников; подтверждением этого служат созданные при факультете курсы *мирабов* – работников, обеспечивающих эксплуатацию гидротехнических и ирригационных систем²⁷. Социально-экономический факультет готовил бы специали-

стов в сфере государственного и административного управления; естественно-математический – геодезистов и т.д. Историко-филологический, скорее всего, должен был готовить археологов и исследователей культурного наследия народов Туркестана; материальная и научная основа для этого была подготовлена имперскими научно-популярными обществами²⁸.

Утилитарная специфика факультетов была связана с проблемой первых постреволюционных лет – дефицитом кадров²⁹. Появилось множество комитетов и комиссариатов, где для своевременного принятия решений требовались грамотные сотрудники, без которых и модернизация республики была неосуществима. Кроме того, коммунистам на окраинах нужно было найти механизмы для нового объединения регионов с Россией. Помимо идеологии, сети партийных ячеек и социально-экономических институтов, средством реинтеграции могла служить единая система образования.

Функционирование вуза

Летом 1918 года ТНУ открыл прием абитуриентов. В университет принимали всех, кто хотел учиться³⁰, однако сведений о подаче документов представителями коренных народностей края не обнаружено. Приемная комиссия зарегистрировала всего 1151 человека³¹. Учитывая, что доля европейцев в Туркестане перед революцией 1917 года была около 6%³², можно говорить, что они проявили живой интерес к науке³³. Знания поступивших оказались слабыми, многих отправили на подготовительные курсы³⁴. Дополнительной причиной для отчисления служили частые пропуски занятий студентами. Некоторые поступившие добровольно переходили на курсы либо отчислялись³⁵. К началу зимы 1919 года количество студентов уменьшилось до 462 человек³⁶.

Сокращение студенчества было связано и с Гражданской войной. С декабря 1918 по февраль 1919 гг. университет не работал из-за критического положения на Оренбургском, Закаспийском, Семиреченском и Ферганском фронтах³⁷; в январе военный комиссар ТАССР К.П. Осипов поднял антибольшевистское восстание в Ташкенте³⁸. Мятеж быстро подавили, но по подозрению в причастности к нему был арестован один из основателей университета, востоковед Николай Гурьевич Маллицкий (1873–1947)³⁹. Коллеги Маллицкого смогли доказать его невиновность, после чего обвинения были сняты⁴⁰.

Профессора и студенты технического факультета летом 1919 года трудились на стройке гидromетрической станции, а также занимались строительством Ташкентского порохового завода⁴¹. Для студентов стройки и иные мероприятия имели характер учебной практики: 150 студентов медицинского факультета были мобилизованы на борьбу с малярией, холерой и чумой. На Ферганский фронт для культурно-просветительской работы отправили около 150 студентов, 50 привлекли к проведению переписи населения в Ташкенте и еще 60 – на работу в бухарские советские учреждения⁴².

Фактически в первый год ни преподаватели, ни студенты университета не вы-

полняли непосредственных научно-исследовательских и учебных обязанностей, а привлекались властями как трудовой резерв.

«Пересборка»

ТНУ держался на энтузиастах, объединенных стремлением сохранить высшее образование в регионе. Нехватка специалистов и финансирования вынудила учредителей просить помощи Москвы⁴³. Чтобы выяснить ситуацию, в Ташкент был направлен партийный деятель РКП(б) Адольф Абрамович Иоффе (1883–1927)⁴⁴. В Ташкенте он обсудил вопросы признания университета Москвой, командирования в Ташкент ученых из вузов РСФСР, создания библиотеки⁴⁵. В мае 1918 года от университета в Москву отбыла делегация, члены которой осенью встретились с В.И. Лениным⁴⁶. Он распорядился создать Организационный комитет университета, который разработал бы его структуру, составил учебные программы, собрал библиотеку, подобрал преподавательские кадры⁴⁷.

Параллельно в Ташкенте было создано Правление, Совет университета и Совет факультетов⁴⁸. Начала формироваться библиотека, в пользу которой, возможно, были национализированы книжные собрания училищ и научно-популярных обществ, а также коллекция книг Великого князя Николая Константиновича (1850–1918)⁴⁹. Обустраивались ботанические, зоологические, физические, химические и другие кабинеты⁵⁰.

Силами местных востоковедов, в частности Александра Александровича Гарицкого (1881–1946), Алексея Федоровича Машковцева и Михаила Степановича Андреева (1873–1948) был создан Туркестанский восточный институт (ТВИ)⁵¹. Его целью было изучение истории, культуры и местных языков региона, а также воспитание нового поколения востоковедов⁵². В создании ТВИ были заинтересованы не только ученые, но и военные: армии требовались офицеры, знакомые с географией, языками и религиозно-психологическими особенностями населения края. Военные рассчитывали, что при ТВИ будут открыты языковые курсы для красноармейцев⁵³.

«Пересборка» университета в Москве была своего рода перехватом инициативы у туркестанской интеллигенции. В августе 1919 года на собрании оргкомитета в Москве первым ректором университета был избран агроном Николай Александрович Димо (1873–1959), а востоковед Александр Эдуардович Шмидт (1871–1939) – его заместителем⁵⁴. Избрание руководства, вероятно, упрощало процесс оформления необходимых бумаг в Москве. В 1919–1920 гг. Димо поддерживал связь с Ташкентом, обговаривая возможность делегирования кадров в ТНУ⁵⁵.

В состав оргкомитета входили 102 профессора и 91 преподаватель, но только половина из них согласилась отправиться в Ташкент⁵⁶. Многие профессора вошли в оргкомитет исключительно по материальным соображениям: ученые не собирались покидать посты в столичных вузах⁵⁷. Никто серьезно проблемами ТНУ, кроме Димо, не занимался. Ученые не верили в возможность появления университета в «туркестанской глуши»⁵⁸. Тем временем, в декабре 1919 года происходит важное событие – университет получил статус государственного внутри ТАССР⁵⁹.

Начало перемен

В конце 1919 года в Ташкент отбыл санитарный поезд № 159 с профессорами из Московского и Петроградского университетов под руководством хирурга Петра Порфирьевича Ситковского (1882–1933)⁶⁰. Кроме того, в начале 1920 года в ТГУ потянулись российские преподаватели, а заявки на поступление стали подавать студенты из Астрахани, Самары и Томска⁶¹. Во многих российских городах вузы перестали функционировать; некоторые профессора погибли или эмигрировали⁶², вдобавок в европейской части России свирепствовал голод. В Туркестане ситуация с продовольствием была также непростой, но к началу 1920 года голод частично удалось победить. Все это делало Ташкент привлекательным в глазах интеллигенции.

Еще до приезда московских профессоров туркестанская интеллигенция начала жалеть о запрошенной помощи. Стало понятно, что после прибытия российских коллег туркестанцы окажутся не у дел. Поэтому университет прекратил все контакты с Москвой. Российские ученые пытались найти связи с Ташкентом, но не получали ответа, отсылали отчеты заседаний Правления и Совета, но они игнорировались. Затем ТГУ отправил устаревшие отчеты, желая показать, что в Ташкенте все сделано самостоятельно⁶³.

Зимой 1919 года Красная армия заняла Оренбург, прорвав блокаду Туркестана⁶⁴, что сделало возможным прибытие в Ташкент 10 апреля 1920 года первого «поезда науки»⁶⁵. Однако прибывшим преподавателям не выделили квартиры, а оборудование не было перевезено в университет, его просто негде было разместить⁶⁶. Туркестанский СНК решил проблему, выделив несколько новых зданий, а располагавшиеся в них учреждения выселил в другие строения⁶⁷. Помощь продолжала поступать: только в 1920 году в Ташкент отправили еще четыре эшелона (в общей сложности 65 вагонов), которые прибыли в августе, сентябре и октябре⁶⁸. Произошла смена руководства университета: ректором вместо географа Глеба Никаноровича Черданцева (1885–1958) был назначен биолог Абрам Львович Бродский (1882–1943)⁶⁹. Местную интеллигенцию оставили на факультетах в качестве преподавателей, отстранив от руководящих должностей.

Конфликт столиц

Помимо утраты руководящей роли туркестанской интеллигенции в судьбе университета произошло еще одно важное событие. В 1920 году был составлен проект официального признания Туркестанского университета Москвой, который в Ташкенте вызвал негативную реакцию. Чтобы выяснить ситуацию, в центр отправилась делегация во главе с председателем Мусульманского бюро ТКП(б) Тураром Рыскуловым (1884–1938)⁷⁰. По окончании переговоров делегация привезла неутешительные вести: проект предусматривал подчинение научной деятельности университета Народному комиссариату просвещения (НКП) РСФСР, а административной и образовательной части – Ташкенту⁷¹. НКП Туркестана телеграфировал заместителю НКП РСФСР Михаилу Николаевичу Покровскому (1868–1932),

чтобы в Москве повременили со вступлением проекта в силу до приезда другой делегации. Правление университета предупредило, что проект внесет путаницу в организационном отношении⁷².

28 июля 1920 года Покровский написал заместителю НКП ТАССР Шалому Моисеевичу Двойлацкому (1893–1937), уговаривая отбросить сомнения по поводу проекта; он ссылался на пример Казанского университета, который находился в ведении НКП РСФСР, но под контролем НКП Татарской АССР⁷³. Однако позиции сторон так и остались несогласованными, и Москва отказалась проводить дальнейшие обсуждения. 7 сентября 1920 года был опубликован декрет СНК «Об учреждении Туркестанского Государственного Университета»⁷⁴, что ознаменовало «официальное» создание высшего учебного заведения.

Как ожидалось, декрет вызвал негативную реакцию местной интеллигенции. На ее сторону встал туркестанский НКП. Вуз попадал в подчинение Москвы, что противоречило конституции, по которой республика считалась автономной. Кроме того, распределение окончивших ТГУ инженеров и агрономов производилось Москвой. Ранее туркестанский Народный комиссариат труда (НКТ) сам распределял кадры, а теперь это должно было производиться по разрядке⁷⁵. Туркестанские политические структуры и интеллектуальная элита теряли контроль над университетом.

Университет в обстановке неопределенности

После смены руководства наступил период институциональных реформ и новый виток проектирования. С 1920 года вводятся приемные экзамены, где приоритет отдавался «туземцам» (по официальной терминологии) вне зависимости от их социального происхождения, а также выпускникам рабочих факультетов⁷⁶, членам партии и лицам, имеющим рабочий стаж⁷⁷.

В 1921 году было принято решение о введении в ТГУ военного дела⁷⁸. По инициативе Наркомвоенмора Льва Давидовича Троцкого (1878–1940) при ТГУ был создан военный факультет. Троцкого поддержали руководитель Военной академии РККА Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) и начальник Главного управления военно-учебных заведений Григорий Иванович Петровский (1878–1958)⁷⁹. Создание военного факультета мотивировалось потребностью в подготовке специалистов, знакомых с местными условиями; как отмечал Троцкий:

Средний Восток – Персия, Афганистан, Индия, являются ахиллесовой пятой западного империализма. Наша бдительность и военная готовность здесь, в Туркестане, должны стоять на достаточно высокой ступени⁸⁰.

К проекту военного факультета скептически относился Ш.М. Двойлацкий⁸¹, однако он не мог противоречить высшему военному командованию.

Проект военного факультета предполагал создание генерального штаба, артиллерийского, военно-инженерного, военно-хозяйственного и общего отделений⁸². Деканом факультета был избран офицер Николай Ильич Иванов.

Факультет успел набрать 129 кадетов, хотя требовалось 200⁸³. Из зачисленных 98 были по национальности русскими, еще 30 – «других национальностей» и один «туземец»⁸⁴.

Проект оказался несостоятельным, возможно из-за того, что крупные сражения Гражданской войны остались в прошлом. В июле 1922 года военный факультет ликвидировали, ссылаясь на непопулярность его у коренного населения⁸⁵.

С 1922 года факультеты множество раз реорганизуются⁸⁶. Их количество сначала возросло до восьми, а затем сократилось до пяти. Продолжали функционировать медицинский, сельскохозяйственный, естественно-математический, инженерно-мелиоративный и рабочий факультеты⁸⁷, то есть все жизненно необходимые для восстановления республики после военной разрухи. Число студентов на 1923/1924 учебный год превысило 3000 человек, соотношение их составляло 70% мужчин к 30% женщин⁸⁸. Большинство студентов составляли русские и татары, а представители коренных народностей оставались в меньшинстве⁸⁹.

В 1923 году Туркестанский университет меняет статус с республиканского на региональный, став Среднеазиатским государственным университетом (САГУ)⁹⁰. Реформа была связана с национально-территориальным размежеванием; новым республикам необходимо было создавать свои научные центры, но у них не было ни кадров, ни материальных средств. САГУ становился «донором», который перекачивал часть своих ресурсов в соседние республики.

САГУ получал уже признание как международный научный центр: к университету проявила интерес Персия, которая договорилась с руководством вуза об обучении своих студентов⁹¹. Согласно новому положению, САГУ должен был обслуживать Туркестанскую республику, Киргизскую, Бухарскую, Хорезмскую и частично Сибирь⁹². Финансирование САГУ составляло 50% от Москвы и 50% от новых республик⁹³. Последнее было подчас номинальным: например, Бухарскую и Хорезмскую республики университет обслуживал в долг⁹⁴.

С образованием Узбекской ССР (27 октября 1924 г.) ТАССР перестает существовать. Ликвидационная комиссия, отвечающая за раздел имущества между новыми республиками, в ноябре 1924 года признала за САГУ особое значение для республик Средней Азии⁹⁵. Во второй половине 1920-х годов стало возможным создание отраслевых институтов на базе отдельных факультетов, которые открывались по всей территории Среднеазиатского региона. Со временем САГУ превратился в один из ведущих вузов СССР.

Множество вузов, созданных после революции на периферии, и Туркестанский университетский проект в их числе, первое время являлись составной частью советской административной системы. На вузы возлагалась часть задач по модернизации инфраструктуры, развитию народного хозяйства и образования в регионах и республиках; значительную роль в этом процессе играли преподаватели и студенты. Интеллектуалы и местная власть действовали сообща, поддерживая идею сохранения и упрочения высшего образования. Университеты были настолько сильно интегрированы в структуру управления, что даже приспособивались, как

это было в Туркестане, под нужды Красной армии. Эксперименты с внутренней структурой разрушили основу дореволюционного высшего образования, но сделали его доступным для всех слоев населения вне зависимости от этнической принадлежности.

Демократизация вузов позволяла получить широкий доступ к образованию и науке без миграции в старые университетские центры и оседания там, что прежде не давало провинциям никакого толчка к развитию. Таким образом, модернизация производилась силами местной нарождающейся интеллигенции, которая опиралась на опыт и продолжала традиции предыдущих поколений по изучению родного региона. Как было показано на примере Туркестанского университета, это было немаловажно, поскольку российское академическое сообщество зачастую относилось к местным инициативам пренебрежительно. Ташкент с помощью САГУ превращается в крупный региональный центр науки и культуры, что открывает новую эпоху в развитии системы образования и дальнейшей модернизации советской Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бартольд В.В. Сочинения в 9 тт. – М.: Наука, 1963–1977. – Т. 9: Работы по истории востоковедения. – 1977. – С. 492–495; Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25.

² См.: Ольденбург С.Ф. Французская школа Крайнего Востока в Сайгоне // Журнал министерства народного просвещения. 1902. Ч. 340. Март. С. 47–51.

³ Баранов П.А. Исторический очерк. Средне-Азиатский Государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции. – Ташкент: Типо-литография № 1 Узполиграфтреста, 1927; Умаров С.У. Высшее образование в Узбекистане за 25 лет. – Ташкент: Государственное издательство УзССР, 1949; Ташкентский государственный университет имени В.И. Ленина / Колл. авт. (Садыков А. и др.) – Ташкент: Госиздат УзССР, 1961; Алексеева Г.Д., Желтова Г.И. Становление и развитие системы научно-исторических учреждений. – Ташкент: Фан, 1977; Материалы к истории Ташкентского государственного университета имени В.И. Ленина. – Ташкент: Издательство ТашГУ, 1970; Шамухамедов Ш., Дан З. Ташкентский университет – основоположник науки в Средней Азии. – Ташкент: Узбекистан, 1980; Ташкентскому государственному университету им. В.И. Ленина 60 лет (Материалы юбилейных торжеств). – Ташкент: Узбекистан, 1982; Партийная организация Ташкентского государственного университета имени В.И. Ленина / Под ред. С. Гитлина. – Ташкент: Узбекистан, 1990.

⁴ Дворкина Е.А. Основание университета в Туркестане (1918–1920 гг.). Труды САГУ им. В.И. Ленина. Новая серия, выпуск ХС. Исторические науки, кн. 14. – Ташкент: Издательство САГУ, 1957. С. 7–35; Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии. Очерки по истории рус-

ского востоковедения. Сборник VI. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 302–346; Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960; Ахунув М.А., Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. – Ташкент: Фан, 1970; Лунин Б.В. Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции. Становление советского востоковедения: сб. статей. – М.: Наука, 1983. С. 85–131; Ташкентский государственный университет имени В.И. Ленина / Под ред. Юсупова Э.Ю., Алимова Ш.А., Далимова Т.Н. – Ташкент: Узбекистан, 1990.

⁵ См.: Кармышева Б.Х. К истории этнографического изучения Средней Азии в 1930–1960-е годы. Выпускники Туркестанского восточного института // Этнографическое обозрение. № 4. 2001. С. 103–109; Алимова Д.А., Абдурасулов У.А. Академия наук в интеллектуальной истории Узбекистана. – Ташкент: Yangi nashr, 2012; Пуговкина О.Г. Николай Маллицкий: на службе империи и науки / История и историки Узбекистана в XX веке / Под ред. Д.А. Алимовой. – Ташкент: Navro'z, 2014. С. 52–77; Назарьян Р. Из истории Туркестанского восточного института (1918–1923) // ВС. № 1–2. 2016. С. 80–84; Пуговкина О.Г. Нил Сергеевич Лыкошин: от Самаркандского военного губернатора до советского профессора // Восток (Oriens). № 6. 2018. С. 124–141; Флыгин Ю. «...О своевременности открытия университета в Ташкенте». Страницы истории Национального университета Узбекистана // ВС. 2019. № 1. С. 58–79.

⁶ См., например: Лунин Б.В. В.И. Ленин и Средняя Азия. – Ташкент: Узбекистан, 1983. С. 174.

⁷ См.: Германов В.А. Указ. соч.; Алимова Д.А. История как история, история как наука. – Ташкент: Узбеки-

стан, 2009; Алимова Д.А., Абдурасулов У.А. Указ. соч.; Тухлиев Н., Кременцова А. Моя страна: под ред. Ртвеладзе Э. – Ташкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, 2012.

⁸ См.: Халид А. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. – М.: Новое литературное обозрение, 2010; Khalid A. Making Uzbekistan. Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. – London: Cornell University Press, 2015; Майкл Дэвид-Фокс. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–45; Халид А. Чем была революция в Туркестане? // Неприкосновенный запас. № 5. 2017. С. 165–177.

⁹ Отрывки из мемуаров В.В. Стратонова, посвященные Туркестану, опубликованы в журнале «Восток Свыше» №№ 4–1, 2017–2018, и далее. Также см.: Стратонов В.В. По волнам жизни: в 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2019.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 58. Л. 1.

¹¹ См.: История коммунистических организаций Средней Азии / Ред. колл. А.М. Богоутдинов, С.М. Бейсембаев, М.Г. Вахабов и др. – Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 250.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.

¹³ См.: Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX – начало XX вв.). – Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1962.

¹⁴ См.: Флыгин Ю. Указ. соч.

¹⁵ См.: Брок О. Диктатура пролетариата. – М.: Изд. им. Сабашникова, 2018. С. 100.

¹⁶ См.: Сухоруков А.Н. К столетию Таврического университета: зарождение высшей школы иранистики в Крыму // Язык и текст. Т. 6. № 1. 2018. С. 105–116.

¹⁷ См.: Асланишвили И.А. Тифлис и его окрестности. – Тифлис: Церкумси, 1925. С. 131.

¹⁸ См.: Дегтярев. О высшей школе. Народные университеты. «Правда», № 267. Воскресенье. 8 декабря 1918 г.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 58. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ См.: Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1957 – ...; Т. 3. – 1963. – С. 381–382.

²² РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 20–21; 22; 30–31; 32.

²³ См.: Дворкина Е.А. Основание университета в Туркестане (1918–1920 гг.). Труды САГУ им. В.И. Ленина. Новая серия, выпуск ХС. Исторические науки, кн. 14. – Ташкент: Издательство САГУ, 1957. С. 7–35.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 56.

²⁵ См.: Каиль М.В. Советский университет как социоконструирующий проект: идеология и практика в создании первых советских университетов / Эпоха

социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / Под ред. Л.М. Мазур. – Екатеринбург: Изд. УрФУ, 2017. С. 461–469.

²⁶ См.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 482.

²⁷ См.: Технический факультет ТНУ. Обзор преподавания на курсах мирабов. – Ташкент. Канцелярия ТНУ в I женской гимназии, 1918. Вып. № 2. С. 1–10.

²⁸ См.: Басханов М.К. У ворот английского могущества. А.Н. Снесарев в Туркестане (1899–1904). – СПб.: Изд. Нестор-История. 2015. С. 12; Мелентьев Д.В. Научно-популярные кружки и общества в колониальном и советском Туркестане: имперская интеллектуальная элита на мусульманской окраине // Центральная Евразия, № 2. 2018. С. 17–36.

²⁹ На этом акцентировал внимание В.И. Ленин. См.: Стебакова Л.И. Советская интеллигенция. Краткий очерк (1917–1975 гг.). – М.: Политиздат, 1977. С. 26.

³⁰ См.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 412.

³¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 128.

³² См.: Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. – М.: Научно-политическая книга, 2016. С. 90–91.

³³ По данным переписи 1920 года в Туркестанской республике проживало (без учета Ферганской долины) более 5 миллионов человек. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 441. Л. 55.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 39.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 44.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 19. Д. 58. Л. 3.

³⁷ См.: Образование и деятельность коммунистической партии Туркестана. Летопись событий. Ч. 2: 1917–1924 гг. / Отв. ред. Турсунов Т.Х. – Ташкент: Узбекистан, 1966. С. 121.

³⁸ См.: Пуговкина О.Г. Осиповский мятеж в Ташкенте: новые исследования и подходы / Материалы международной научно-исследовательской конференции «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». – М.: ЦМВС РФ, 24–25 мая 2016 г. С. 140–146.

³⁹ См.: Пуговкина О.Г. Николай Маллицкий: на службе империи и науки / История и историки Узбекистана в XX веке / Под ред. Д.А. Алимовой. – Ташкент: Navro'z, 2014. С. 52–77.

⁴⁰ См.: Германов В.А. Указ. соч. С. 12–13. Похожий случай произошел в августе 1920 года, когда Московская чрезвычайная комиссия МЧК арестовала командированного из Ташкента преподавателя социально-экономического факультета Александра Петровича Демидова. Руководство университета обратилось в МЧК с просьбой освободить А.П. Демидова, ручаясь за его полную лояльность по отношению к советской власти (ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 48. Л. 13). А.П. Демидов преподавал в МГУ и параллельно числился

- членом Туркестанского университета. Скорее всего, тогда А.П. Демидов попал под кампанию ОГПУ по подчинению Московского университета интересам советской власти. См.: Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.) // На рубежах познания Вселенной. Историко-математические исследования. – М.: Физматлит. Вып. 23. 1992. С. 410–455.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 68–69.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 33. Л. 27.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 13.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 14–17.
- ⁴⁶ См.: Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк). – Москва: Наука, 1971. С. 69.
- ⁴⁷ См.: Шамухамедов Ш., Дан З. Указ. соч. С. 7.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 55.
- ⁴⁹ См.: Касымова А.Г. Библиотеки в Туркестане. Краткий очерк развития библиотечного дела в дореволюционном Туркестане и ТАССР. – Ташкент: Фан, 1966. С. 27; Ташкентский государственный университет им. В.И. Ленина / Под ред. Юсупова Э.Ю., Алимова Ш.А., Далимова Т.Н. – Ташкент: Узбекистон. 1990. С. 12; Бейли Ф.М. Миссия в Ташкент / Пер. с англ. Анатолия Михайлова. – М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 108.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 48–55.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 100; Акрамова Х., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Научно-биографический очерк / Под ред. Б.А. Литвинского. – Душанбе: Ирфон, 1973. С. 84.
- ⁵² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2588. Л. 312; Ахунов М.А., Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. – Ташкент: Фан, 1970. С. 39.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 135.
- ⁵⁴ См.: Беккин Р.И. А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография: монография. – Москва: Садра, 2018. С. 117.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 48. Л. 4; ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 30. Л. 54.
- ⁵⁶ См.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). – М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 484.
- ⁵⁷ См.: Стратонов В.В. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Конец туркестанской жизни // ВС. № 4. 2018. С. 67–96.
- ⁵⁸ Там же. С. 67–96.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
- ⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 7; ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 30. Л. 77–77 об.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.
- ⁶² См.: Брок О. Диктатура пролетариата. – М.: Изд. им. Сабашникова, 2018. С. 110.
- ⁶³ См.: Стратонов В.В. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Конец туркестанской жизни // ВС. № 4. 2018. С. 67–96.
- ⁶⁴ См.: Воскобойников Э., Зевелева А. Турккомиссия ВЦИК и Совнарком РСФСР и ТуркБюро ЦК РКП(б) в борьбе за укрепление советской власти в Туркестане. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1951. С. 64.
- ⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 89. Л. 121.
- ⁶⁶ См.: Стратонов В.В. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Конец туркестанской жизни // ВС. № 4. 2018. С. 67–96.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 25.
- ⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 122.
- ⁶⁹ См.: Флыгин Ю. Указ. соч.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 109. Л. 144. Ч. 2.
- ⁷¹ Там же. Л. 144. Ч. 2.
- ⁷² Там же. Л. 144. Ч. 2.
- ⁷³ Там же. Л. 144. Ч. 2.
- ⁷⁴ Декреты Советской власти. – Москва: Политиздат, 1980. Т. 10. С. 136.
- ⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 109. Л. 145–146. Ч. 2.
- ⁷⁶ Рабфак ТГУ был сформирован 11 февраля 1920 года. Полноценно начал функционировать лишь в 1925 году. РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58. Л. 194; РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 385. Л. 62.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 33. Л. 24–25.
- ⁷⁸ Военный факультет пытались открыть еще в 1918 году, но набрали всего пять курсантов, которых отправили учиться в Петроград. РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 76. Л. 8.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 271 об.; РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 279.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 266.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. Р3969. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 2. Л. 266.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 73. Л. 13.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 33. Л. 24.
- ⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 122. Там же. Л. 122.
- ⁸⁶ Там же. Л. 128.
- ⁸⁷ Там же. Л. 122–140. Эти сведения разбросаны по докладу А. Бродского о состоянии университета за 1921–1924 гг.
- ⁸⁸ Там же. Л. 129.
- ⁸⁹ Там же. Л. 129.
- ⁹⁰ Там же. Л. 123.
- ⁹¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 115.
- ⁹² Там же. Л. 115.
- ⁹³ Там же. Л. 115.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 155. Л. 122.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 387. Л. 66.

Туркестанская экспедиция Эрнста Кон-Винера

В начале января 1924 года на очередном заседании совета Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис) рассматривался вопрос о приезде в Туркестан немецкого ученого, доктора истории искусств Эрнста Кон-Винера.

Председатель Туркомстариса Дмитрий Иванович Нечкин огласил полученное им от Народного Комиссариата финансов 8 января письмо Кон-Винера, из которого следовало, что ученый, с согласия правительства Туркеспублики, предполагает в конце января приехать в Туркестан. В качестве условий своего приезда он выговаривает предоставление ему бесплатной квартиры и продовольствия, оплату путевых расходов его и его жены (археолога) и 15 червонцев в месяц гонорара. Со своей стороны Кон-Винер обязался представить подробный отчет о своей поездке и сделать предложения относительно способов добывания и надлежащей охраны памятников искусства, а также приведения их в соответствующий вид для обследования и раскрытия их научного значения.

Обсудив письмо, присутствующие единодушно выразили мнение, что поездку Кон-Винера в Туркестан можно только приветствовать: работы по охране исторических памятников здесь так много, что каждый лишний работник на этом поприще может принести делу громадную пользу. При этом, однако, Д.И. Нечкин высказал мнение, к которому присоединились и прочие члены совета: если правительство имеет в своем распоряжении денежные средства, чтобы приглашать специалистов из-за пределов Туркеспублики для производства работ по изучению древних памятников, то эти средства могли бы быть использованы с гораздо большей продуктивностью для приглашения таких специалистов, как, например, академик Василий Бартольд.

Кон-Винер, полагали члены совета, окажется в Туркестане совершенным новичком, между тем как и местные работники, и академик Бартольд имеют в этом деле громадный опыт совместных работ и исследований. Туркомстарис посчитал нужным запросить у Совнаркома Туркеспублики средства на приглашение по договору академика Бартольда, а затем доктора Кон-Винера. Совет решил, что объем

и подробности той работы, которую Кон-Винер предполагает взять на себя, должны быть точно определены особым договором, заключенным с Туркомстарисом. Кроме того, по мнению членов совета А.А. Семенова и А.Э. Шмидта, этот договор должен был быть предварительно утвержден в Российской Академии истории материальной культуры¹. Эта академия была создана в 1919 году в результате преобразования Российской Государственной Археологической комиссии (которая, в свою очередь, возникла в 1918 г. на основе Императорской археологической комиссии^{*}; среди ее сотрудников были академик Бартольд и многие другие крупные исследователи-востоковеды.

Таким образом, Кон-Винер был приглашен непосредственно правительством Туркеспублики². Произошло это без согласования с Туркомстарисом и, как показывает последующая переписка между Наркомпросом РСФСР и Наркомпросом Туркестанской АССР в апреле того же года, – без согласования с российскими академическими учреждениями, что вызвало недовольство с их стороны³. В центре приглашение Кон-Винера расценили как попытку руководителей Туркеспублики отстранить российских исследователей от изучения памятников среднеазиатской культуры. В приводимом в письме московского Наркомпроса заключении Российской Академии истории материальной культуры отмечалось, что Кон-Винер является теоретиком искусства, а не археологом, ввиду чего ему не может быть поручено производство археологических раскопок, и в целом «приглашение для исследования археологических памятников случайных людей и отстранение от дела специалистов, ученых СССР не может не нарушить плана исследований Туркестана и самым губительным образом должно отразиться на состоянии памятников, имеющих исключительное научное значение». Потребовалось подробное разъяснительное письмо из Ташкента, чтобы временно разрядить ситуацию⁴.

Несколько слов о самом Кон-Винере. Эрнст Кон-Винер родился в 1882 году в прусском Тильзите (ныне – Советск, Калининградская область Российской Федерации). В 1902–1907 годах изучал историю искусства, археологию и философию в Берлинском и Гейдельбергском университетах; в 1907 году получил степень кандидата наук. Его диссертация была связана со средневековыми западноевропейскими миниатюрами. С 1907 года и вплоть до 1933-го он преподавал в Академии Гумбольдта в Берлине. Больше десяти лет исследования Кон-Винера были связаны с европейским искусством средних веков, особенно немецким и французским⁵. Но примерно с 1920-х годов его научные интересы устремляются в сторону Востока; особое внимание ученого привлекает искусство Центральной и Восточной Азии, искусство ислама и иудаизма⁶.

5 апреля 1924 года Кон-Винер прибывает в Ташкент. На различные формальности ушло две недели, в течение которых он не мог приступить к работе. В связи с этим председатель Туркомстариса ставит в известность председателя Совнаркома Исламова о том, что

д-р Кон-Винер хочет обратиться с жалобой на Туркправительство в Германское посольство, и чтобы предотвратить нежелательные последствия, Туркомстарис считает за лучшее снабдить д-ра Кон-Винера соответствующими документами и заключить с ним про-

^{*} Ныне (с 1991 г.) – Институт истории материальной культуры.

визорный договор без указания размеров оплаты его работы. Она, т.е. оплата, будет установлена по окончании им работы, в зависимости от средств, отпускаемых Совнаркомом. Туркомстарис просит санкции своего решения⁷.

20 апреля 1924 года Эрнст Кон-Винер отправил письмо в Туркомстарис:

Позволяю себе настоящим письмом обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что я, согласно полученного телеграфного извещения*, приехал сюда еще в субботу 5 апреля и, таким образом, уже более двух недель проживаю в Ташкенте без цели и без дела. Поэтому я настоятельно прошу дать мне наконец возможность работать, для чего:

1. Дать мне документ, на основании которого мне разрешалось бы делать фотографические снимки и власти бы оказывали мне содействие при моей работе, в частности путем снабжения меня переводчиком.

2. Уплатить мне сумму в 500 руб. золотом, <...> обещанную по телеграфу, так как приезд и пребывание здесь уже вызвали для меня значительные расходы. Кстати, я считаю желательным отметить, что на основании моих сведений сумма в 1500 руб. была бы совершенно достаточна для выполнения намеченных работ и на срок в три месяца, причем сумма эта, может быть, окажется даже более чем достаточной, тем более что я со своей стороны привез и отдаю в распоряжение научный материал (д-р Кон-Винер на словах пояснил, что под этим термином он понимает фотографические пластинки, пленки и проч.).

Поэтому я прошу выполнить необходимые формальности, чтобы я наконец мог приступить к работе, ради которой я вызван сюда и со своей стороны понес значительные труды и расходы⁸.

Кон-Винер представил план предполагаемых работ по исследованию туркестанских памятников искусства. При выполнении этой работы предполагалось задействовать три исходных пункта – Ташкент, Самарканд и Асхабад (ныне Ашхабад).

Помимо советской стороны, поездку Кон-Винера финансировал Немецкий научно-исследовательский фонд и Министерство культуры и науки Германии⁹.

Находясь в Ташкенте, ученый планировал обследовать развалины в его окрестностях – прежде всего развалины Бенакета**, Отрара, город Туркестан, развалины Саурана (ныне на территории Казахстана), а также посетить, если позволит время, Аулие-Ата (ныне Тараз, Казахстан).

В Самарканде Кон-Винер собирался осмотреть все «известные главные памятники» и установить наличие древних памятников здесь в прежнее время. Затем ученый намечал посетить Ходжент (ныне Таджикистан), древние мечети которого, в особенности остатки Кок-Медяшда***, имели, по его мнению, большое значение. Крайним пунктом в «самаркандском маршруте» был назван Узгент с гробницами братьев Санджар Маза и Илег.

В Туркмении немецкий ученый планировал осмотреть группу развалин в районе Атрека****, руины Мешхед-и-Мисриана*****, Мерв и др.¹⁰. Все эти работы Кон-Винер

* Орфография документов здесь и далее сохранена.

** *Бенакет* (Бенакент, Финакет, Шаркия, Шахрухия) — крупное средневековое городище в 90 километрах к юго-западу от Ташкента.

*** Имеются в виду развалины мечети Кок-Гумбаз в Ура-Тюбе (Таджикистан).

**** Река на юге Туркменистана.

***** Машад-Мисриан (Мешхед-и-Мисриан), или Дехистан, – древний город на юго-западе Туркменистана, состоящий из большого кладбища Машат с мавзолеем Шир-Кабир X века и руин города Миссириан X-XV веков.

намечал осуществить в течение двух – двух с половиной месяцев; вероятно, до наступления пика летней жары.

9 апреля 1924 года Секция охраны памятников старины и искусства Туркомстариса рассмотрела на своем заседании этот план работ. Члены секции нашли, что он составлен очень схематично и не дает возможности судить о сущности тех работ, которые предполагал произвести ученый: к тому же, как бы поверхностны ни были эти работы, они, даже только по территориальному своему охвату, не могут быть выполнены в тот срок, который был намечен Кон-Винером. Одно составление разрезов главных памятников потребовало бы целого лета, не говоря о том, что некоторые из них, как, например, Мешхед-и-Мисриан, являлись недоступными и требовали снаряжения особой экспедиции. Члены секции также заметили, что производство этих работ будет затруднено тем, что Кон-Винер незнаком с условиями Туркестанского края, с русским и местными языками.

Поэтому Туркомстарис предложил Кон-Винеру в значительной мере сузить намеченный план работ и ограничить его наиболее интересной в смысле древних сооружений местностью – Самаркандом. В этом городе немецкому ученому надлежало подробно осмотреть исторические памятники и выяснить различные влияния (иранское, китайское и др.) на их стиль, орнаментацию, окраску и пр. Только после этого, отмечалось в резолюции, Кон-Винеру рекомендуется посетить те места края и осмотреть те памятники, которые он найдет нужным для развития своих выводов, сделанных на основании осмотра самаркандских памятников (Сайрам, Аннау, Мерв, Узген и прочие). После этого Кон-Винер должен был представить отчет с приложением фотографических снимков и измерений, полученных на архитектурных памятниках¹¹.

Этот план Кон-Винер принял; по сути, у него не оставалось другого выхода. 21 апреля 1924 года Туркомстарис заключил с ним договор, в котором оговаривалось, что все его работы «ведутся по программе, принятой Туркомстарисом» и что все «предварительно собранные материалы по истории памятников, описание их состояния, отчеты, фотографические снимки, рисунки, эстампажи и т.п. считаются собственностью Туркеспублики в лице Туркомстариса»¹².

В начале мая Кон-Винер уже отчитывался на заседании совета Туркомстариса о части проделанной им в Самарканде работы. Приведем его отчет (в приложенном к нему русском переводе) полностью.

Позволяю себе представить краткий отчет о выполненной мною по настоящее время работе. Я осмотрел все значительные памятники в черте города и кое-что за городской чертой, а именно медресе Улугбека, Шир-Дор, Тилля-Кари и Биби-Ханым, затем Гур-Эмир, Рух-Абад, Шах-Зинда, Ак-Сарай. Далее Ишрат-хана, Ходжи Абду Дарун, а также музей и Афрасиаб. Снято уже некоторое количество фотографий, сделан также схематический план Ишрат-ханы.

В отношении поставленной мне задачи, установить стиль памятников и сделать изыскания относительно чужеземных влияний, наблюдениями, произведенными в упомянутых местах, выяснены нижеследующие ближайшие задачи:

1. Для эллинистического и греко-бактрийского периода. Являлась ли Мараканда*, судя

* Древнее название Самарканда.

по находкам, сделанным до сих пор на Афрасиабе, очагом греческой культуры с самостоятельным художественным развитием или же она являлась лишь центром греческого влияния, которое не проникало очень глубоко? Современная история искусства, в особенности же Стржиговский в своем труде, касающемся Мшатты и Куср Амра* и переселения народов, ищут именно здесь ту эллинистическую страну, которая распространила свое влияние на образование форм в исламском (так! – Г.Н.) искусстве на Индию (Гандхара), Китай времен династии Тан (виноградные зеркала) и являлась таким образом передатчиком влияния эллинистических элементов на всю восточную культуру. Возникает вопрос, подтверждают ли в какой-либо мере находки эту гипотезу.

2. Как выражается здесь развитие форм раннего исламского периода? Каково отношение к Месопотамии и Сирии? Самарканд обладает чрезвычайно важным памятником этого времени – орнамент-фриз из комнаты, которую откопал Вяткин на Афрасиабе. Родственные предметы были обнаружены при больших раскопках в ближайших окрестностях Багдада.

3. Время, непосредственно предшествовавшее Тимуру. Можно ли установить стиль XIII–XIV века? Что в этом стиле является местным, что персидским, что может быть китайским? Какие встречаются формы купола? Стоят ли они в какой-либо связи с предшествовавшими персидскими, как, например, к куполу на гробнице Худавенд Хана в Султание** или Султана Санджара в Мерве?

4. Постройки Тимура. Они, понятно, являются главными монументами и возбуждают множество вопросов. Основным является вопрос о том, существует ли вообще стиль эпохи Тимура или же те формы искусства, которые Тимур, как известно, вывез вместе с художниками из всех стран ислама, продолжали существовать бок о бок независимо друг от друга. Главные вопросы при этом таковы: какие встречаются виды планов, какие формы порталов, сводов и куполов, какие формы орнамента и какая техника? Мне кажется особенно важным изучить также и постройки светского характера, как, например, развалины замка Ишрат-хана***. Мы вообще не знаем ни в одной стране восточного ислама ни одного замка, принадлежащего к этой классической эпохе и имеющего такое крупное значение. С другой стороны, нам известно довольно много светских построек, принадлежащих к IX веку (Мшатта, Куср Амра, Охеджир). Ишрат-хана является примером того, что эти планы подвергались переделкам и дальнейшему развитию.

5. Постройки Улугбека. Являются ли его постройки преемственным развитием произведений эпохи Тимура или же были созданы новые формы, и какие именно?

6. Являются ли позднейшие постройки, Шир-Дор и Тилля-Кари, также результатом преемственного развития? Постройки эти относятся как раз к тому времени, когда в Персии создался новый стиль. Отразилось ли это сколько-нибудь на них?

Вот главные вопросы, разрешения которых я ищу. Относительно большинства этих вопросов я уже составил себе определенное мнение, а из самой постановки этих вопросов, как она здесь изложена, Вам будет ясно, что большая часть этих вопросов уже близка к разрешению. Весьма вероятно, что здесь, на почве Туркестана, может быть найден ответ на большую часть того, что еще так темно в истории искусства ислама. Однако, имея в виду, что все эти вопросы стоят в известной связи между собой, я бы хотел представить окончательные результаты одновременно для всех их¹³.

* *Мшатта и Куср-Амра* (Кусаир-Амра) – омейядские крепости VIII в. в восточной Иордании. *Стржиговский (или Стшиговский) Йозеф* (Strzygowski, 1862–1941) – польский и австрийский искусствовед, специалист в области византийского искусства. Имеется в виду его статья, написанная совместно с Б. Шульцем: Mschatta. Bericht über die Aufnahme der Ruine und kunstwissenschaftliche Untersuchung // *Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen*. 1904, 25. S. 205–373.

** Имеется в виду мавзолей Исмаила Кодабенде в Сольтание (Иран).

*** Вероятно, имеется в виду Ишратхона – не замок, а мавзолей в Самарканде, построенный во времена правления тимурида Абу-Сеида (1451–1469). В описываемое время здание находилось в развалинах; купол и барабан были разрушены во время землетрясения 1903 г.

26 мая 1924 года на заседании совета Туркомстариса был заслушан следующий отчет Кон-Винера, который ученый назвал «кратким резюме результатов своих изысканий относительно стилей дотимуридской эпохи».

Дальнейшая работа дала следующие выводы для разрешения задач, которые поставлены мне Вами и которые мною точнее определены в сообщении моем от 8 мая.

1. Для эллинистического (Греко-бактрийского) и Сасанидского периода.

Само собой разумеется, что произведенные на Афрасиабе исследования и сделанные там находки являются пока недостаточными для получения точной картины. С точки зрения исторической вопрос сам по себе является крайне сложным, так как греческое искусство со времени Александра Великого не просто подчинило себе Восток. Наоборот, везде он встречал восточные культуры, которые частью, как, например, в западной части Передней Азии, слились с ним в «эллинизме», частью же продолжали существовать и лишь восприняли легкий налет греческого влияния. Самарканд, несомненно, принадлежит к этой второй категории. Говорить о нем как об эллинистическом городе в археологическом смысле невозможно. Находки терракот греческого стиля недостаточно значительны, чтобы предположить здесь заслуживающую внимания греческую культуру; насколько известно, мы не имеем из этой местности ни одного образчика греческой архитектуры или пластики. Те гипотезы, которые считают Греко-Бактрию за передатчика греческих элементов в Китай и за исходную точку греческой культуры в Индии – культуры, достигшей высокого развития, – представляются невероятными уже благодаря одному этому обстоятельству.

Задачи лежат совсем в иной, столь же интересной плоскости. В найденных терракотах выступают бок о бок самые различные типы стилей. В особенности определено можно установить индийские типы, рядом с которыми встречаются типы переднеазиатские и греческие. По-видимому, в этом раннем периоде индийское влияние играло здесь известную роль. Вместе с тем встречаются такие формы, для которых аналогии не находятся и которые, вероятно, являются местными. Во всяком случае Самарканд обладал ясно выраженным смешанным искусством, что соответствует его положению вдали от крупных культурных центров того времени. Более точных находок, которые имели бы громадное значение, можно, безусловно, ожидать при дальнейших раскопках, в особенности интересно было бы изучение обиходной керамики и разыскание архитектурных остатков, являющиеся во всяком случае чрезвычайно трудным.

2. Раннеисламская эпоха IX–XIII вв.

Эпоха эта, в противоположность первым периодам, стояла в смысле искусства на чрезвычайной высоте. Для этого периода можно признать за Самаркандом такую культуру, которая, безусловно, ставит его на одну высоту с исламскими центрами Сирии и Месопотамии.

Первым образчиком керамики являются прекрасные изразцы с нацарапанными рисунками и литой глазурью зеленого, желтого и черноватого цвета. Стиль этот до настоящего времени был нам известен по немногим образчикам в Египте и очень большому числу их из Самарры близ Багдада, которые относят к концу IX в. Наличие таких технических приемов в Самарканде показывает, что они являются всеисламским приемом, источник которого надо искать, прежде всего, в сасанидских корнях. Это, в свою очередь, является крупным шагом для разрешения важного основного вопроса истории восточного искусства вообще. Такие же изделия производились в тот же период и в Китае эпохи династии Танг*; лучшие образцы хранятся в Шосоин** в Нара (Япония) в качестве привозных из Китая. До сих пор считалось, что корень производства этих изделий следует искать в Китае и что исламские работы этого характера являлись подражанием. Однако керамическая

* Имеется в виду династия Тан.

** Шосоин (или Сёсоин) – сокровищница при храме Тодай-джи в Наре (Япония), в которой хранится множество редких изделий из Персии, Индии и Китая.

культура Китая является гораздо более молодой, чем такая же культура Западной и Средней Азии; поэтому, имея в виду, что этот керамический стиль, очевидно, имеет широкое основание в исламском искусстве, необходимо предположить, что справедливым является обратное предположение и что стиль этой керамики, очевидно, перенесен из Западной в Восточную Азию. Такое предположение согласовалось бы и с тем фактом, что как раз в этот период, в особенности в Шозоин в Нара, находится множество предметов, основная форма которых напоминает Западную и Среднюю Азию.

В течение ближайших следующих столетий Самарканд, по-видимому, был совершенно самостоятельным очагом искусства. Образцом архитектурной отделки этого периода являются стенные украшения комнаты, откопанной Вяткиным на Афрасиабе, которые в настоящее время находятся в музее. Техника и основной стиль этих украшений может быть прослежен опять-таки в Самарре, где все комнаты в нижней своей части покрыты такими штукатурными фризами. Однако в то время как в Самарре эти стены являются образцы самых различных стилей, которые таким образом в IX в. существовали рядом, не сливаясь, – стиль самаркандской комнаты, очевидно, ушел вперед, он слился в нечто единое, что должно быть определено как «исламское» в самом точном смысле этого слова и в чем уже более или менее предсуществлены почти все элементы зрелого исламского искусства. К сожалению, мы, в сущности, решительно ничего не знаем о связях этой находки, и она стоит совершенно изолированной. Мы не знаем ни места, которое занимала такая комната в плане тогдашнего дома, ни того, существуют ли в Самарканде предшественники Самарры в смысле стиля. Остается совершенно без ответа и более специальный, но важный вопрос о том, встречаются ли в Самарканде над этим базисом ниши, которые являются типичными в Самарре и, как известно, доныне традиционно сохранились во всей домашней архитектуре ремесла.

Керамика этого периода представляет выдающийся интерес и является совершенно неизвестной ученому миру за пределами России. При этом крашенная керамика эта и в смысле искусства и в смысле техники – весьма высокого качества. Это касается, прежде всего, чашек и горлышек с глазурью цвета крем, украшение которых состоит почти исключительно из фраз в виде надписей, которые нанесены чудесной фиолетово-коричневой до глубоко-черной поливной глазурью. Эти элементы варьируются с необыкновенным вкусом, попадаются поразительные расположения надписей, как, например, крестообразные, поперек тарелки. Этот стиль не имеет себе параллельного в мусульманских странах того времени. Керамический стиль Персии выражается в красивом так называемом фаянсе.

С фигурной живописью, носящей характер миниатюр, Сирия и Египет имеют более тяжелые формы, однако целиком покрытые орнаментом. Особенно характерно то обстоятельство, что здесь нет никаких следов того множества форм посуды, которые встречаются в других странах. Этот стиль является совершенно изолированным в мусульманском мире, но, может быть, имеет связь с раскрашенными образцами китайской керамики Зунг*.

Грубые красно-коричневые горшечные изделия с нарисованным белым или цветным орнаментом и со стилизованными, ничего не значащими буквенными знаками, являются очень характерными, но с точки зрения искусства имеют второстепенное значение.

Всякая раскопка на Афрасиабе должна была преследовать ту цель, чтобы найти выводы, касающиеся этого периода. Последующие периоды будут мною обработаны в следующем отчете¹⁴.

К этому отчету прилагался список из 45 фотографий.

Выслушав отчет, Совет признал заслуживающими внимания и дальнейшей разработки высказанные Кон-Винером предположения о том, что стиль, наблюдаемый в самаркандских памятниках и отдельных находках керамики, не создан

* Имеется в виду керамика эпохи Сун (в немецкой транскрипции Song; 960–1279).

под влиянием искусства Восточной Азии, как предполагалось до сих пор, а наоборот, перенесен из Западной в Восточную Азию.

Профессор Семенов отметил, что в прочитанном отчете Кон-Винер сообщает только о результатах своих изысканий в области керамики, не затрагивая вопроса о чужеземных влияниях (персидского, китайского) на сами архитектурные памятники Самарканда¹⁵.

Следующий раз о Кон-Винере зашла речь на заседании Совета Туркомстариса 15 июня 1924 года. На нем рассматривалось ходатайство д-ра Кон-Винера (от 1 июня): он просил Туркомстарис дать заведующему Самаркандским музеем В.Л. Вяткину полномочие на разрешение ему, Кон-Винеру, делать фотографические снимки и рисунки в музее, так как без этого Вяткин не может дать такое разрешение. При этом д-р Кон-Винер указывает, что в немецких музеях русские историки искусства пользуются полной свободой работы. Немецкий ученый также просил разрешения сделать за свой счет отпечатки с негативов Самаркандской Комиссии, причем сослался на то обстоятельство, что такое разрешение обыкновенно принципиально дается историкам искусств и во Франции он имел мандат на свободное фотографирование по своему усмотрению.

После того, как ходатайство было заслушано, слово взял Д.И. Нечкин. Он заметил, что утверждение Кон-Винера о той легкости, с которой за границей даются разрешения на производство фотографических снимков, преувеличено (Нечкин сослался на собственные наблюдения во Франции и Великобритании). Кроме того, в европейских музеях выставляются на всеобщее обозрение такие предметы, которые тотчас после их открытия или нахождения уже были всесторонне изучены и описаны специалистами; туркестанские музеи поставлены в совершенно иные условия; ограниченное количество ученых сил по истории и археологии не дает возможности подвергать немедленному исследованию и описанию каждую интересную находку, а потому экспонаты, выставляемые в туркестанских музеях, нередко представляют собою в значительной степени новый и интересный материал, приоритет в описании и использовании которого сам по себе представляет громадную ценность. Таковы именно коллекции по керамике, выставленные в Самаркандском музее. Коллекции эти являются главным образом плодом трудов В.Л. Вяткина и М.Е. Массона, которые в настоящее время заняты изучением и разработкой этих коллекций. Поэтому, по мнению Нечкина, в вопросе о разрешении фотографической съемки керамических коллекций Самаркандского музея необходимо, прежде всего, выслушать мнение М.Е. Массона.

Что касается права сделать отпечатки с негативов, имеющих в Самаркандской Комиссии, то и тут Нечкин считал нужным соблюсти известную осмотрительность. Фотографический материал Самаркандской Комиссии представляет собой громадную ценность, к сожалению, за недостатком средств еще не в полной мере использованную Туркомстарисом. Поэтому Нечкин, не имея в принципе возражений против разрешения Кон-Винеру воспользоваться готовым материалом, имеющимся в Самарканде, считает вместе с тем необходимым ограничить это разрешение в той мере, как это необходимо для соблюдения приоритетных прав Туркомстариса и его отдельных сотрудников на эти материалы.

В том же духе высказались и другие члены Совета. Было решено дать разрешение Кон-Винеру на фотографирование только тех экспонатов Самаркандского музея, которые уже были описаны и фотографии которых уже были опубликованы. Что касается снятия отпечатков с негативов, то было поставлено условие: в своих отчетах о работе ученый должен указать, что отпечатки эти сделаны с негативов Туркомстариса.

Через неделю, 22 июня, на заседании совета Туркомстариса в том же составе было заслушано сообщение Кон-Винера в письме от 1 июня, на немецком языке, с переводом на русский. Приведем его с небольшим сокращением:

Эпоха Тимура, которая в отношении искусства является для Самарканда высшей точкой развития, представляет в смысле исследования истории стилей чрезвычайные трудности. Обилие материалов почти необозримо и одно только приведение его в систематический порядок в отношении строительных форм, систем орнамента и техники, само по себе является задачей громадного объема. Главная задача – ответить на вопрос о том, что именно мастера Тимура заимствовали из Персии, Китая или же других стран, – представляется в высшей степени затруднительной ввиду того, что мы вообще плохо осведомлены об искусстве всех других восточных стран. Как раз в конце XIV в. в Китае именно в это время вступила на престол династия Мин, вместе с ней на место стиля Зунг, предпочитавшего в керамике одноцветную, очень нежную глазурь, почти без всяких фигурных украшений, выступает новый стиль, который стремится именно к фигурной живописи на фарфоре. Однако произведения первого периода этого стиля известны нам только за тот период, который далеко выходит за пределы эпохи Тимура и отличается как в отношении техники, так и стиля от всего мусульманского почти до степени полной противоположности. Преобладающей является голубая окраска подглазурью, и само название краски «магометанская синь» дает новое основание предполагать, что, скорее, мусульманское влияние вторглось в Китай, чем наоборот. Китайская цветная керамика с ее отдельными красками, направленными в углубление, представляется технически чрезвычайно примитивной. Как известно, расцвет китайской керамики начинается не ранее XVI в.

Совершенно иначе обстоит дело с вопросом о Персии. Здесь трудность заключается в том, что у нас имеется слишком мало памятников эпохи Тимура, чтобы быть в состоянии определенно решить, что именно перешло отсюда в Самарканд. Вопрос о влиянии стилей вообще является до известной степени второстепенным, так как Самарканд в эпоху Тимура сам являлся величайшим создателем стиля в восточно-мусульманском мире. Постройки Самарканда являются самым обширным комплексом восточно-мусульманской культуры и притом возникли так давно, что они сами должны быть рассматриваемы как источник многих форм.

Существовала ли в самом Самарканде известная традиция в области искусства, к которой мог примкнуть Тимур, – доказать, безусловно, достоверно нельзя, но является в достаточной степени вероятным, так как на тех постройках, которые сохранились от времен непосредственно предшествовавших Тимуру – Хаджа-Ахмад и Эмир Хусейн на Шах-и Зинде – главным украшением является резной stuck* с белой и голубой глазурью различных оттенков. По-видимому, резьба по stuck'у, неизвестно – с глазурью или нет, является в Самарканде издавна традиционной. Противоположностью такой односторонней техники является поразительное обилие форм <...>. Наряду с такими резными украшениями, встречаются также и изразцовые украшения. Обыкновенно это голубые глазурованные изразцы с черными или синими рисунками поверх глазури, которые очень часто встречаются в посудной керамике Персии и Сирии. Стиль этих построек затем повторяется в семейных мавзолеях Тимура на обоих первых фасадах с левой стороны.

* Штукатурка, лепнина (нем.).

Наиболее важной постройкой Тимура в Самарканде является, несомненно, Биби-Ханым. Весьма возможно, что этой постройкой был зафиксирован, в смысле плана, тип медресе. В строительном смысле является особенно замечательной форма боковых башен около входного портала и по бокам входной арки западной постройки. Этот тип, по-видимому, не повторяется впоследствии и, быть может, коренится в древнеиранских традициях. Портал и килевидная арка является продолжением персидской традиции, так же как и угловые минареты, только от одного из которых сохранилось одно основание.

Образование купола носит также персидский характер. Идея двух раковин, из которых нижняя замыкает внутреннее пространство, а верхняя свободно поднимается кверху, получила уже давно право гражданства в Персии, благодаря гробнице Ходабенде-Хана в Султане. Применение этой формы купола, которая сама по себе не является тектонической и представляет противоположение между внутренней и наружной конструкцией, несколько неожиданно, так как формообразование Биби-Ханым является чрезвычайно ясным и простым, преобладания мусульманского орнамента, как на испанских и египетских постройках, здесь не замечается. Подчинение орнамента архитектурной форме проведено с несравненной гармонией.

В связи с этим надо предполагать, что при постройке Биби-Ханым камень играл первоначально более значительную роль. Каменная обкладка цоколя замечается в столь многих местах, что, быть может, она являлась общей отделкой всей нижней части постройки. По-видимому, весь двор был окружен аркадами. Остаток колонны с надписями стоит до сих пор на дворе, другой остаток с красивым звездчатым орнаментом найден мною на разветвлении дороги Шах-и-Зинде и на Афрасиабе.

Керамические украшения встречаются в Биби-Ханым почти во всевозможном техническом выполнении, однако способ применения их стоит в зависимости от их качества. Эстетический анализ приводит в данном случае к тому выводу, что вкус тимуридского стиля стоял значительно выше, чем в какой бы то ни было мусульманской стране того времени, например в Испании. Там неудержимое изобилие орнамента перегружает постройку и действует подавляюще, здесь же мудрое распределение украшений подчеркивает строительные формы.

<...> Следующей по своему значению тимуровской постройкой является, без сомнения, Ишрат-хана – замок перед городом. Чрезвычайный интерес, представляемый им, основывается на том, что он является единственной сохранившейся дворцовой постройкой эпохи расцвета на всем мусульманском востоке. В качестве объекта истории искусства он является столь же важным, как и Альгамбра в Гренаде, а в эстетическом смысле стоит даже выше ее по своей ясности.

<...> Вся постройка в целом является произведением старинного иранского дворцового типа и средне-ливанского, который выразился в Мшатте, но окончательно выработался в эпоху Сасанидов в Ктезифоне. Тип этот в Ишрат-хана, в центральной тронной зале, принял ясно выраженный характер элегантности. Особенно интересным является сравнительно хорошо сохранившийся верхний этаж над постройками нижнего фасада.

В общем можно сказать, что эпоха Тимура соответствует тем... (часть текста отсутствует – ГН.). Число техник, примененных к этим постройкам, чрезвычайно велико. Безусловно, преобладающим как по форме, так и по технике является персидский элемент, который в постройках Тимура достигает своего высшего развития. Проследить китайское влияние не представляется возможным, так как соответствующие китайские образцы той же техники моложе, чем Тимур¹⁶.

Оба отчета были направлены (в оригинале, с сопроводительным русским переводом) в Ленинград, во Всероссийскую академию истории материальной культуры.

26 июня на заседании совета Туркомстариса было прослушан следующий отчет Кон-Винера от 21 июня, в котором он сообщал о предварительных результатах своей поездки в Анау, Мерв и Бухару.

Основным вопросом истории стилей, подлежавшим разрешению во время этой поездки, был вопрос о том, в каком отношении стоит эта западно-туркестанская область к Персии. Следовало ожидать, что она всецело находится под персидским влиянием, так как лежит непосредственно у персидской границы и сравнительно далеко отстоит от центра – Самарканда. Однако выяснилось, что здесь господствует тот же стиль, что и в Самарканде.

Памятник Санджара в Мерве действительно соответствует древнему и среднеазиатскому типу так называемой многоэтажной могильной башни, подражания (Ausläufer) которой можно проследить вплоть до времен эллинистической и средневековой культуры (мавзолеев в Галикарнасе, гробница Диоклетиана, гробница Адриана, памятник Теодориха) и который действительно встречается в Персии, в виде одного примера в Тусе. Но выполнение всецело находится в соответствии с Туркестанским циклом. Нельзя уловить даже точек соприкосновения с сельджукидским искусством, несмотря на то, что Санджар принадлежал к одному из сельджукских родов. Старый кирпичный орнамент угловых построек в верхнем этаже соответствует орнаменту, употребительному в Бухаре, а более тонкий штукатурный орнамент носит характер орнамента Самарры – Афрасиаба. Стиль прикладного искусства этого времени должен в точности соответствовать до-монгольскому стилю на Афрасиабе. Северная часть и выдвинутый вперед холм как бы усеяны осколками той самой керамики с глазурью цвета крем, которая является характерной для Афрасиаба этой эпохи. Никаких следов персидской керамики Rhages* не имеется. Впрочем, окрестности памятника Санджара и нижняя часть Султан-кала, вероятно, подвергались перестройке в тимуридскую эпоху.

Для более поздней эпохи, мечеть в Анау дает доказательство того же соотношения. Все основные орнаменты берут свое начало оттуда. Чрезвычайно интересными являются филленки с рисунками драконов в замке арки и сильно китаизированная полоса орнамента вокруг отверстия портала. Такое влияние своеобразного китайского стиля в архитектуре известно нам еще с начала XVI в. в Персии. Обнаружение его влияния здесь наряду с тимуридским имеет очень существенное значение для развития стилей¹⁷.

Далее ученый предупреждал, что не сможет написать итоговый отчет, если ему не предоставят «свободу работы в Самаркандском музее»:

Везде окажутся пробелы, и я полагаю, что и Вы не пожелаете взять на себя ответственность, если работа, для которой Ваше правительство предоставило значительные средства, окажется, в конце концов, незаконченной¹⁸.

Речь шла о разрешении сделать фотографические снимки с резной алебастровой панели, найденной в 1912 году на Афрасиабе, и с коллекции керамических экспонатов.

Однако Совет решил не менять принятого на заседании 15 июня постановления; было лишь добавлено, по предложению М.Е. Массона, следующее: «доктору Кон-Винеру предоставляется полная свобода работать в Самаркандском музее над всеми имеющимися в нем экспонатами и изучать их во всех отношениях, поскольку он сам признает это нужным; ограничение относится исключительно к раз-

* Раги, т.е. Рея, города на севере Ирана.

решению фотографировать афрасиабскую панель и керамические коллекции»¹⁹.

4 августа в Туркомстарис поступило письмо Всероссийской академии истории материальной культуры, куда, как было сказано, были отправлены два первых отчета Кон-Винера. В письме, подписанном ее председателем, академиком Н. Марром, было сказано, что академия еще не имеет возможности дать исчерпывающий отзыв о них. Второй отчет, посвященный почти исключительно керамическим находкам, был передан на рассмотрение специалиста по истории мусульманского искусства И.А. Орбели, в то время не находившегося в Ленинграде. Поэтому академия ограничивается сообщением некоторых замечаний, сделанных В.В. Бартольдом преимущественно с точки зрения истории.

Как и следовало ожидать, отчеты Кон-Винера были подвергнуты жесткой критике. Приведем ее полностью.

1. Способ постановки д-ром Кон-Винером вопроса о влиянии греческого искусства на Индию и Китай вызывает недоумение. На основании скудности самаркандских находок д-р Кон-Винер даже считает возможным отвергать «гипотезу» о «Греко-Бактрии», как источнике этого влияния; между тем казалось бы ясным, что уже по географическим причинам другого источника не могло быть. Известно, что политическая и культурная жизнь сосредоточилась при греках, как и раньше, не к северу, а к югу от Амударьи, в северной части Афганистана, где впоследствии возникло гандхарское искусство, в котором можно видеть только наследие эпохи греческого господства. Известно также, что Мараканда была разрушена Александром и после этого не имела долгое время никакого значения; когда китайцы впервые ознакомились с Туркестаном (II в. до н.э.), средоточием жизни в долине Заравшана был не Самарканд, а местность ниже по течению реки, близ Катта-Кургана. Вполне естественно, что здесь, несмотря на полное отсутствие систематических исследований, были сделаны наиболее интересные находки, в том числе были найдены наиболее художественные образцы так называемых оссуариев*. Д-р Кон-Винер не упоминает ни об этих находках, ни вообще об оссуариях, представляющих для исследователя культурной истории Туркестана особый интерес, как памятник древности, не встречающийся вне пределов Туркестана.

2. Отмечаемый д-ром Кон-Винером факт расцвета культуры в Туркестане в первые века ислама уже установлен в русской науке. Ново и интересно проводимое им сопоставление самаркандских находок с находками в Самарре и Рейне, научные результаты этого сопоставления выяснятся, конечно, только после подробного изучения материала. В настоящее время взгляды д-ра Кон-Винера, по-видимому, не свободны от неясностей и противоречий, он утверждает, что, вопреки прежнему мнению, необходимо предполагать видимое влияние западной Азии на Китай, а не наоборот, но в связи с прежним мнением он упоминает только о предметах японской имперской сокровищницы (Шосойн) в Наре; между тем именно в Шосойне, о чем упоминает и сам д-р Кон-Винер, находятся предметы явно переднеазиатского происхождения, и этот факт давно уже был отмечен в литературе. Дальше указывается, что некоторые черты самаркандской керамики не находят себе подтверждения в Персии, может быть «находятся в связи с китайской керамикой» эпохи Сунской династии (X–XIII вв.). Из этого можно заключить, что, как и следовало ожидать, кроме влияния мусульманской Азии на Китай было и обратное влияние.

3. Д-р Кон-Винер был введен в заблуждение названием здания «Ишрат-хана» и туземным преданием и потому ошибочно считает эту постройку чисто светским зданием, зам-

* *Оссуарий* (лат. ossuarium) – ящик, урна, колодец, место или же здание для хранения скелетированных останков.

ком Тимура. В действительности давно установлено, что название «Ишрат-Хана» дано по недоразумению мавзолею, построенному во второй половине XV в. над могилой дочери Султана Абу-Саида. Это было отмечено туземным ученым Абу-Тахир-ходжею (Самария, текст, стр. 50; перевод В.Л. Вяткина, стр. 204), и это, как указано В.Л. Вяткиным, подтверждается вакуфным документом 1464 года (Спр[авочная] кн[ига] Самарк[андской] обл[асти], VI, 257).

4. Мнение д-ра Кон-Винера, что здание «Ишрат-Хана» до сих пор мало изучено, неосновательно, среди снимков, сделанных в 1908 г. на средства Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии, зданию Ишрат-Хана посвящено 27 номеров (492–512, 558–563, 573). Фотограф С.М. Дудин в перечне сделанных им снимков признал это число «недостаточным», но едва ли 12 снимков д-ра Кон-Винера к ним много прибавляют²⁰.

7 августа 1924 года Кон-Винер, закончив свои изыскания в Туркестане, сделал словесное сообщение, в котором в самих кратких словах обрисовал окончательные результаты своих работ²¹.

Критике исследований Э. Кон-Винера В.В. Бартольд посвятил две обстоятельные статьи: «Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.» и «По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г.»²².

Первая из них, опубликованная в четвертом томе «Известий Государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марра» («Известия ГАИМК», 1925), была написана на основе представленных Кон-Винером отчетов. Отмечая, что «сам факт возобновления этих изысканий (в области археологии – Г.Н.), с попыткой новой постановки вопросов, имеет несомненное научное значение», Бартольд с сожалением указывал, что

Кон-Винер, как показывают его отчеты, совершенно незнаком ни с первоисточниками, ни с литературой предмета. Его попытки разобраться в истории памятников и определить археологические находки лишней раз показывают, что без привлечения письменных источников, на основании только внешних признаков самих предметов, такие вопросы решаться не могут²³.

Так, В.В. Бартольд подверг критике утверждение Кон-Винера о том, что имеющийся археологический материал не дает оснований для утверждения о существовании в античные времена «в Самарканде значительной греческой культуры» и Греко-Бактрия могла поэтому сыграть какую-либо роль в проникновении греческой культуры в Индию и Китай. Оспаривая эту точку зрения, Бартольд писал:

Между тем уже по географическим причинам другого источника влияния греческого искусства на Индию и Китай, кроме греко-бактрийского государства, не могло быть. Дошедшие до нас памятники греческого искусства в Средней Азии относятся к эпохе новых завоевателей, так называемых индо-скифов, уничтоживших греко-бактрийское государство; но едва ли это искусство можно понять иначе, чем как наследие искусства греко-бактрийцев. При греках, как и в эпоху Ахеменидов, центром политической и культурной жизни была местность не к северу, а к югу от Аму-Дарьи. Кроме того, как по письменным известиям, греческим и китайским, так и по археологическим данным можно установить, что в долине Зеравшана жизнь сосредоточивалась не на месте разрушенных Александром Македонским Мараканд, а ниже по течению реки, в пределах нынешнего Катта-Курганского уезда. <...> Вполне естественно, что в Катта-Курганском уезде были найдены лучшие в художе-

ственном отношении из так называемых оссуариев – наиболее интересного и своеобразного памятника художественной промышленности Средней Азии, о котором Кон-Винер совершенно не упоминает²⁴.

Значительно больше интереса, по мнению В.В. Бартольда, представляют суждения Кон-Винера о культуре первых веков ислама. Благодаря немецким археологическим работам в Месопотамии и Персии, прежде всего в Самарре и Рее, в музеях Германии к тому времени был собран большой материал, еще далеко не полностью обнаруженный.

Как было замечено В.В. Бартольдом при дальнейшем рассмотрении отчета Кон-Винера в Туркомстарисе,

исследователь почти совсем не касается архитектурных памятников до-тимуровского периода. Самарканд в этом отношении, действительно, почти ничего не дает: необходимо было бы обратиться к постройкам XII в., сохранившимся в Мерве, Бухаре и Узгенде. В Узгенде Кон-Винер не был, в Мерве пробыл 5 дней, в Бухаре всего 2 дня <...>. Поэтому главный метод, которого он придерживается в своем исследовании, – при рассмотрении памятников более поздней эпохи выделять элементы, которым можно приписывать более древнее происхождение. Для правильного применения этого метода одно из главных условий – возможно точное установление хронологии памятников, что невозможно без некоторых познаний в области истории. К сожалению, в отчетах Кон-Винера мы несколько раз встречаем ошибочные хронологические определения, что не могло не отразиться на достоверности его выводов²⁵.

В конце статьи Бартольд высказывал пожелание, чтобы подобные исследования проводились в будущем «при деятельном участии русских научных сил, центральных и местных, и в тесной связи с результатами, уже достигнутыми русской наукой»²⁶.

Вторая статья, посвященная среднеазиатским штудиям Кон-Винера, вышла через год, – так же как и предыдущая, в повременном издании Академии истории материальной культуры («Государственная академия истории материальной культуры. Сообщения», вып. 1). Поводом к ней стала статья Кон-Винера «Руины сельджукского города в Мерве и мавзолей султана Санджара», опубликованная во втором томе немецкого «Ежегодника азиатского искусства» за 1925 год²⁷.

Отмечая, что в этой статье «автор обнаруживает несколько большее знакомство с литературой предмета, чем в своих письменных отчетах», Бартольд, однако, снова указывает на недостаточность этого знакомства. Так, по его мнению, Кон-Винер, в целом, опирается на книгу В.А. Жуковского «Развалины старого Мерва»²⁸:

Вообще нельзя сказать, чтобы его соображения о сельджукском Мерве, особенно в тех случаях, когда они расходятся с мнениями Жуковского, были в достаточной степени подтверждены историческими известиями и внешним видом развалин²⁹.

Как бы то ни было, Кон-Винер продолжал публиковать исследования по истории и археологии Средней Азии, в основу которых легли материалы его «туркестанской экспедиции». В 1930 году в Берлине выходит его монография «Туран. Ис-

ламское строительное искусство в Средней Азии»³⁰; на протяжении 1930-х годов он опубликовал еще несколько статей по этой теме³¹.

В своем *curriculum vitae* Эрнст Кон-Винер, в частности, писал:

В 1924 и 1925 гг. я совершил две научно-исследовательские экспедиции в Западный Туркестан в сопровождении своей жены. Как я и ожидал, они закончились открытием многих пока неизвестных памятников и художественных произведений, чрезвычайно важных для истории исламского искусства. Я изучал и фотографировал не только старые постройки Бухары и Самарканда, но также в таких менее известных, но исторически значимых местах, как, например, Шахрисябз (место рождения Тамерлана), Мерв, Анау, Узгент, Кашан и т.п., которые процветали в средние века. Моя книга «Туран. Исламское строительное искусство в Средней Азии», опубликованная в Берлине (1930 г.), признана в качестве фундаментальной работы. Пока это единственная публикация, посвященная памятникам этой исламской страны. Материалы, собранные во время тех поездок, хранятся в Исламском отделе Государственного музея Берлина. Их так много, что они заполняют один шкаф и четыре ящика для обуви³².

В 1933 году, вскоре после прихода нацистов к власти, Кон-Винеру было запрещено читать лекции или публиковаться в Германии, и он эмигрировал – сначала в Англию, а в 1934 году в Индию, где махараджа княжества Барода (совр. штат Гуджарат) предложил ему пост хранителя городской картинной галереи. В течение следующих пяти лет он много путешествовал по Индии и знакомился с индийским искусством и цивилизацией. После того, как его должность была упразднена в 1939 году, он переехал в США, где три года, до своей смерти в 1942-м, читал лекции в Американском институте иранского искусства и археологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 98.

² Как писал позднее В.В. Бартольд, приглашение Кон-Винера состоялось «путем сношений между заместителем начальника валютного управления в Москве М.А. Лазерсоном и уполномоченным народного комиссара Туркестанской Республики тов. Гольдбергом» // Бартольд В.В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. // Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. Т. IV. – М., 1966. С. 269.

³ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 103.

⁴ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 119–119 об.

⁵ См.: Кон-Винер Э. История стилей изящных искусств / Пер. под редакцией и с добавлениями М.С. Сергеева. 2-е исправленное и дополненное издание. – М.: Космос, 1916.

⁶ О концепции истории стилей Кон-Винера см.: Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии (система искусств в структуре мировых религий). – М.: Высшая школа, 1977. С. 201–202.

⁷ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 76.

⁸ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 207.

⁹ См.: Гирлихс Й. Фридрих Зарре и Эрнст Кон-Винер в Средней Азии // Культурные ценности, 2002–2003. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 249.

¹⁰ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 13.

¹¹ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 302–302 об.

¹² НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 77–77 об.

¹³ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 234–235 с об.

¹⁴ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 88–89 с об., 90.

¹⁵ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 90 об.

¹⁶ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 316–321 с об.

¹⁷ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–1об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–3 с об.

²⁰ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 53–55 с об.

²¹ НА РУз. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 2. Л. 132 с об.

²² Бартольд В.В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. // Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. Т. IV. – М., 1966. С. 269–279; Он же: По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. // Там же. С. 282–289.

²³ Бартольд В.В. Археологические работы... – С. 261.

²⁴ Там же. С. 270–271.

²⁵ Там же. С. 273.

²⁶ Там же. С. 279.

²⁷ Cohn-Wiener E. Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merv und das Mausoleum Sultan Sandschars // *Jahrbuch der Asiatischen Kunst.* – Leipzig, Klinkhardt und Biermann, 1925. Band 2. S. 114–122.

²⁸ Жуковский В.А. Развалины старого Мерва. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1894. (Материалы по археологии России, изд. Императорской Археологической комиссией. Древности Закаспийского края; № 16).

²⁹ Бартольд В.В. По поводу археологических работ... – С. 285.

³⁰ Cohn-Wiener E. *Turan: Islamische Baukunst in Mittelasien.* – Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 1930.

³¹ Cohn-Wiener E. Die Baukunst des islamischen Mittelalters in Turan // *Forschungen und Fortschritte.* 1932. № 8. S. 134–135; Он же: An Unknown Timurid Building // *The Burlington Magazine for Connoisseurs.* 1935. № 387 (66). P. 272–273; Он же: A Turanic Monument of the Twelfth Century A.D. // *Ars Islamica.* 1939. Vol. 6, № 1 (6). P. 88–91.

³² Цит. по: Гирлихс Й. Указ. соч. С. 248–250.

Михаил ГОЛУБОВСКИЙ-СОЛОВЬЕВ

Огненный вал

Публикация, предисловие и примечания Михаила ТАЛАЛАЯ

Писателям-эмигрантам «второй волны» трудно возвращаться в родную культуру: многие из них были в плену, или угнаны на работу в Германию, или каким-то образом сотрудничали с немцами (а после войны – с американцами).

Это в полной мере относится к журналисту и литератору Михаилу Степановичу Голубовскому. Как и многие его коллеги той послевоенной эпохи, он взял себе псевдоним – Михаил Соловьев: пишущие эмигранты справедливо опасались, что вендетта может обрушиться на их родных, оставшихся в СССР, и выдумывали себе новые имена и биографии.

Именно как Михаил Соловьев вошел Голубовский в большую литературу, издав значительный роман «Когда боги молчат». Однако этот роман, как и другие его интересные произведения, не принес ему ни славы, ни даже известности: его имя отсутствует в справочниках и словарях, включая электронные.

Михаил Голубовский-Соловьев родился в ставропольском селе Петровском в 1907 году. В 1920 году, в 13 (!) лет, он попадает, вслед за братьями, в Первую Конную армию; затем, как участник гражданской войны, учится на стипендию имени Фрунзе журналистике и истории в Московском государственном университете. После окончания какое-то время работает по распределению в Комсомольске-на-Амуре. Вернувшись в Москву, поступает в «Известия» спортивным репортером, затем становится военным корреспондентом, получив и офицерское звание (этот период позднее он художественно опишет в своих мемуарах).

После разгромного процесса над редактором «Известий» Н.И. Бухариным в 1938 году его, в числе многих сотрудников газеты, выслали из столицы, однако вскоре «простили». Как военный корреспондент Голубовский участвовал в Финской войне. В начале Великой Отечественной войны, будучи командиром казачьего разведывательного эскадрона в корпусе генерала Доватора, в чине старшего лейтенанта, он попал в плен. Это произошло в сентябре (или октябре) 1941 года.

Весной 1942-го Голубовский – редактор бобруйской оккупационной газеты «Новый путь», где и сам печатался под псевдонимом Бобров. Конец войны он встретил в Австрии, в лагере Парш под Зальцбургом. От сотрудничества с Власовым Голубовский всячески откровенничался, хотя, по всей видимости, знакомы они были.

По окончании войны попытки советских репатриационных органов добиться его выдачи встретили отпор американцев, и вскоре Голубовский перебирается в США. В 1950-е годы он занимается активной общественной деятельностью: входит в руководство эмигрантских антисоветских организаций – Союза борьбы за свободу России, Совета Освобождения народов России, Союза Андреевского флага. Кроме публицистики, начинают выходить крупные литера-

турные произведения Голубовского: роман «Когда боги молчат», мемуары «Записки советского военного корреспондента», повесть «Смеющийся курос».

В 1979 году писатель скончался в США.

Судьба и литературная карьера Голубовского не может не напомнить о другом видном писателе «второй волны» – Борисе Ширияеве, жившем в Италии, писавшем под псевдонимом Алымов и уже знакомом читателям «Востока Свыше»*. Оба они пытались литературно отразить болезненные темы «новой» эмиграции, как они сами называли «вторую волну»: коллаборационизм, бегство с родины, насильственная репатриация, борьба со сталинизмом, сложные отношения с Западом. Оба печатались в нью-йоркском издательстве имени Чехова.

В современной русскоязычной печати Голубовский издавался лишь раз: в 2017 году, в московском издательстве «АИРО-XX», для которого профессор В.В. Агеносов подготовил две части (из трех) романа «Когда боги молчат» и фрагмент из мемуаров «Записки советского военного корреспондента» о Финской войне**.

«Записки...», вышедшие в 1954 году, состоят из отдельных автобиографических рассказов-эссе. Судьба свела Соловьева не только с глубоко неприятными ему С.М. Буденным, О.И. Городовиковым, Л.З. Мехлисом («Левушкой Прохвостовым»), но и с полководцами-самородками С.К. Тимошенко, П.С. Рыбалко, Н.И. Крыловым, И.Р. Апанасенко, А.И. Еременко, В.И. Книгой. В «Записках...» можно найти рассказы о том, как автор преподавал историю на курсах переподготовки высшим советским военачальникам («Генеральский инкубатор»), как стал свидетелем голодомора в деревне («Вознесенский полк бывалый...») и уничтожения непокорных казачьих станиц («Джунгли»).

В одном из очерков – «Огненный вал» – будущий писатель живо описал военные маневры в Туркестане.

Хотя все «Записки...» можно найти выложенными в Сети, однако без биографии их автора и каких-либо комментариев. Поэтому мы, представляя еще одного забытого писателя, сочли возможной републикацию этого очерка.

Тридцатые годы в Красной Армии проходили под знаком суворовского завета: «Тяжело в учении, легко в бою». Штабы изоцрялись в постановке труднейших военно-учебных задач. Шло непрерывное чередование летних, осенних, зимних, весенних маневров. Солдатская служба стала еще более тяжелой и изнурительной. Еще более неприятными стали обязанности военного корреспондента.

Летом 1936 года неожиданное распоряжение погнало меня в Туркестан.

Для далекого путешествия предназначена была «корова», редакционный аэроплан весьма почтенного возраста и угрожающей внешности. По утверждению Карла Радека, ведавшего иностранным отделом нашей редакции, «корова» совершала полеты в нарушение всех законов аэродинамики, так как ее конструкция якобы была весьма остроумно приспособлена не для взлетов, а для падений. Тем не менее «корова» исправно летала и пользовалась нашей общей любовью, которую мы переносили и на Сергея Тарасовича, единственного пилота на этом воздушном корабле. На своем устарелом ТБ (не смейтесь, «корова» была тяжелым бомбардировщиком доисторической авиационной эпохи)*** Сергей Тарасович ковылял

* См.: Ширияев Б. «Здесь жилось тогда много вольнее...». Воспоминания о Средней Азии 1920-х – начала 1930-х годов. Публикация, предисловие и примечания М. Талалая. // ВС, 2017. № 4 (XLII).

** Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). / Публикация и комментарии В.В. Агеносова. – М.: АИРО-XX, 2017.

*** По-видимому, идет речь о бомбардировщике ТБ-1, который выпускался с 1925 года; снятые с вооружения самолеты использовались в гражданской авиации до 1945 года.

по всем воздушным бездорожьям страны. Однажды он даже приземлился на мысе Уэллен у Берингова пролива, откуда арктические летчики вылетали на спасение потерпевших кораблекрушение путешественников. Хотел было Сергей Тарасович и свою «корову» в спасательных операциях в Арктике испробовать, да начальник гражданской авиации приказал пилота арестовать, а «корову» пришвартовать к радиомачте, чтобы ее ветром в море не сдуло. С тех пор Сергей Тарасович весьма скептически относился к арктической авиации.

В июне, когда мы вылетали в путь, бывает ранний рассвет. Сергей Тарасович заехал за мною часов в пять утра.

– А ты, того-этого, заправился уже? – было его первым вопросом. Окинув взглядом стол с остатками завтрака, приготовленного матерью (в каждый полет старуха отправляла меня, словно на тот свет), Сергей Тарасович углубил вопрос:

– Горючим-то заправился, спрашиваю?

Я посмотрел на пилота и обнаружил, что на этот раз он непросто трезв. А так как по предсказаниям все того же Радека, «корова» погибнет со всем сущим на ней в тот день и час, когда окажется Сергей Тарасович трезвым, то поспешил я к буфету и, стараясь не замечать предупреждающих взглядов матери, поставил на стол графин с водкой. Летчик налил чайный стакан. Выпил.

– У меня предварительная норма триста, а исполнительная пятьсот граммов, – пояснил он, наливая стакан до половины. Потом подумал и долил до края. – Пусть сегодня будет четыреста.

Выпил. Обтер ладонью рот и повеселевшими глазами посмотрел на меня.

– Понимаешь, чертовщина какая получилась, – проговорил воздушный волк. – Жена совсем рехнулась. Запрещает предварительную, предполетную. Исполнительную, после полета, значит, приемлет, а эту никак. Прикрикнул на нее, да и сам не рад был. Загудела пропеллером, юбка на ширину размаха плоскостей раздувается. Одним словом, отступил я, не получив чарки, каждому доброму казаку перед походом положенной.

Полетели мы с полной «коровьей» скоростью, немногим больше двухсот километров в час. Раз пять садились на аэродромах. Механики поили «корову». С видом заправских докторов они прислушивались к ее реву и с сомнением качали головами. «Корова» уже тогда на всех аэродромах знаменита была, и по всему Советскому Союзу шел спор. Одни давали ей три месяца жизни, другие полгода. А она все летала и летала, приводя в смятение авиационный персонал аэродромов.

Порядком потрепало нас над Кара-Кумами, над этой песчаной могилой с редкими островками поселений. Однако же, хоть и сильно трепало ревущую «корову», тревога в душу не закрадывалась. Достаточно было взглянуть на Сергея Тарасовича, лихо сдвинувшего летный шлем набекрень, чтобы сохранить спокойствие. Такая была в этом веселом человеке уверенность, что стыдно было бы тревожиться.

Перед вечером следующего дня мы благополучно сели на большом военном аэродроме. Сергей Тарасович поспешил в столовую за «исполнительной нормой», а я стал вызывать по телефону город. Получив от штаба нужные сведения, я отправился к железнодорожной станции, лежащей между городом и аэродромом, и

через полчаса, пройдя предварительную проверку у молодца в форме внутренних войск, вышел на станционный перрон. Перрон был заполнен командирами частей, расположенных в Средней Азии. Некоторые проехали сотни верст, но все чисто одеты, выбриты, тщательно причесаны. К этому времени из армии уже был изгнан стиль небрежности в одежде и презрения к ежедневной бритью, который господствовал в ней со времени гражданской войны. Цвет офицерства далекого военного округа встречал правительственный экспресс, идущий из Москвы. Мне удалось опередить его на нашей героической «корове», хотя он покинул Москву за три дня до нашего вылета из столицы.

Раскаленный добела воздух струился над перроном, над невысоким зданием вокзала, струйками уплывал в сторону города. Казалось, что воздух вот-вот вспыхнет синеватым пламенем.

С перрона видны были улицы, берущие начало от вокзала. Доносилось легкое урчание арыков, затененных буйно разросшимися деревьями. Огромные цветы, в поисках пролады, склоняли к воде пышные тюрбаны. Низенькие дома городского предместья переходили дальше в высокие здания центральной части. Мне не был виден весь город, но я знал, что в другом его конце раскинулся старый город, в котором все – дома, минареты, крикливые уличные торговцы – напоминает, что здесь – Азия.

Ташкент, столица Узбекистана.

На перроне возникло волнение. Донесся далекий звук паровозного гудка. У края платформы выстраивалась рота красноармейцев. Винтовки с примкнутыми штыками. Руки солдат затянута в белые перчатки. Почетный караул. В центре платформы сгрудился военный оркестр.

Мимо перрона поплыла черная громада паровоза, а за нею – голубые вагоны правительственного экспресса. Поезд остановился. Из среднего вагона вышел невысокий плотный человек в военном мундире. Ворошилов. Команда почетному караулу утонула в реве оркестра. Следом за Ворошиловым показался Буденный, потом Тухачевский. Это для меня было новостью. В Москве мне сказали, что на маневры в Средней Азии выезжает нарком*, но, оказалось, он прибыл со всеми своими помощниками. Из последнего вагона вышел Тимошенко, которого издали легко было узнать по бритой голове, отражающей на своей гладкой поверхности солнце. Рядом с ним на перроне стоял Жуков – приземистый и угрюмый.

Развивалась обычная церемония встречи наркома. Ворошилов торопливо пожал руки командармам, комкорам и комдивам, кивнул головой остальным и покинул перрон. В сторону города понеслась вереница черных автомобилей.

Здесь такая земля, что воткнешь в нее сухую палку, а она розами зацветает.

Это сказал мой спутник, Васюков, офицер из артиллерийского управления штаба округа. Мы с ним выехали из Ташкента утром, чтобы переночевать в пути, а утром начать подъем к горному перевалу, за которым лежит благословенная Фергана. Заключительный этап маневров должен был произойти в Ферганской долине, куда уже стянуты войска. Туда отправился и правительственный экс-

* В описываемое время народным комиссаром (наркомом) обороны был К.Е. Ворошилов.

пресс. До Ферганы можно было бы добраться поездом, но меня привлекала перспектива пересечь горный кряж. А тут как раз и okazия подвернулась: Васюков получил приказ совершить путь через горы, чтобы нанести на карту какие-то рубежи.

До подножия гор нас вез военный грузовик, в который были погружены две наших лошади под присмотром конюха. К вечеру мы были в узкой долине. Дорога вилась по берегу небольшой, шумной речушки. Далеко ввысь уходили каменные отроги гор, и казалось, что небо покоится на их заснеженных вершинах. На склонах – ни деревьев, ни жилищ, ни пастбищ – бесконечный каменный хаос. Васюков был прав: земля в долинах взбухает соком плодородия. Хлопковые поля, рисовые посевы здесь такие, что диву даешься. <...>

На вечерней заре доехали мы до кишлака Кара-су, что в переводе на русский язык значит Черная вода. В Ташкенте узбек, член правительства республики, советовал мне обязательно побывать в этом кишлаке:

– Первый кишлак в республике, где все женщины чадру сняли, – с гордостью говорил он.

Решили заночевать в камышовых зарослях на берегу реки. Васюков даже слышать не хотел о ночевке в кишлаке.

– В домах блохи от нас только шпоры оставят <...> – говорил он.

Пока Васюков с шофером и конюхом устраивали бивак, я вышел на берег реки. С небольшого пригорка кишлак был хорошо виден. Маленькие глинобитные домики с плоской, из глины же слепленной, крышей удивительно хорошо гармонируют с окружающей природой. Они и сами кажутся частичкой этой величественной, молчащей природы. На противоположном берегу реки стояли узбеки, повернувшись в нашу сторону. К воде подходили женщины с открытыми лицами. Унося от реки кувшины, наполненные водой, они часто оглядывались на меня, и на их смуглых лицах обозначалась белая полоска зубов. Женщины улыбались.

Пужинав кашей, заправленной салом, мы с наслаждением растянулись на земле, подстлав под себя конские попоны. Несколько мгновений я распутывал нить какой-то родившейся во мне мысли, но, так и не распутав до конца, почувствовал, что на меня накатывается теплая волна расслабляющего сна. Все поплыло перед глазами.

Пробудился я от неслыханного мною дотоле шума. Долина все еще тонула в полутьме, но отроги гор были уже освещены. Явственно обозначилась на них линия, разделяющая тьму долины от света, идущего сверху. Пели петухи. Не один, не два, а тысячи горластых петухов. Их-то крик и разбудил меня. Васюков недовольно завозился под шинелью, приподнял взлохмаченную голову и сердито произнес, ни к кому не обращаясь:

– В этом курятнике не поспишь, черт бы их побрал!

Мы были в царстве фазанов. Вслушиваясь в петушиный концерт, я явственно различал кукареканье совсем рядом с нами. Проснувшийся конюх толкнул меня под локоть и кивнул подбородком в сторону реки. В пяти шагах от нас крупный фазан, раскинув веером свой роскошный хвост, самозабвенно кукарекал, а рядом с ним, присев сероватым брюшком на кочку, спокойно сидела скромно оперенная

самка, похожая на домашнюю курицу-пеструшку. Она ждала, пока ее царственный супруг насытится утренним криком.

Конюх пошарил вокруг себя и нашупал тяжелый ключ, оставленный шофером. Выждав, пока фазан затынет свой голосистый крик, он метнул ключом в фазанью пару. С характерным урчаньем фазан взмыл вверх, на миг застыл в воздухе (вот тут-то и должен охотник не зевать!) и потянул по горизонтали, а подраненная самка билась на земле, не в силах взлететь.

Фазаний шум разбудил кишлак. Донеслось тягучее мычание ослов, словно они хотели присоединиться к петушиному крику, да только не могли сразу подобрать нужный тон. К реке потянулись женщины с кувшинами. Мы с Васюковым умывались в реке, накаленной горным холодом, а женщины с другого берега смеялись, вероятно, над нами. Васюков бросал в их сторону сердитые взгляды и, поевживаясь от холода, ворчал:

– Вишь, без чадры ходят. В других кишлаках за такое дело убили бы женщину, а тут смирились. В прошлом году выбрали этот кишлак для опыта. Агитировали, чтобы женщины чадру снимали, да не помогло. Тогда прислали сюда отряд внутренних войск и чадру с женщин насильно сняли. Муллы объявили этот кишлак заразным, и все теперь объезжают его стороной.

<...>

Этот день мы провели на горных тропах. Долина, покинутая нами утром, опускалась все ниже, река стала походить на тонкую серебристую нить. Кишлак перестал быть виден, он слился с окружающим ландшафтом. Кони, привычные к горным дорогам, бойко шли над пропастями, осторожно переходили мостики, перекинутые через щели. Иногда мы шли за конями вслед, но на большой высоте силы быстро иссякали и мы снова взбирались в седла.

На исходе дня мы подошли к самому тяжелому участку пути. Под нами зияла пропасть. Через нее можно было пройти по дороге, похожей на качель. К отвесной скале льнула узенькая полоска переплетенного хвороста. Она удерживалась на сваях, вбитых в скалу. Это подозрительное сооружение качалось при каждом шаге, земля, которой прикрыт хворост, осыпалась под ногами, в настиле зияли дыры, через которые была видна скала, отвесно падающая вниз.

Лошадиная мудрость еще не нашла настоящего признания среди людей. Тогда, на качающейся дороге, я припомнил и понял изречение древних, говоривших: «Если Бог желает помочь человеку, он дает ему хорошего коня». Наш караван по плетеной дороге вел старый конь Васюкова. Он шел, широко ставя копыта и низко опустив голову, словно рассчитывая каждый свой шаг. Когда дорога начинала слишком уж колебаться под нами, он останавливался и выжидал. Мы плелись за конями, целиком положившись на их мудрость и осторожность. Некоторое беспокойство причиняла нам моя кобыла Золушка, молодая и вздорная. Избалованную Золушку, предоставленную мне для поездки с конюшни командующего округом, как будто оскорбляло, что она вынуждена идти вслед за беспородным старым конем Васюкова. Из-за этого она часто покусывала коня в круп и даже пыталась протиснуться между ним и каменной стеной. В такие мгновения мы с Васюковым под-

нимали дружный крик. Другого способа воздействовать на наглуую кобылицу у нас не было, ударить ее мы не смели.

Когда мы ступили на твердый камень, оставив плетеную тропу позади, первым нашим желанием было проучить Золушку. Сняв ремни, мы пребольно отхлестали ее, и, как мне показалось, рыжий конь Васюкова понимал и одобрял наш поступок.

Заночевали мы на площадке меж гигантских валунов, пристывших на горном склоне. Поужинали консервами, напились теплой неприятной воды из фляжек. Васюков привалился к большому камню, укутал голову шинелью и вскоре стал похрапывать, а я отошел в сторону и присел на камень. Болели натруженные ноги, все тело как бы звоном было заполнено, но спать не хотелось. Лошади, не получившие воды, лениво жевали овес из торб.

Внизу все было затянуто мраком. Небо, до которого, казалось, рукой можно дотянуться, с каждой минутой становилось глубже и темнее. Как-то неожиданно на нем вспыхнули звезды. Только что их не было, а при следующем взгляде они уже были видны и на глазах наливались световой силой. Ясно обозначились вершины гор, и мне казалось, что они вытягиваются все выше, словно гигантский магнит звездного неба притягивал их к себе. Я ощутил себя жалким и беспомощным перед лицом царственной вечности и почувствовал нестерпимую обиду от сознания, что я человек, беспомощная, бессильная букашка. Удивленный, я увидел, что все вокруг заполнилось толпами людей. Я видел эти толпы, чувствовал идущий от них запах немых тел. Воины великого Тимура. Мне нестерпимо захотелось присоединиться к ним, и вот я уже в толпе. Мы идем дорогой завоеваний. Наши кони и верблюды до дна осушают колодцы оазисов. Мы разрушаем города, уводим невольниц, связывая их косами одну с другой. Кровь и пепел пожарищ отмечают наш путь. Тамерлан ведет нас все дальше. Все во мне дрожит от ненависти и негодования, но я вместе с другими иду за ним и знаю, что другого пути для меня нет. Голодные, оборванные, но сильные своей яростью и безжалостностью, подходим мы под стены Самарканда, прекрасного города, похожего на восточную сказку.

Навстречу нам город выслал своих старшин со связками ключей от домов.

– Великий, мы отдадим тебе все, что имеем, но пощади город, – молят они Тамерлана. Жадный и надменный Тимур цедит сквозь зубы:

– Вы ничего мне не дадите, так как я все возьму у вас.

На песок падают отрубленные головы старшин. Это видят жители города и решают сражаться. Долго осаждаем мы упрямый город, потом врываемся в него, предавая все огню и мечу. Уцелевшие горожане ползут на коленях к шатру Тамерлана:

– Пощади! – вопят они, валяясь в пыли. Молча уходит в шатер великий хромой, чтобы под стоны убиваемых думать о новых походах.

Испуганный, я крикнул в сторону шатра владыки:

– Я не хочу!

И в тот же миг до меня дошел голос Васюкова:

– Вы чего кричали?

Я оглянулся кругом. Видение было сном. Холодные струйки пота сбегали по моему лицу. Васюков, не дождавшись ответа, снова привалился к камню и затих, а я, обессиленный и раздавленный, сидел в неподвижности, и казалось, что ни малейшей частицы силы во мне не осталось, и попробуй я подняться с камня, мне это не удастся.

Короткая ночь подходила к концу. Небо начинало светлеть, на нем все явственнее проступали золотые блики, словно кто-то гигантской губкой смывал бледные отсветы луны, и чем больше смывал, тем сильнее начинали играть золотые оттенки. Все вокруг менялось, принимало то голубоватый, то лиловый оттенок. Неведомый художник наносил на полотно мира невероятные, неповторимые сочетания красок и тут же с безумной расточительностью уничтожал их.

В полдень мы спустились в чудесную, взбухающую плодородием долину Ферганы.

Предстоял заключительный этап маневров, в котором главная командная роль должна была принадлежать С.К. Тимошенко.

Тимошенко к этому времени разработал новый тактический прием боя, никогда дотоле в войнах не применявшийся и получивший известность под названием «огненный вал». На среднеазиатских маневрах он должен был продемонстрировать этот прием, к которому многие относились скептически. Существо приема состояло в том, что массированное наступление войск осуществляется не в сочетании с устарелой, как утверждал Тимошенко, артиллерийской подготовкой, а непосредственно за артиллерийским валом, расчищающим путь для наступающих войск. Иными словами, войска должны были идти вслед за артиллерийским валом и на таком расстоянии от него, чтобы только не быть поражаемыми осколками. Нечего и говорить, что такое наступление требовало полной слаженности и безупречной «работы» артиллерии. Насколько я понял, Тимошенко и не рассчитывал с первого раза научить войска наступать таким оригинальным способом. Предвидел он и неудачи, допускал даже гибель некоторого числа бойцов и командиров от огня своей артиллерии, но это его мало смущало или не смущало вовсе. Он верил в свой прием и в его чудодейственную силу, а так как его ум был чужд сомнений, то о возможных неудачах и жертвах он не думал.

Тимошенко устроил свой командный пункт в одиноком домике на берегу канала, совершенно не заботясь о том, как разместятся другие. Сюда я и добрался на Золушке. Вокруг домика раскинулся целый городок палаток. Командиры всех рангов, штабы с многочисленными отделами, столовые, парикмахерские – все это размещалось в палатках. Одна из палаток была отведена для бильярдного стола, и оттуда несся стук шаров. Сдав Золушку и скормив ей на прощанье, в знак примирения, пачку печенья, оставшуюся в моих запасах, отправился я к палатке, предназначенной для военных корреспондентов. Там уже были мои коллеги, отчаянно скучавшие. Всем нам было строгойше запрещено писать что-либо о маневрах, и мы не знали, зачем мы тут нужны.

Необычайное скопление людей на командном пункте было вызвано тем, что из Китая прибыла большая группа советских военных советников. Среди этих последних был и старый мой знакомый, комбриг Рыбалко. До поездки в Китай Ры-

балко командовал кавалерийским полком, с которым я в 1934 году проделал марш через Голодную степь в Казахстане.

Присутствие Рыбалко помогало коротать время, а его рассказы о Китае и о том, что там делали наши военные советники, рождали во мне изумление, и я несколько раз спрашивал Рыбалко:

– Неужели за такие дела вас китайцы в ямы не сажают?

Рыбалко в ответ на мой наивный вопрос только усмехнулся.

Однажды Рыбалко прислал за мною вестового. В палатке, кроме самого Рыбалко, я застал трех человек в штатской одежде. Из слов Рыбалко я понял, что произошла очередная неувязка. Кто-то из власть имущих в Москве пожелал, чтобы самый ответственный этап маневров был записан в звуках. Всесоюзное радио командировало в район маневров бригаду из трех техников и одного радиорепортера, которые и должны были осуществить передачу радиорепорта на фабрику звукозаписи. Техников на маневры пропустили, а радиорепортера, или, как в Москве их называют, «ведущего» – нет. Трое в штатском и были техники, не знавшие, что им делать.

Рыбалко сказал, что «сам» Тимошенко заинтересован в том, чтобы звукозапись была проведена. То, что особая служба не пропустила радиорепортера в район маневров, могло сорвать весь план. Тимошенко поручил Рыбалко найти выход, а тот решил, что я вполне могу заменить радиорепортера. Мои утверждения, что я в радио ничего не понимаю, были решительно отвергнуты. Рыбалко был уверен, что человек, проехавший с ним верхом через Голодную степь, все может сделать. Пришлось согласиться.

План мой был прост и основан на вопросе, который я сам себе поставил, и на ответе, который я сам же дал на этот вопрос. «Что от нас хотят?» – спросил я себя. И ответил: «От нас хотят получить картину маневров в звуках. Человеческие голоса в этой картине – подчиненные детали, самое же главное заставить тех, кто будет слушать звукозапись, ощутить себя в центре событий».

Из этого уже рождался замысел. Его надо было облечь плотью использования в звуках предстоящих событий. В штабе Тимошенко мне сказали, что будет применен «подвижной огневой вал». Шесть дивизий пехоты и две бронетанковых будут наступать на узком фронте, стремясь захватить предгорья. На флангах будет действовать кавалерия. Условно считается, что противник оказывает жестокое сопротивление и его главной силой является пехота, занимающая укрепленные позиции. Наша артиллерия приблизительно равной силы с артиллерией противника. Центр тяжести маневра лежит в прорыве нашей пехоты через линии противника. Она должна дорваться до рукопашного боя. Нашей артиллерии ставится задача расчистить путь пехоте. Танки предназначены для головного эшелона наступающих войск. Артиллерия «пробивает» своим огнем позиции врага. Расстояние между огневым валом и нашими наступающими войсками 300 метров. Стрельба боевыми снарядами. Плотность огня максимальная.

Выслушав все это, я понял, почему стянуты огромные артиллерийские части. Когда я представил себе, как в действительности все это будет выглядеть, тревога мохнатым зверьком шевельнулась в моей душе.

Рота связи, посланная в распоряжение радиотехников, тянула провода в ту сторону, куда будет вестись наступление. Саперы врыли в землю стальной колпак, под которым будет скрыт первый микрофон и я при нем. Колпак этот будет находиться всего в сотне метров от линии, на которой взорвутся снаряды первых залпов. Дальше, в глубине, куда артиллерия постепенно будет переносить огонь, установлено еще два микрофона в простых окопах.

Тимошенко, действительно, был заинтересован в том, чтобы звуки маневров были записаны. Он лично проверил нашу готовность. Я показывал ему места, где установлены микрофоны. Стальной колпак он одобрил, но приказал покрыть его несколькими слоями толстой резины. Высаживая меня из своего автомобиля после осмотра наших приготовлений, Тимошенко спросил:

– Страшно?

Я признался, что страшно.

– Это хорошо, что страх в тебе есть, – проговорил Тимошенко, трогая шофера за плечо. Машина унеслась, а я и до сих пор не знаю, что хорошего было в том, что одолевал меня жестокий страх. Не думал ли Тимошенко, что перед его замыслом, как и перед Господом Богом, надо страх и смирение иметь?

На рассвете следующего дня я был на месте. Как я и предполагал, бункер не получил резинового покрытия – командир саперного батальона приказа Тимошенко не выполнил. Легкий ветерок наносил запах степных трав, смешанный с запахом махорки. Войска остались позади. Предутренняя тьма делала их невидимыми.

В стальном бункере было довольно просторно. Связисты даже соломы подстелили. Почему-то захотелось пощупать сталь над головой. Ее холодное прикосновение успокаивало. Мне не во что было больше верить, кроме этой стали. Она прикроет меня от осколков. А если прямое попадание? Но об этом лучше не думать.

Послышались шаги. Я нажал динамку ручного фонаря. В отверстие заглянул молодой белобрысый боец, совсем по-детски зажмуривший глаза, когда я осветил его лицо.

– Товарищ командир, – обратился он ко мне, когда фонарик погас. – Чи можно снимать те два поста, що у других матюфонов стоять?

Красноармеец вплетал в русскую речь украинские слова. Вероятно, он был откуда-нибудь из-под Воронежа. Но не над этим я засмеялся тогда, а над новым словом. Бойцы уже переименовали микрофоны, и по всей армии пошел слух, что установлены матюфоны для того, чтоб Сталин, сидя в Москве, мог через них слышать, как бойцы на маневрах меж собой разговаривают. В прошлый вечер я проходил мимо группы бойцов, залегших в траве и дымящих махоркой. Какой-то паренек пояснял товарищам, что через эти самые матюфоны Сталин завтра все услышит, и если красноармейцы очень густо будут высказываться, то прикажет он запретить в армии словесность, не предусмотренную уставом.

– До третьего этажа можно, а выше запрещается, – уверял он.

– Это ты врешь, пожалуй, – рассудительно отвечал басок другого бойца. – Как же можно запретить крепкие слова произносить? Армия не может без такой словесности воевать, это понимать надо.

Действительно, пора было снимать постовых от микрофонов, расположенных

дальше, по линии наступления. Я крутнул ручку полевого телефона, и сразу откликнулись два голоса: телефоны были поставлены на одной линии.

– Чего же нас не снимают отседова? – донесся до меня взволнованный голос постового.

Часовые, наверное, обрадовались, что могут уйти от таинственных матюфонов, так как с подозрительной поспешностью они оборвали разговор со мной и, как оказалось впоследствии, оба дружно, не сговариваясь (они в трех километрах один от другого находились) позабыли унести телефонные аппараты с собой, а оставили их погибать под осколками.

Начинался рассвет. Молодой связист сидел на корточках у бункера. Техники телефонируют, что связь с Москвой установлена. Я представил себе, как в невысоком здании фабрики звукозаписи в Москве склонились над аппаратами рабочие. Между мною и этой фабрикой расстояние в пять тысяч километров. Звук будет приходить по эфиру – ташкентская радиостанция пошлет направленную волну на Москву. Одновременно звук пойдет по проводам. Повсюду у аппаратов дежурят люди, чтобы бережно донести до Москвы звуки предстоящего боя, в котором условным является лишь противник, а все остальное вполне реально и очень опасно.

Через пятнадцать минут это начнется. Зеленая ракета прикажет всем приготовиться. Красная откроет боевые действия.

– А мне с вами оставаться или как? – спрашивал красноармеец. – Другие стороной к роте потопали.

Я не имел права задерживать бойца, он мог уходить, но лучше, если бы остался. Не так будет одиноко. Я молчал.

– Останусь, пожалуй, – проговорил он. – Не было приказа уходить. Страшно, а даже интересно, што тут за спектакля произойдет.

Боец влез в бункер и улегся рядом со мною. Места как раз хватило на двоих. Я высунул голову в отверстие. Войск не видно, знать, залегли в траву. За невысокой возвышенностью нудно гудел мотор, проверяли танк.

– Вы, товарищ, голову скройте в бункер, – предупредил мой сосед. – А то артиллеристы, сукины сыны, завсегда стрельбу не вовремя зачинают.

– Не могут они раньше срока начать, – успокаивал я.

– Вот и видно, шо вы тех артиллерийских гадов не знаете.

Вдали взлетела пачка зеленых ракет. До срока осталось пять минут. Я приложил телефонную трубку к уху. Техник сообщал, что все готово. Прошла минута, и я услышал слова, которые относились теперь не только ко мне, но и ко всем тем, кто расположен между мною и звукозаписывающими аппаратами в Москве: «Внимание... Включаю микрофон». И через несколько секунд:

«Микрофон включен».

Теперь передо мною не мертвый ящик микрофона, а нечто живое, к чему надо относиться с великим бережением. Я освещаю фонариком лист бумаги и читаю вступление к радиопередаче. Мой сосед застыл в благоговейной тишине и напряженно смотрит в микрофон. Стараясь быть спокойным, я говорю:

– Внимание, внимание! Говорит район маневров Красной армии. Через радио-

станции Советского Союза говорит район маневров Красной Армии. Товарищи радиослушатели! Наша могучая, непобедимая Красная Армия готовится к грядущим боям за родину, за великое дело Ленина-Сталина. День и ночь куется грозное оружие мировой пролетарской революции. Этим оружием является наша славная Красная Армия. Она – оплот мирного труда советского народа, радость и надежда всего трудового человечества.

Я погасил фонарь и замолк, испытывая знакомое чувство досады. Постоянно надо заниматься этой обязательной и никому не нужной лозунговой словесностью. Но без нее нельзя. В политотделе хотели было навязать мне более пространное политическое вступление, но я с помощью Рыбалко отбил. Покончив с обязательным политическим минимумом, я стал импровизировать. Обстановка, в какой я находился, создавала приподнятость. Я рассказал о степи, кажущейся мертвой и безжизненной, но потрясаемой глухим шумом моторов, об артиллерии, приготовившейся к залпам, и о полках и дивизиях, замерших на исходных позициях. Все, что мне было известно об артиллерийском вале, я сообщил невидимым машинам, записывающим мои слова в пяти тысячах километров. Я употребил всю силу воображения, чтобы воспроизвести в словах картину залегших в траве войск, замерших у пушек артиллеристов. Чтобы сделать мои слова еще более убедительными, я решил вовлечь в передачу находящегося рядом со мною бойца, не спускавшего глаз с моего лица, словно он был удивлен тем, что я веду такой гладкий рассказ.

– Первый огневой вал будет воздвигнут нашей артиллерией в сотне метров от того места, где я сейчас нахожусь. Мой микрофон и я прикрыты стальным колпаком бункера. Его соорудили саперы. Со мною здесь находится боец из роты связи... Как ваша фамилия, товарищ?

Связист при моем неожиданном вопросе растерялся, но так как деваться ему было некуда, то он, зачем-то снявши с головы пилотку, приблизил лицо к самому микрофону и не очень уверенно ответил:

– Сопляков. Иван Терентьевич Сопляков моё фамилие будет.

Знал бы я, что такое неблагозвучное имя у моего соседа, не стал бы спрашивать, но теперь этот ответ уже унесся в Москву и его не вернешь. Я продолжал рассказывать о снарядах, которые обрушатся впереди нас.

– Я не знаю, как это будет выглядеть, но будем надеяться, что наш бункер уцелеет, – говорил я. – За артиллерийским валом пойдут в наступление войска... Великое искусство требуется от артиллеристов, чтобы не накрыть их своими снарядами. – Я поднял к глазам часы и сообщил, что осталась еще одна минута. – Постарайтесь, товарищи радиослушатели, представить себе чувства бойцов, которые пойдут в наступление вслед за огненным валом. Снаряды будут рваться, разбрасывая снопы осколков. Ошибись артиллеристы, и множество бед произойдет на этом поле, а наш бункер взлетит на воздух...

Говоря это, я видел, что мой сосед начал выползать из бункера. Схватив его за ногу и крепко держа, я продолжал:

– Но мы уверены, что наши славные артиллеристы не ошибутся.

Ивану было страшно, это было видно по тому, как он старался вырваться из

моих рук. Может быть, только теперь, прислушиваясь к моим словам, он уяснил опасность нашего с ним положения.

– Пусти, товарищ. К своим пойду. А то из нас тут блин сделают.

– Поздно, – говорю я в микрофон. – Поздно теперь думать о том, что произойдет. Машина маневров запущена и будет идти положенным ей путем.

Ворвались красные отсветы. Через плечо мне были видны гирлянды красных ракет, медленно опадающие вниз. Донесся разъяренный рев – первый артиллерийский залп. Пространство над нами наполнилось тяжелым, угрожающим шелестом, словно сказочная птица прошумела крыльями. Небо над бункером, воздух над бункером, вся вселенная с треском и грохотом разорвались на части. Визжащие звереныши-осколки с пронзительным воем впились в крышу бункера.

Я был оглушен. Лежа на дне бункера, я цеплялся за соседа, который, тоже оглушенный, пытался вырваться из моих объятий и при этом невнятно матерился. Мы оба были на тонкой грани, за которой начинается полная потеря сознания. Всю силу надо было собрать, чтобы оторвать голову от земли и вернуть мысль к маленькой, но полной силовой жизни коробочке микрофона.

– Вы слышите грохот залпов и разрывы снарядов, – говорил я, стараясь прогнать из голоса предательскую дрожь... – Снаряды рвутся очень близко... Опять залп. Это тяжелая артиллерия. Ее снаряды посылаются на двести метров дальше.

Смутно я сознавал, что говорю не только я, но и мой сосед. Вой осколков над нами замер – артиллерия перенесла огонь вглубь. Донесся грохот танков, крики людей. Я продолжал говорить и в то же время через отверстие бункера наблюдал плывшую на меня волну людей в зеленых гимнастках.

Массовое наступление лишает человека индивидуальности. Лавина людей перекатывалась через бункер, у всех были одинаково раскрытые в крике рты, одинаково расширенные глаза, одинаково потные лица.

Это не была настоящая война – и все-таки было страшно. Издавая грозное рычание пушек, веером двигались танки. В центре веера тяжелые бронированные машины с короткими рылами пушек. Вокруг них резвились крошечные и какие-то несерьезные танкетки, бросающиеся то вперед, словно желая кого-то напугать, то назад, как будто сами чего-то испугавшись.

Однако не артиллерия, не танки представились мне в тот момент страшными, а люди, бегущие мимо в каком-то неудержимом порыве. В этом ревущем хаосе люди должны были бы выглядеть жалкими и беспомощными, но по какой-то странной ассоциации мыслей и чувств они-то как раз казались самым главным и самым могучим на этом поле. Каждый из них в отдельности не мог бы вызвать этой ассоциации чувств, но в массе они были не людьми, а одухотворенной машиной войны.

Лавина наступающих перекадилась через бункер. Я сидел на стальном колпаке, держа перед собой микрофон и продолжая рассказ. У моих ног валялись еще не остывшие осколки. Крошечная танкетка наехала на бронированный провод, идущий от моего микрофона. К счастью, Иван вовремя заметил это и разъяренным воплем ринулся на спасение провода. Танкист приоткрыл люк и высунул веселое и потное лицо.

– Бери свой провод, паучья твоя душа, – прокричал он.

Не в силах снести оскорбления («пауками» именовали в армии связистов), Иван полез на танкетку с кулаками, но танкист опустил колпак и через смотровую щель довершил оскорбление, назвав Ивана «интеллигенцией косопузой». Не имея возможности добраться до бронированного обидчика, Иван изо всей силы грохнул кулаком по стальному колпаку:

– Попадись только мне, крокодила шарикоподшипниковая, я с тобою поговорю, – крикнул он, выдергивая провод из-под гусениц танкетки.

Подскачившая «блоха» подхватила меня, чтобы доставить ко второму микрофону, где наступление должно смениться атакой. «Блохами» назывались маленькие автомобили ГАЗики, приспособленные для военных нужд. Так как им, в большинстве случаев, приходилось передвигаться по бездорожью, они имели несколько приподнятый кузов и действительно чем-то походили на скачущих блох. Отчаянно подпрыгивая на неровностях почвы, делая крутые виражи у воронок, оставленных снарядами, «блоха» неслась вперед. Несколько минут в одном с нами направлении двигался автомобиль с Тухачевским.

Сзади донесся отчаянный крик. Крошечная танкетка догоняла нас, а на ней восседал Иван. Когда танкетка поравнялась с нами, боец ловко перепрыгнул в автомобиль. Он, кажется, чувствовал себя ответственным не то за звукозапись, не то за мою жизнь.

Наступление войск приостановилось, как это обычно бывает перед атакой. Складки местности заполнились зелеными гимнастёрками бойцов. На пригорке собрались командиры, наблюдавшие в бинокли разрывы снарядов. Пришла весть, что на правом фланге два снаряда сделали недолет и взорвались среди своих войск.

В небе опять вспыхнул фейерверк – на этот раз красные и зеленые ракеты. Теперь войска перешли в атаку. До условных укреплений противника оставалось метров триста. Артиллерия, ведущая беглый огонь, создавала впереди чудовищную пляску смерти, и люди должны были не уходить от этой пляски, а бежать к ней. Снаряды рвались в каменной гряде. Лава атакующих неудержимо катилась вперед.

Я бежал вместе с другими, направляясь к еле заметной седловине, в которой был спрятан третий микрофон. Лавина атакующих затопила гребень каменной гряды и вдруг испуганно заметалась. Справа и слева она скатилась на другую сторону, но там, где я был, бойцы торопливо залегли, а некоторые стали отступать. Случилось непредвиденное: снаряды, рвущиеся в точно намеченной дистанции от пехоты, попадая на камни, вырывали их и разящими осколками бросали назад, навстречу атакующим. Микрофон был поврежден не то осколком, не то камнем. Уверенный, что он бездействует, и не видя, что погнутая его коробка от проводов не оторвана, я не защитил микрофон от проникновения в него «нежелательных звуков». У самого микрофона отчаянно матерился командир полка. Камнем ему разбил голову, и он полз, оставляя кровавый след. Кругом раздавались проклятия.

Атака была завершена. Смолкла артиллерия, стало странно тихо. Потянулись назад войска. Навстречу им двигались дымящие полевые кухни, разыскивающие свои роты.

А через два дня в Ташкенте, в большом зале театра, подводились итоги маневров. Общий обзор делал Тухачевский. Он говорил холодно и равнодушно. Оживился лишь заговоривши о последнем этапе маневров, когда войска были отданы под командование Тимошенко. Военное новаторство, сказал он, великое дело, но к успеху оно ведет через множество неудач. По мнению Тухачевского, опыт Тимошенко был одной из таких неудач.

Ворошилов сидел молча и ничем не выражал своего отношения к словам Тухачевского.

Тухачевскому возражал Жуков. С первого же слова он стал оспаривать выводы Тухачевского. По его словам, атака за артиллерийским валом вполне себя оправдала. Как и большинство старших командиров, Жуков не блещет красноречием, но его доводы были вескими и убедительными.

Мне не удалось присутствовать до конца на этом собрании. Вестовой разыскал меня и передал распоряжение сейчас же явиться в штаб. Из Москвы пришел приказ: немедленно вернуться в столицу. Теряясь в догадках, что может означать этот приказ, я явился на аэродром, погрузился в военный самолет и через день вышел из него на Московском аэродроме. Шофер повез меня не в редакцию, а на фабрику звукозаписи. Вскоре туда же приехал Б.М. Таль, бывший в то время заведующим отделом печати ЦК партии*. Это был невысокий, худощавый человек. Лицо его освещалось большими черными, всегда болезненно блестящими глазами. Ходили слухи, что Таль наркоман.

В кабинете директора фабрики звукозаписи Таль объявил причину моего спешного вызова в Москву.

– Во-первых, там вам больше нечего делать. А во-вторых, у вас черт знает что происходило. Если верить всей этой звукозаписи, то там на каждом шагу красноармейцев убивали, – сказал он с непонятым раздражением.

– Об этом ведь я ни слова не говорил, – осторожно произнес я.

– Знаю... Однако вы умудрились так подать материал, что получилась не повесть о героической Красной Армии, а сплошное издевательство над нею.

Таль впадал все в большее раздражение.

Не было смысла оправдываться. Суждения высокопоставленных партийных чиновников неоспоримы, эту истину я к тому времени уже довольно хорошо усвоил.

Моя задача была простой. Под присмотром Талья должен был быть смонтирован радиofilm о маневрах Красной Армии. Его хотели продемонстрировать каким-то иностранным делегациям, прибывшим в Москву. Прежде чем приступить к работе, надо было прослушать всю запись целиком. Слушая звуки, родившиеся в далекой Средней Азии и попавшие на пленку, я снова переживал все произошедшее несколько дней назад. Я опять лежал в бункере, слышал над собою свист осколков, гром артиллерийских залпов.

Пока мы слушали, Таль укоризненно смотрел на меня, а мне, признаться, совсем не было стыдно, и я мысленно хлопал себя по плечу. Мой рассказ о степи, о

* Борис Маркович Таль (1898–1938), в 1933–1937 гг. – ответственный редактор журнала «Большевистская печать»; с 13 мая 1935 по 4 сентября 1937 гг. – заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б). Репрессирован.

войсках, подготовившихся к наступлению, об артиллерии, притаившейся в складах местности, был прост, ясен и, как мне казалось, выразителен. Некоторый диссонанс внесла речь Ивана, когда я его держал за ногу и не давал выскользнуть из бункера, но ведь Иван солдат – и было бы странно, чтобы он заговорил изысканным языком. Когда раздался залп, а за ним грохот взрыва, в глазах Талья мелькнуло что-то, похожее на одобрение. Взрыв он готов был одобрить. Артиллерийские залпы следовали один за другим, от грохота взрывов, казалось, обрушится штукатурка в комнате, в которой мы были, но в грохоте, вое, визге явственно звучал голос Ивана. Как помнит читатель, я при первом же залпе потерял на некоторое время способность управлять собой и всем телом вжимался в землю. Иван был в таком же, как и я, состоянии, но в то время, как я молчал, он бросал слово за словом, и эти ненужные слова впитывались микрофоном. Его речь не была от сознания, у обоих нас оно было тогда подавлено, а от рефлекса, следовательно, и речь эта была как бы рефлекторной. Насколько эта бессознательная речь была выразительной, читатель поймет сам. Каждый раз, когда раздавались особенно крепкие слова, Талья делал рукой жест, приглашая прислушаться.

Когда вся пленка была прокручена, Талья нравоучительным тоном заметил, что Чехов писал о мужиках, но ни разу не употребил бранного слова.

– Помните рассказ «Правонарушитель»? – спросил он.

Я, конечно, помнил этот рассказ, но мужик мужику рознь. Чеховский стоял на самой низкой ступени развития, всего боялся, ничего не понимал, задавленный не столько нищетой, хотя и ею, сколько полным и законченным бескультурьем. Иван – это не чеховский мужик. Современные мужики многое познали, многому научились и защищают себя иначе, чем чеховский мужик. А что речь солдатская груба, так ведь это от жизни. Солдатская жизнь не менее груба. Я не встречал солдат, чья жизнь не научила бы единственному для них языку: солдатскому. Это относится к немецкому, русскому или китайскому солдату. Разница между их словесностью чисто внешняя, существо же общее.

Из вороха пленки, на которой были записаны звуки маневров, мы смонтировали пятнадцатиминутный радиofilm, который, быть может, припомнят те, кто в те годы жил в СССР. Он несколько раз передавался по радиостанции Коминтерна.

Мне же этот эпизод будет постоянно памятен, так как тогда, на маневрах в Средней Азии, я явственно ощутил машинное начало в советской армии, превращающее людей в частицы того, что мы именуем машиной войны.

Юрий Флыгин: «Хотелось бы, чтобы более бережно относились к историческому наследию...»

От редакции. В марте известный узбекистанский историк, член редакционного совета «Востока Свыше» Юрий Степанович Флыгин отметил свое 70-летие. Флыгин является автором многочисленных статей и монографий, а также организатором более тридцати научных конференций, посвященных разным аспектам российско-среднеазиатских отношений*.

Редакция ВС сердечно поздравляет ученого, желает ему крепкого здоровья и долгих лет плодотворной научной и педагогической работы. В этом номере мы публикуем в разделе «Туркестановедение» статью Ю.С. Флыгина, а также небольшое интервью – своего рода продолжение беседы, которая была опубликована в нашем журнале несколько лет назад**. С Ю.С. Флыгиным беседует главный редактор ВС Е. Абдуллаев.

– Семьдесят лет – дата значительная. Как вы ее встретили? В Ташкенте вас в те дни не было...

– Да, еще несколько лет назад я запланировал в день своего семидесятилетия встретить восход солнца на башнях Ангкор-Вата в Камбодже. Признаться, я думал, что легендарное место настроит меня на размышления, так сказать, о былом и пережитом. Но Ангкор-Ват настолько поражает, что, находясь среди его руин, невозможно думать о чем-то ином, кроме как о творческом и физическом подвиге строителей столицы некогда великой империи. Зато по возвращении домой у меня, благодаря карантину, было предостаточно времени для размышлений.

Как говорил любимый мною Сомерсет Моэм, семь десятков лет – это «сама старость». Я этого не чувствую. По-прежнему много занимаюсь научной и общественной работой, путешествую. Я часто слышал от людей и в молодые, и в зрелые годы, что им скучно, одиноко. У меня никогда не было таких ощущений, и я до сих

* См. статью о Ю.С. Флыгине в недавно вышедшем втором выпуске биобиблиографического словаря исследователей Русского зарубежья. (Гентшке В.Л., Сабенникова И. В., Ловцов А.С. Исследователи Русского зарубежья: биобиблиографический словарь = The Researchers of Russia Diaspora: Biobibliographical Reference Book. Вып. 2. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020).

** Юрий Флыгин: «Стремиться к максимальной объективности, но при этом не провоцировать ненависть...» // ВС. 2016. № 1. С. 91–95.

пор не представляю, что это такое – испытывать скуку, чувствовать себя одиноко. Мне хватает и развлечений, и общения. А моменты одиночества тоже имеют свою прелесть.

– Не хочется повторять банальную мысль, что человек начинается с детства, и все же... В прошлой нашей беседе вы кратко упомянули ваших родителей; не могли бы рассказать чуть подробнее о них, о семье, в которой выросли?

– Мне повезло с родителями – скромными добрыми тружениками. Несмотря на отсутствие у них формального образования, это были несомненно образованные люди, благодаря, главным образом, своей начитанности. Будучи православными людьми, они мне передали традицию уважительного отношения к православию.

В 1920-е – 1930-е годы несколько ближайших родственников моей матери стали жертвами в ходе борьбы с кулачеством. Тяжкие испытания выпали и моему отцу – первому председателю колхоза в родном селе.

Я благодарен своему отцу, Степану Васильевичу, и матери, Агриппине Прокофьевне, не только за ту заботу, которой и я, и мои сестра и братья были всегда окружены, но и за те заповеди, которые родители ненавязчиво внушали нам.

Как-то я нашалил в школе, и мой учитель, встретив папу на улице, немного пожаловался на меня (кажется, это был единственный случай, когда на меня пожаловались в школе). Помню, как после ужина мама мне сказала, чтобы я зашел к папе: «Он хочет с тобой поговорить». Я удивился, что же это такое мне хотят сказать, что нельзя было сообщить за общим ужином... Не было никаких нотаций, обещаний наказать (в нашей семье вообще никогда детей не наказывали). Отец спокойно сказал: «Я сегодня видел Федора Яковлевича. Ты, оказывается, нехорошо поступил, он пожаловался на тебя. Мне было неудобно. Ты должен знать, что в нашей семье самое ценное – это репутация. Она не твоя собственность, ты не имеешь права ее портить, а должен всю свою жизнь ее беречь».

– Да, вы упоминали этого учителя, Федора Яковлевича, в нашей прошлой беседе...

– Федор Яковлевич Костерин, мой первый учитель в начальной школе, фронтовик, был человек исключительно ответственный, строгий и справедливый. Он не только вел уроки, но и делал очень много, чтобы расширить наш кругозор, разнообразить скудную на впечатления деревенскую жизнь второй половины пятидесятых годов: конкурсы, утренники, недели книги, читательские конференции, экскурсии... На войне он потерял ногу, хороших протезов тогда не было. Только повзрослев, я представил себе, как тяжело ему было ходить с нами в походы.

– А ваши наставники в Ташкентском университете?..

– Галина Борисовна Никольская. Она была заместителем декана исторического факультета Ташкентского университета по вечернему и заочному отделениям

(я учился на вечернем). Человеком она была уникальным. На своей должности бесменно находилась лет пятьдесят. На других факультетах заместители деканов менялись довольно часто: работа хлопотная, гораздо более напряженный график, бесконечные отчеты и совещания... А иногда и были вынуждены покидать свои посты – из-за различных злоупотреблений.

Галина Борисовна преподавала этнографию. Я до сих пор помню ее яркие лекции. Всегда элегантная, спокойная, доброжелательная, она являла собой поразительный сплав аристократизма и интеллигентности. Ни одного лишнего слова, ни одного лишнего движения. Исключительная скромность и доброта. Для всех вечерников и заочников факультета она была буквально как родная мать.

Бессменной помощницей Галины Борисовны была методист Мария Ивановна Алиева, тоже человек доброты необыкновенной, любимица студентов. Они к ней приходили запросто за советом по разным вопросам, и не только учебным.

С благодарностью вспоминаю всех своих университетских педагогов. Людмила Михайловна Мазаева, Галина Яковлевна Дресвянская, Александра Алексеевна Портнова, Анна Семеновна Паин...

Уже после окончания университета мне довелось несколько лет работать и близко общаться с профессором Ахмеджаном Тураходжаевичем Азизхановым. Он был проректором по вечерне-заочному обучению. До этого работал в системе МВД, был полковником внутренней службы. Он не был ученым, да у него и времени не могло быть для исследовательской работы. Но он был замечательным организатором, постоянно интересовался опытом других вузов, следил за публикациями в специальной литературе. И все наиболее подходящее старался внедрить на вечерне-заочном отделении Ташкентского университета.

С подачи Азизханова началась моя научно-исследовательская работа. В 1980 году в Фергане проходила межвузовская научная конференция. Накануне Ахмеджан Тураходжаевич пригласил меня к себе в кабинет и сообщил, что меня хотят послать на конференцию вместе с доцентом таким-то.

«Там надо выступить с докладом, но, вы знаете, доцент такой-то очень занят, он не сможет подготовить доклад. Попробуйте вы это сделать. Надо, чтобы тема была связана с нашим университетом. У вас есть что-нибудь?»

Я оживился и говорю: я как раз нашел в архиве интересный материал по ранней истории университета, о его организаторах – русских интеллигентах Ташкента.

Ахмеджан Тураходжаевич довольно долго смотрел куда-то вниз, а потом сказал: «Это очень интересный материал. Это все здорово. Но там, знаете, это все не нужно, тема конференции – про коммунистическое воспитание студентов. Вы ходите по факультетам, поговорите с кем надо и соберите немного материала. Только имейте в виду, у вас всего два дня».

Я походил, собрал, поехал, выступил. Вроде неплохо получилось.

– Между школой и университетом вы работали на строительстве...

– Да, после школы я около десяти лет проработал в «Главташкентстрое». Это было время после землетрясения 1966 года, профессия строителя была в Ташкен-

те самой востребованной. До сих пор стоят здания, в возведении которых я принимал участие, например, Кабинета министров Узбекистана.

С благодарностью вспоминаю своего первого бригадира – Михаила Павловича Старшинова, человека мудрого и справедливого. Вообще общение в рабочей среде учило ценить всякий труд и уважать тружеников, было полезной школой жизни. Так же, как и служба в армии, где я был командиром отделения.

– А с чего началась ваша общественная деятельность?

– Опять же, со школы. Когда я пошел в первый класс, где-то на второй неделе учебы наш учитель Федор Яковлевич стал формировать актив класса. Кого-то избрали старостой, кого-то звеньевыми. А меня – «санпостом». Моя обязанность заключалась в том, чтобы каждый день перед началом уроков обойти все ряды класса и проверить – чистые ли у моих одноклассников руки, уши и ногти, и в начале урока доложить учителю. Мне, честно говоря, нравилась эта обязанность, она мне казалась важной, значимой.

Вот так я в семь лет «выдвинулся» на общественную работу и в свои семьдесят все никак не «задвинулся». В последующие годы постоянно был на разных общественных должностях – староста класса, секретарь комитета комсомола школы, потом армейской роты, член комсомольского бюро строительного управления, председатель совета общежития, председатель ревизионной комиссии профкома республиканского правления общества «Знание», председатель партийной комиссии по контролю за деятельностью администрации ректората Ташкентского университета... Последние двадцать шесть лет, ровно столько, сколько существует Русский культурный центр Узбекистана, неизменно избирался членом его правления.

– Добавлю для наших читателей, что как раз накануне своего юбилея вы были награждены Почетным знаком Русского культурного центра и государственной наградой России – медалью Пушкина.

– ...Конечно, теперь я уже не занимаюсь общественной деятельностью столь активно, как раньше. Думаю, уже пора и «задвигаться». Впрочем, тут дело даже и не в возрасте. В последние двадцать пять лет много занимаюсь научной работой.

– Но и ваша научная работа, статьи и книги во многом являются продолжением вашей общественной деятельности.

– Да, стараюсь по мере сил способствовать сохранению исторической памяти о роли россиян и России в Средней Азии. К сожалению, в угоду конъюнктурным соображениям, в этом вопросе многое извращалось, какое-то время русофобия была довольно распространенным трендом. Это видно и по школьному и вузовскому образованию, и по научным публикациям. Речь, разумеется, не только об Узбекистане, но и о других странах бывшего Союза. Чем признавать собственные проблемы, порой непрофессионализм, – гораздо легче было возложить ответственность

Юрий Флыгин: «Хотелось бы, чтобы более бережно относились к историческому наследию...»

на Россию, на колониализм, на советское прошлое. К счастью, в последние годы в Узбекистане это на официальном уровне нигде больше не звучит. Но учебники истории остаются прежними.

– Ваши оппоненты могут сказать, что вы идеализируете советский период.

– Я ни в коей мере не ностальгирую, как многие, по советским временам. Но и не очерняю их, что стало, к сожалению, общим местом в нашей историографии. Было много хорошего, многое из советского наследия и сейчас служит народу Узбекистана. Да, хотелось бы, чтобы более бережно относились к историческому наследию, в том числе связанному с памятью о россиянах, живших в Средней Азии и трудившихся на благо ее народов. Неблагодарно выглядит уничтожение некоторых сооружений, памятников, мемориальных досок, прежней топонимики. Речь не о топонимах, связанных с деятелями былой идеологии, тем более что многие из этих людей не имели никакого отношения к Узбекистану. Но стоило ли переименовывать улицу, названную в честь героя Великой Отечественной войны Виктора Малясова, кстати, жившего на ней? Или сбивать мемориальную доску в честь еще одного героя войны – Елены Стемпковской, уроженки Узбекистана? Или когда бюст генерала Комаровского, руководившего строительством Сергели после землетрясения 1966 года, установленный возле школы, ранее носившей его имя, был сбит и выброшен в кучу мусора? Только в последние четыре года эта волна, слава Богу, улеглась, появилось больше оснований для того, чтобы радоваться настоящему.

– И традиционный вопрос – о ваших планах на будущее.

– Хотелось бы написать еще несколько книжек и совершить новые путешествия. А потом я буду готов к встрече со своими родителями, чтобы сказать им: я исполнил ваш завет и сохранил семейную репутацию.

Андрей ФЁДОРОВ

КОТ

Рассказ

Дорога от метро к храму всегда проходила мимо этого дома в центре Москвы. Машу он каждый раз поражал – одновременно величественный и жуткий, с хорошо знакомым желто-оранжевым фасадом, с рядами темно-серых гранитных глыб внизу, словно какой-то великан поставил их одну на другую, соединив две соседние улицы, впадающие в бескрайнее пустое пространство. Все остальные строения как будто отодвинулись подальше, не желая с ним соседствовать, так что возникла огромная площадь с одинокой невыразительной клумбой в центре, где раньше стояла статуя рыцарю революции, и здание взидало всей своей сотней внимательных глаз и на эту клумбу, и на мишек и кукол в окнах большого детского магазина, недавно открывшегося после ремонта.

Какое отношение это здание имело к ней самой, Маша не знала, но кто-то из их семьи вроде был с ним связан, кого-то оно поглотило и не выпустило. Бабушка во времена Машиного детства, лет пятнадцать назад, что-то такое рассказывала, Маша не могла запомнить; родители не рассказывали уже ничего, но смутная тревога овладевала девушкой всякий раз, когда она находилась рядом.

Они спешили к службе, три парня и Маша, быстро шагали по пешеходному переходу на зеленый свет. Солнце еще только угадывалось за громадами домов. Маша с трудом попевала за друзьями-однорупниками, шла чуть ссутулившись, держа руки в карманах, слегка вздрагивая от утренней свежести.

– Вандалы. Снесли памятник, – вдруг произнес Гешка вполголоса, останавливаясь у очередного пешеходного перехода.

– Ой, нашел что жалеть! – резко бросил Славик. – Да я бы всех этих безбожных кумиров поносил. И этих монстров... Мавзолей, Дворец съездов... И еще бы с десяток. И этот... – он кивнул на дом. – Весь город испоганили.

– Снести, снести... – пробурчал Андрей. – И что ты этим добьешься? А я считаю – не надо ничего сносить! Пусть все как было, так и останется. Памятники эпохи!

– Кстати говоря, Дзержинский боролся с детской беспризорностью, – тихо заметил Гешка, слегка улыбаясь. Он всегда улыбался так – чуть снисходительно. – Знаете, скольких он вытащил? Не стоит судить, если ничего не понимаешь.

– Тебя бы в ту эпоху, наверно, сразу бы все понял, – съехидничал Славик.

– Да что ты знаешь про ту эпоху? Тогда люди были – не нам чета! Трудились, заводы строили, хлеб сеяли и хоть сами голодали, а работали для страны, а сейчас? Одни пьянствуют, другие мечтают скорей умотать за бугор...

– Слушайте, а что, в этом здании тоже есть какая-то красота... Мощь, так сказать. И не особо оно мрачное.

– Не особо? Столько человек погибло тут, в подвалах, а он – мощь, красота! Ты еще об архитектуре поговори.

«Ничего не понимаю ни в архитектуре, ни в истории», – думала Маша. Они уже перешли улицу, торопливо шагали вдоль длинной серой стены дома: массивные деревянные двери красновато-желтого цвета с длинными фигурными ручками, редкие зарешеченные окна, принадлежащие, кажется, полуподвальному этажу.

– А про жертвы – это все интеллигентские разговоры, – поучал Гешка. – Вы поменьше всякой либеральной писанины читайте. – И помолчав, добавил тихо: – Еще и недоубили кое-кого... Ого! Что это за вопли душераздирающие?

В окне, окаймленном аркой из темных прямоугольных камней, была приоткрыта форточка, защищенная мелкой сеткой. Именно оттуда доносился заунывный вой. За стеклом Маша разглядела серую кошачью морду.

– Ребят, там кошка!

Парни шли уже молча, не оборачиваясь. Мяуканье продолжалось – жалобное, просящее, обреченное. Дом, наконец, остался позади, вскоре все звуки слились в общий неразличимый гул. Теперь многоэтажки чередовались с рядами милых приземистых особнячков. Маша механически переставляла ноги, стараясь не отстать, словно сама была уже неспособна найти дорогу. Спустя несколько минут они вступили в церковную ограду.

– Может, надо что-то сделать?..

– Ты про что, про кота? – спросил Гешка, берясь за дверную ручку.

У свечного ящика была обычная утренняя суета. В храме шла исповедь. Приложившись к иконе, Маша пошла к концу очереди. Впереди нее уже успел встать Славик. Он читал молитвослов.

– Славик, слушай!

Тот оторвался от книги, вопросительно посмотрел на Машу.

– Да я про кота про этого. Может, можно что-то сделать?

– Сделать? А что можно сделать? Устроить демонстрацию?

– Ой, ну не смешно совсем. При чем тут демонстрация? Может... ну не знаю, попросить их, чтобы выпустили?

Славик уставился на нее.

– Выпустили? Ну ты даешь!.. Мне тоже не смешно. Я думаю, как-нибудь переживет... кот.

Он отвернулся. Сзади встал кто-то еще, люди протискивались рядом, чтобы подойти к иконам. Начали читать часы.

Маша повернулась, тихо пошла к выходу, но тут же остановилась у лестницы.

Секунду подумав, поднялась на клирос. Хор уже собрался. Регент Аня, черноволосая девушка в круглых очках, сосредоточенно перебирала ноты.

Выслушав Машу, она несколько мгновений внимательно смотрела на нее, потом решительно произнесла:

– Пойдем!

Улица почти проснулась, радовалась предстоящему тихому выходному, и ей, наверно, было непонятно, куда можно так бежать сломя голову, лавируя между прохожими, извиняясь, замедляя шаг, когда уже совсем не хватало сил...

Кот был на месте, и в звук его мяуканья, казалось, вплетались какие-то требовательные нотки. Аня, запыхавшись, подскочила к высокой двери и, чуть помедлив, нажала на звонок. Никакого эффекта. Она позвонила снова. Маша стояла чуть поодаль, глядя на Аню, с трудом переводя дыхание; она начинала жалеть о том, что пришли: глупо, бессмысленно, и служба теперь из-за них задержится...

Минуты через три наконец выглянул охранник – молодцеватый парень с короткой стрижкой. Проговорил недовольно:

– Чё звоните?

– Там кот орет, в подвале! – скороговоркой выпалила Аня.

– Не понял. Какой кот?.. – нахмурился охранник. – А, этот! – он махнул рукой. – Его хозяйева оставили на выходные. А чё, еда у него есть, место есть, не в клетке же он сидит... Да хоть бы и в клетке! – парень повернулся, чтобы уходить.

– Может, его все-таки выпустить? Он же ангельский образ! Плохо ему там, в подвале!

– Какой-какой образ? – обернулся охранник. – Вот уж кого, а ангелов я тут ни разу не встречал. Короче, девушки, – он с усмешкой оглядел Аню и Машу, – я бы, конечно, поболтал с вами... где-нибудь в другом месте, а сейчас – идите-ка отсюда. У нас тут одиночные пикеты запрещены. Вы меня поняли, да?

Тяжелая дверь медленно затворилась. Кот перестал выть и, прильнув к стеклу, серьезно, не мигая, смотрел на Машу, уже дрожавшую в ознобе.

– Не кричит, – прошептала она. – Наверно, поддержку почувствовал.

Аня усмехнулась, и Маша поразилась, какое бледное, уставшее у нее лицо.

Назад шли, не бежали – сил не было. Солнце приветливо выглядывало из-за старых низеньких крыш, и Маше вдруг стало легче дышать, и казалось, что вот только сейчас начинается новый день.

– Ань, спасибо тебе...

Аня несколько секунд шла молча, словно обдумывая ответ.

– Мой прадед был священником... Да, влетит мне за опоздание сегодня...

Они уже подходили к храму.

Иерей Сергей КРУГЛОВ

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Ездили купаться на местное озеро Пресное (в просторечии – Клоповка); четыре часа дурак провел под солнцем – обгорел страшно.

Но зато любовался репейником, вангоговским совершенно.

Однажды, в ту же самую многолетназаднюю пору, когда проживал Н. при соборе, решил он пошить себе новый подрясник. Все чин чином: прикупил пять метров ткани (всем известен поповский стандарт: на рясу – 7, на подрясник – 5), нашел швею. Ткань он заказал смесовую и «какую-нибудь терракотовую, а то что уж все черное да черное...». Оценка качества ткани (покупал он не сам, а духовные чада батюшке выбирали) и все примерки там же и происходили, в полуподвале, месте его проживания.

И вот настал заветный день! Вышел о. Н. в новом подряснике из полуподвала на свет Божий, чтоб пред нами, сослужителями, покрасоваться. Что и говорить, пошит подрясник был идеально, по фигуре, а фигура у о. Н. не то что у иных прочих попов, у того же меня, – спортивная. Однако свойство света Божия оказалось таково, что при нем цвет подрясника явился совершенно не таким, каким выглядел в подземной келлии. А как алые паруса воссиял на весь соборный двор, прямо хоть бы и Ассолей таким приманивать. И живо напомнил (время-то было какое) печальной известности «Богородичный центр» – сам гражданин Береславский и его присные щеголяли именно в таких алых облачениях... Под всеобщее милосердное молчание клира и причта соборного воздохнул о. Н., улез обратно в полуподвал, и там он подрясник безжалостно изрезал ножницами, а потом в помойку выкинул.

Но вспоминаем мы этот случай частенько.

Когда я впервые прочел Жития святых (в синаксариях), в описании мучений мучеников впечатлило меня, помнится, выражение «их строгали железами».

Представлялся такой длинный ржавый фуганок.

Или – такая штука, которой у нас выкапывают картошку и которая так и называется «копарулька». Самодельная, сваренная из трех тонких прутков...

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1 (LII) 2020. (Все примечания – ВС.)

«Мужчина в ремиссии» – звучит как название песни, типа «Вумен ин лав».

Чувствую себя в общем нормально, слава Богу.

Работоспособность повысилась, многое успеваю, сон стал лучше, и вообще – телесно.

Многие же иные вещи усохли, например острочувственные, и перестали так уж сильно интересоваться.

Однако при этом... словно плаваешь в Мертвом море, как пробка – по поверхности.

Впрочем, устал я от глубины... на какое-то время.

О тех, кого называют (условно) «мудрецами», в настоящем смысле:

Те, кто может сказать своими словами. Сказать все то, что содержится в много-томных построениях философов, только своими словами. Именно СВОИМИ – своей жизни, а не так, как есть такая, говорят, программа, вроде «Анти-антиплагиат» (хотя и последнее требует незаурядных способностей, конечно).

Еще раз о банальном: замени Христа в христианстве кем-то (одним, многими) – и христианство становится идеологией.

И тогда, по меткому примечанию Бориса Херсонского, призыв:

«Возьми крест свой и следуй за Мной» звучит как: «С вещами на выход».

Краткость – рано осиротевшая сестра таланта.

Внезапно задумался о символах государственных культов.

Есть Вечный огонь. Как могли бы выглядеть Вечная вода, Вечный воздух, Вечная земля?

– Скажите, эта дорога приведет к храму?

– Нет, эта дорога вымощена благими намерениями.

Всякое вспоминается, чаще всего – просто так, ни к селу ни к городу...

Много лет назад шло у нас в Спасском соборе венчание. Венчал я своего хорошего товарища одного. А невдалеке на скамеечке сидел еще один хороший товарищ, друг того первого товарища, и его жена, оба из адвентистов, и наблюдали они за процессом.

И жена ему говорит:

– Как хорошо... Эх, и нам бы повенчаться...

На что ее муж, на тот момент бывший в церкви адвентистов пастором, саркастически сказал:

– У нас на политинформации, что ли?

Часто слышится семя и овамо: «Вот, раньше-то в бане рожали, дак и дети были здоровее! А щас...»

Вот здесь написано, почему раньше рожали в бане:

«Правила о родовой нечистоте соблюдались в Древней Руси и пришли к нам из Византии. Рожала женщина обычно не в доме, а в бане – нечистом месте. Роды (не только человеческие, но и животных) способны были осквернить помещение, о чем говорят соответствующие молитвы в Потребнике. Осквернялась баба, принимавшая роды, и все помогавшие ей (присутствовавшие), – им читались священником очистительные молитвы. Послеродовые сорок дней в средневековье считалась нечистой не только женщина – нечистым был дом, где она пребывает, в этот период не принимали гостей, женщина не посещала храм (последнее правило сейчас исполняется в старообрядчестве; в новообрядчестве ныне кое-где практикуется послеродовое хождение в храм – роженица просто не прикасается ко святыне). Послеродовые очистительные молитвы (молитвы сорокового дня, содержащиеся в Требнике) в новообрядчестве сейчас обычно читаются священником матери после крестин младенца».

В общем, вполне себе ветхозаветные ритуальные вещи.

А не фитнес никакой.

Интересно, следуя этой логике, женщине 40 дней после родов и крест нельзя было на себе носить, да и молиться тоже?.. Думаю о том, что, видимо, примеров отношения к подобному вочеловечившегося Сына Божия, не гнушавшегося «нечистым» человеком, оказалось недостаточно... Человек для святыни – или святыня для человека? Хотя Христос вроде бы ясно высказался насчет субботы, этот вопрос все-таки остается важным и болезненным для новых и новых поколений христиан.

И еще про баню: современные любители бани, из тех, кто понимает благодать как «пива после парилки попить», любят такую расхожую мысль: «Ведь недаром на Руси-то было две святыни – Церковь да баня!», и этак с сериозом перст уставляют в потолок. Ну-ну, святыня... Встретился бы ты с банником, он бы тебе показал святыню... (За такие просветительские речи я, помнится, однажды в одной компании чуть не был побит ревнителем традиционных ценностей).

Страшная новость о священнике Дионисии Горовом, убившем свою жену, по-немногу перестала быть новостью, строчки ее заголовков исчезли из топов, и там уже возникли другие броские заголовки. Злоба дня сего явила многие другие события, река жизни нанесла на берег другие инфоповоды для горячих обсуждений в СМИ и в соцсетях. Вниз по ежедневной ленте Фейсбука уползли многочисленные посты, в которых было вопрошено и высказано, с сочувствием, ужасанием или злорадством, казалось бы, все, что можно было сказать на эту тему: перепосты с новостных порталов и с церковных сайтов, подробные изучения личной и служебной биографии убийцы, молитвенные воздыхания об убитой и призывы о сборе помощи осиротевшим детям. Были высказывания и обсуждения высказываний священников, психологов, журналистов и просто сетевых пользователей обо всем, что прямо или косвенно связано с темой: о кризисе семьи в целом и недавно громко обсуждаемом кризисе семей священнослужителей в частности, о том, как следует, и следует ли, реорганизовать правила приема в духовные семинарии и какие проверки на психическую вменяемость будущих пастырей надо бы применять, не

говоря уже о тоннах полу- и полностью безграмотной критики и попросту грязи, вылитых и на Церковь, и на всех ее служителей и прихожан, и на религию вообще...

Казалось бы, все позади, как говорится в одном романе, «кровь уже ушла в землю, и теперь на ней растут виноградные лозы» – не для тех, конечно, позади, кого непосредственно коснулось это страшное дело, не для убийцы, не для родных и близких убитой, а для нас, тех, кто узнал обо всем из новостей. Однако один из самых главных и болезненных вопросов, какой задают в подобных случаях, прозвучал не на интернет-форумах, а из уст одного моего знакомого. Он сказал примерно так: «Я не могу понять... Ведь он был – священник. Он был в сани, носил крест, он молился, он был служителем святого алтаря. Он этими руками много раз совершал Литургию и причащал людей Телом и Кровью Господними. Как же могло случиться – такое? Я сейчас не в моральном обывательском смысле, типа всплеснуть руками: «Да как же он мог!..», человек вообще способен на всякое. Но я про то, что вот все мы с первых шагов воцерковления свято веруем, мы читали, слышали, нас твердо научили, что святыня защищает от зла, защищают Таинства, обряды, молитвословие, крест, святая вода, икона. Ведь все это – Божье! А тут – и священника даже не защитили! И не просто же так он пошел в священники, и Господь допустил его до служения, ведь без Промысла Божия, одним хотеньем человека, такое важное дело не может свершиться? Мы читали его проповеди, которые сохранил интернет – они вполне православные, неужели он так искусно лицемерил в них? И если зло проникло даже в такое место, как алтарь Церкви, то на что надеяться нам, простым прихожанам, на какую защиту?».

Святыня сама по себе – гарантия ли она спасения и защиты человека от зла, как внешнего, так и того, которое гнездится внутри? Достаточно ли показать демону крест, икону, окропить его святой водой, очертить вокруг себя с молитвой меловой круг, чтобы демон исчез? Чтобы быть святым и праведным, достаточно ли быть в Церкви и окружить себя ее святынями, вплоть до Таинств и возможности самому совершать эти Таинства? Все эти вопросы сводятся, на мой взгляд, к одному, так или иначе звучащему и в Ветхом Завете, и в Новом: святыня для человека – или человек для святыни? Если человек для святыни – то святыню нужно держать подальше от человека как потенциального источника нечистоты, чтоб ненароком не осквернил ее, и вполне допустимо ради нее и принести смертного в жертву. Зато, если уж в силу особого призвания и дозволения, ты сам стал служителем святыни, таким жрецом, то автоматически становишься как бы уже не человеком, а высшим существом, посредником между сакральным и профанным, избавленным от влияния зла и неподсудным для профанов...

Но если святыня для человека – тогда все меняется кардинальным образом. Тогда настоящая святыня – сам человек, потому что Он есть возлюбленное дитя Божье, тогда святыня – отношения любви между Богом и человеком, и тогда Сам Бог, ради возлюбленных Своих, становится человеком среди них, идет ради них на труд, страдания и смерть, чтобы преобразить и воскресить всех, тогда мы, кто с великим изумлением и прозрением, кто с недоумением и ужасом, видим, как величайшая Святыня сама отдается в нечистые руки грешных профанов, как святое зерно само ложится в житейскую грязь, чтобы когда-то эта грязь преобразилась

в подножие Царства. Один из примеров отношения к святине показал Сам Спаситель во дни Своей земной жизни, показал в отношении к субботе, святине действительно великой.

К слову, некоторые современные православные считают соблюдение субботы просто иудейским календарным пережитком, считают, что субботу окончательно отменил для нас день воскресный, и вообще не понимают, из-за чего был весь этот сыр-бор. Таковым предлагается задуматься о том, что ни одна заповедь, в том числе субботняя, данная Самим Богом через пророка Моисея в числе десяти основных, дана людям не просто так, и внимательно изучить вопрос, узнав не обрядово-календарный, а глубинный смысл именно этой заповеди. Эти «субботние» случаи, о которых мы читаем в Евангелиях, были особенно скандальны в глазах фарисеев и храмовых служителей, адептов принципа «человек для святости», много раз хватившихся за камни при виде того, как Христос, нарушая принципы субботы, исцеляет больных именно в этот день.

Так все-таки, способна ли святиня быть защитой от зла, гарантия ли она такой защиты? Да, способна, мы знаем множество случаев, когда православные святости помогли людям в их болезнях, бедах, борьбе с собственным грехом. Гарантия ли? Нет, не гарантия. Сами по себе святости – подпорки, помощь человеку. Но они бесполезны, если нет ЧЕГО-ТО еще, самого главного... Мы, христиане, привычно называем это «верой». И часто вспоминаем в этом контексте случай, как Петр смог ходить по воде, когда Христос позвал его выйти из лодки. И ходил, но, как только вера его ослабела и он усомнился, то снова стал тонуть. «Не бойся, только веруй...».

Только вот смыслы, вкладываемые нами в это понятие «спасительной веры», часто бывают многообразны и размыты. Во ЧТО ИМЕННО следует верить, чтобы вера спасала, спрашивает человек религиозный. И сам же отвечает: в нашу веру православную! В догматы, каноны, Таинства, святости, молитвы и так далее. А выучив это все, присвоив все это себе, как часто человек делает следующий вывод: надо верить в правоту «нашей», то есть «своей» веры (то есть – верить в себя). Порочный круг самости замкнулся на себя, Христос куда-то неприметно исчез из него, враг злорадно потирает когти: еще один адепт ада готов к труду и обороне. Многие помнят слова Клайва Льюиса из книги «Размышление о псалмах»: «Из всех плохих людей хуже всего – плохие религиозные люди»...

Во ЧТО верить, чтобы святиня была в помощь? Ответ на этот вопрос нам примерно известен: не во ЧТО, а в КОГО. Точнее, КОМУ – Самому Христу. Отношения с Христом – тот стержень, выдерни который – и развалится вся наша церковность, как лично моя, так и общественная, и тогда никакие святости не спасут ни от чего, самого невообразимо подлого и страшного. Собственно, понимание этого есть во всей христианской культуре, вне зависимости от ее конфессиональности и исторически сложившихся традиций. Мировая литература и кинематограф исполнены ярких и омерзительных образов святош, сдающихся в борьбе со злом или самих творящих его и оправдывающих это постулатами своего вероучения, от Великого Инквизитора до пастора из «Фанни и Александра» Бергмана, от древних патериков, в которых грешники мучаются в адском пламени, но еще не сильно, а только по пояс, потому что стоят на главах нечестивых епископов, до священника из ро-

мана Стивена Кинга «Салимов удел», который вышел на битву против вампира с распятием, а вампир со смехом сломал распятие, как только вера священника поколебалась.

Верить Христу – то есть быть с Ним в глубоких личных отношениях, в доверии, любви и жить по Его заповедям. «Это общие слова, батюшка, это мы знаем, – скажет кто-то. – А чем конкретно определить, что ты не уклоняешься в сторону зла под лозунгом правоверия, как уклонился тот несчастный священник-убийца?».

Односложно на такой вопрос не ответить, жизнь сложна, из нее, как из песни, слова не выкинешь. Но один критерий я для себя лично всегда имею в виду – милосердие. Кто милосерден, тот точно недалек от Христа. Милосердие проявляется по-разному, то в виде холодного отрезвляющего душа, понуждающего помедлить добить упавшего врага, то в виде приступа отвращения от суеты, побуждающего махнуть на все рукой и забрать из милиции заявление на своего обидчика, то в виде кротости, удерживающей язык от хлесткого ответа на обидную издевку или оскорбление в твой адрес, то как способность сострадать самым ничтожным и безответным мира сего, то сопровождается жгучим стыдом, когда вдруг увидишь, что сотворил, поддавшись своим похотям, с близкими людьми... По-разному, важно узнать его, когда оно придет, и последовать его зову. Милосердие таинственно, как и все настоящее, подлинное, оно – и дар от Бога, и вместе с тем ответ на этот дар, возникающий из глубин нашего существа, глубин, часто неведомых нам самим до поры. Никакая святыня, то есть сан, церковная должность, крест или панагия на рясе, знание догматов и произнесение молитвословий, совершение своими руками Таинств, не помогут верующему удержаться от убийства ближнего, видимого или невидимого, если Христова милосердия в нем нет.

Простите за многословие и возможную невнятность – я вовсе не излагаю теологумен, просто делюсь собственными размышлениями. А вопрос, на мой взгляд, важный... Вопросы такой силы и глубины, как тот, которого мы здесь коснулись, – не праздные вопросы, они скорее крик к Богу, ведь со злом мы сталкиваемся в нашей земной жизни постоянно, в разных его видах. Такие вопросы о смысле добра и зла, о необъяснимости страдания, происходящего вокруг, о том, возможно ли спасение от него, и если да, то в чем оно, способны напрочь, как это сейчас говорится, порвать всяческие шаблоны привычной логики, что общежитейской, что религиозной. Пытаясь найти ответы на такие вопросы, одни люди теряют веру и в Бога и в людей и впадают в цинизм или беспросветное отчаяние. Другие, из церковных и заранее знающих готовые ответы на все, бросаются отстаивать «корпоративную этику» под видом защиты Бога, проповедуют сугубую спасительность и благодатность страданий (не ими самими, как правило, испытываемых) и доходят до того, что в их «апологии» Бог предстает жестоким идолом, требующим кровавых жертв и благословляющим войну, болезни и насилие. А третьи, наоборот, обретают веру и обретают Христа, но таким обретением, которое сравнимо только с рождением на свет новой жизни в тяжелейших родовых муках, смерти подобных.

Сегодня после ранней (по воскресеньям обычно служу раннюю) вдруг подумал: вот часто говорят, что священник такой-то после смерти служит теперь небесную

Литургию у Бога, а такого-то и такого-то, тех-то и тех-то, не вполне достойных – пустит ли Бог служить Литургию к Небесному Престолу?.. мол, неизвестно.

«Пустит ли Бог»... Думаю, не в этом дело.

А в том, что Литургия – это у нас, попов, в нашей земной поповской жизни, труд, служба и т.д.

А вообще-то Литургия – это чистая радость, «все причащаются, играют и поют».

И если кому непонятна, не нужна или даже (а так бывает) подозрительна или противна эта чистая радость, кто живет не ею, а другим – тот и сам не пойдет служить эту Литургию к небесному Престолу. Ну, не захочет он. Пойдет искать – другое, по себе.

А не Бог с детектором лжи и не ангелы у шлагбаума на КПП и вот это вот все.

Сейчас открываю ФБ, а сам думаю: какие же главные события происходят днесь в деле нашего спасения в преддверии парусии, а равно в нашей с вами исторической-политической современности в целом и в наступившей осени – в частности?

Реклама тут же рассказала, какие:

«Основное событие этой осени – петля ретроградной Венеры в знаке Скорпиона, и это глубокое погружение в венерианские темы».

Ахти. Уж не повесилась ли, болезная, в петле-то... с ретроградными оно порой случается.

О чем думалось в день Усекновения главы Иоанна Предтечи:

Христианство часто называют религией неудачников – те, кто (к какому бы вероисповеданию они себя ни причисляли) поклоняются богу Успеху, успешные в карьере, творчестве, бизнесе, ЗОЖе, религии (в ней особенно), да в чем угодно.

И, в общем, верно.

Вполне можно понять, например, праведный религиозный гнев Сына Звезды, Шимона Бар Кохбы, смешанный с презрением, когда он убивал христиан наряду с римлянами: полагавший себя истинным мессией не мог терпеть «ложного», сделавшего грандиозную заявку – и провалившего все дело неудачей, позором, смертью, подпавшего под проклятье «повешенных на древе»...

И в этой неудаче – в смерти – Иоанн тоже стал предтечей Иисуса.

Можно ли представить сего великого пламенного пророка, почитаемого всеми в Израиле – сомневающимся, слабым, непобедительным?.. Думаю, в какой-то момент – да: «Ты ли Мессия, или ждать нам другого? Правильно ли я понял Всевышнего, именно в Тебе увидев Крестьящего Духом и Огнем?..» – «Блажен, кто не соблазнится о Мне... Ты приготовил Мне путь среди живых – продолжай и сделай то же и среди мертвых. А Я – скоро приду и туда тоже...»

Неудача как миссия: принять ад, благословить Пославшего меня в ад, пройти ад до дна – и сквозь дно наружу, в жизнь, туда, где вся вавилонская башня падших иерархий переворачивается с ног на голову и рушится совсем.

Автокефалия, Константинополь, раскол на Украине, наш «ответ Чемберлену», все бурлит...

Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой (Мат. 5, 23–24).

Перед взаимной враждой и обидой тех, кто считает себя Христовыми – все прочее в Церкви становится второстепенным, все догматические и канонические вопросы. Христос не учил, как сохранять благодать Духа, действительность таинств, апостольское преемство и проч. в состоянии отделенности и вражды. Он говорит: отойди от Чаши, иди и примиришься. Комментарии к заповеди отключены.

– Но как, как?!

– Ты же враждуешь, не Я. Вот и думай – как. Только не очень долго думай, начинай делать: жизнь земная коротка.

– Но это невозможно!

– А ты начни делать невозможное, а Я помогу, и вместе – горы свернем! Впрочем, о чем Я говорю... ты и маленького-то возможного не только что не начал еще делать, но даже еще головой не лег в его сторону...

– Но кто из нас должен первым просить прощения?! Вот мы и выясняем, кто виноват!..

– ...И годы жизни и силы на это тратим, да? Первый должен просить прощения тот, кто первый вспомнил про заповедь. А кто правее, кто левее, кто первый начал, кто второй подхватил... говорю же, жизнь земная коротка, не трать ее на пустое.

Сегодня на службе, от Марка:

И приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона, и ученики Его, и немалая толпа, – сын Тимеев, Вартимей, слепой нищий, сидел у дороги.

И услышав, что это Иисус Назарянин, он начал кричать и говорить: Сын Давидов, Иисус! Помилуй меня!

И многие требовали от него, чтобы он замолчал, но тот еще больше кричал: Сын Давидов, помилуй меня!

И остановившись, Иисус сказал: позовите его. И зовут слепого, говоря ему: держай, вставай, зовет тебя.

Он же, сбросив верхнюю одежду, вскочил и подошел к Иисусу.

И Иисус в ответ сказал ему: что хочешь, чтобы Я тебе сделал?

Слепой же сказал Ему: Раввунни, чтобы я прозрел. И Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и последовал за Иисусом по дороге.

Упорно орал и орал. Услышал, что Сын Давидов, – и орал.

А на кого ему было надеяться? На каких там врачей?..

Вот и звал.

Ему рот затыкали, а он все равно.

Ему, например: «А с чего ты исповедуешь этого – Сыном Давидовым?! Какие ваши доказательства? Обоснуй богословски, от закона, пророков и св. отец! Да ты хоть грамотный вообще? Ты кто такой, орешь тут?» – и т.д. А он невзирая (слепой

же, взирать-то нечем. А гомона толпы уж наслушался за горемычную свою жизнь, умеет в толпе обитать и от нее дистанцироваться...).

Вот и мне примерно так же постоянно рот затыкают, едва стану Христа звать.

Не люди, что люди!..

Мои внутренние бесы, в основном.

«Да к кому ты там обращаешься?! Что, думаешь, поможет?! Ерунда это все!.. Сам же знаешь, чудес ждать нечего... да тебя никто и не слышит...» – ну, это просто маловерие. Оно обычно не очень усердствует – знает, что на подобной мякине меня не провести. Но оно все равно вступает, так, повякает немного для виду, чтоб формальность соблюсти: им там в аду за выход галочки ставят, ведут учет, а если филоняют – наказывают, там контроль будь здоров.

Голое маловерие – оно голое и есть, сил у него немного, оно знает, что я знаю, что Он – здесь и слышит меня. Тогда – другие вступают, посильнее и поопаснее... Это касается особо тяжелых для меня вещей – когда я сам виноват.

«Заткнись. Как ты смеешь, весь в таких грехах, глаза-то на Него поднять?! Мразь! Отползи вон в геенну и сдохни, честнее будет!»

Так порой и хочется сделать... Но все-таки нет, лучше буду упорно звать дальше. Пусть Он Сам то же самое мне скажет, а не вы.

«На исповеди был? И что? А мы – те же самые. А мы не делись. А мы опять. А мы не отстанем! Не отстанем. Не отстанем, неотстанемнеотста...» – как мухи, как жвачка с тротуара на подошве, как, помните, враг тупо изводил Рэнсома в «Переландре».

Наверное, иногда вера – это просто упрямство. Откуда оно берется – не знаю...

– Ты же Бог. За что же Ты просишь прощения у человека?

– Не «за что». А «потому что». Потому что он на Меня обижается.

– Но ведь это он, он неправ!

– И что?

– Но как, как Бог, в котором нет никакого греха, может просить прощения?! не понимаю.

– Умереть же смог... Смогу и это.

Одно из базовых священноигрищ в наших храмах – манипуляции со свечами.

«Смотреть на службе за свечами» – одна из маленьких синекур. «Благословите, батюшка!..» – «Нет! меня раньше благословили! а ты – стой и молись!» («Смотреть за свечами» в данном контексте означает: «трудиться во славу Божию»; «стоять и молиться» – наказание бездействием).

Вечная дуэль: приходящие ставят свечи и стоят близ, ревниво стерегут, чтоб догорели непременно до конца, уборщицы – норовят побыстрее убрать недогоревшее, ввергнуть огарки в кладязь бездны и намазать подсвечники маслом; стычки, шум, истерика; эта дуэль бесконечна, как прилив и отлив океана.

Когда я думаю об отрочестве, неизменно вспоминаю стихотворение поэта Михаила Яснова:

Рембо в двенадцать лет. Рисунок Берришона.
Верлен в тринадцать лет. Дагерротип Тилье.
Они еще глядят по-детски отрешенно.
Они еще в семье. Они еще в тепле.

Что в детстве кроется, что в юности таится,
мы можем подсказать и знаем наперед.
И только отрочество – тайная страница,
где все замарано, и оторопь берет.

Один вонзился в нас тяжелым детским взглядом.
Другой, наряженный, уставился за край
бумажного листа... И все, что станет адом,
еще лежит у ног и ластится, как рай.

Тоска по ушедшему, желание вернуться в юность – известный человеческий тренд. Однако подростковый возраст – мучительное время, когда ребенок еще ничего не понимает в жизни, только бурно чувствует, и страсти жестоко треплют его... Подросток – человек, очень часто болезненно бунтующий против мира, но и не умеющий пока перерасти мир, выстроить прочное позитивное свое, тяготящийся собой и пытающийся во что бы то ни стало подражать тому же самому миру (знаменитая «стадность»), конформно стать в нем – своим; подросток не знает компромиссов, он способен остро сострадать, то есть впечатляться увиденной чужой болью как своей собственной, но не умеет при этом выйти из себя и брать эту чужую боль на себя, не умеет быть подлинно милосердным, не умеет прощать. Пожилой бывалый зэк скажет, что самые жестокие нравы бывают на зоне-малолетке; «Повелитель мух» Голдинга остается и великой духовной притчей на эту тему, и точным психологическим наблюдением.

Отрочество – состояние, когда ребенок только начинает выныривать из аморфного бульона детства, этого, скажем так, подобия вечности, подобия в карикатурном смысле, в смысле знаменитого неделения детства на время (всем нам знакомо ощущение, что день в детстве длился от рассвета до заката неимоверно долго и включал в себя ощущения и события, которыми во взрослом возрасте можно заполнить полжизни); попытками взрослого человека нырнуть в этот бульон полна мировая литература – в поисках утраченного времени он пытается достичь глубины снова и снова, но всякий раз Мертвое море выталкивает ныряльщика наружу, и его тельце качается на поверхности, как жалкая пробка.

Вместе с тем, отрочество – чудесное время, потому что мозги, нервы, плоть еще неизношены, свежи, и так же свежи, яркие, объемны ощущения, как прекрасные, так и ужасные. Чистый беспримесный ужас, когда в детстве, в яркий летний полдень, я увидел кровавые, в запекшихся сгустках и знойных мухах, бинты в помойке возле деревянного деревенского морга, больше не повторялся никогда, хотя в жизни мне приходилось видеть немало страдания, смерти и тлена; помню, этот ужас озарил меня мощным внесловесным прозрением о бессмертии, нечто подобное я позже вычитал в бодлеровской «Падали». Мое детство и отрочество прошли в Сибири, на Ангаре, в селе Богучаны. Подростком я часто залезал на крышу на-

шего гаража, садился там и смотрел вдаль; село Богучаны тянется вдоль берега Ангары с востока на запад, с севера же на юг – поднимается от реки в гору, наш дом был крайним, за нашим огородом была лесовозная дорога, сопка и тайга; с крыши гаража я смотрел сверху вниз на село и реку, на тот берег, на небо за ним, в ясные летние дни видел там «будущее», яркое и полное смысла, в которое непременно уйду отсюда, прозревал дальние страны и дальнюю неведомую родину (большая часть жизни прошла, прежде чем я понял, что на земле этой родины не найти), а в густые, лилового стекла, августовские ночи в небе, совсем низко над головой, стояли огромные, в кулак, мохнатые звезды, и таких звезд и такого пряного таежного аромата (если шел дождь, к аромату хвои примешивалась терпкая нота прелого малинника в палисаднике, мокрой глинистой земли и мокрого дерева досок, настланных во дворе) я больше никогда и нигде не встречал.

Не встречал, конечно, не потому, что окружающий мир так уж оскудел, а потому, что оскудел и утратил «буйство глаз и половодье чувств» я сам; было время, я тосковал по утраченному, сейчас я благодарен Богу за эту утрату.

Каким я был подростком? Нелепый мечтатель большого телесного размера, не любивший уроки физкультуры и не умеющий ухаживать за девушками. Слова «ботан» в нашем школьном обиходе тогда, в конце 70-х – начале 80-х, еще не было; впрочем, ботаном я тоже, в общем, не был: ботан обычно отличник, а я был средний ударник с уклоном в пятерки по истории и литературе и в тройки по точным предметам (помню, на выпускных экзаменах я спалился со шпорой по ненавистной химии – не хватило соображения списать по-человечески; для матери, главы семьи, это был позор и конец света, мне же было, конечно, неприятно, но, в общем, наплевать).

Внешне я не слыл социопатом – посещал, как и все, школьные дискотеки, имел немало приятелей (настоящий друг у меня был, в общем, один, родом не из этой среды, он умер несколько лет назад), был остр на язык, развлекал одноклассников на уроках пускаемыми по партам рисунками, учителя прочили мне некое блестящее гуманитарное будущее, тем более что семья моя была, так сказать, из высших слоев богучанского общества: мама и отчим – уважаемые люди, мама – врач в ЦРБ, позже – заслуженный врач РФ, отчим – дорожник, строитель дорог и ледовых переправ по «зимнику» через Ангару, таежник, рыбак-охотник. Но жил я в своем мире, возводить который не вполне осознанно начал в раннем детстве, входные ворота в стене, окружающей этот мир, были, я не был аутистом, но указателей на вход я нигде не расставлял, стук в эти ворота раздавался достаточно редко, и я нисколько от этого не страдал.

Подростковый бунт? Нет, внешне я был неконфликтен, послушен и лоялен, и свое сопротивление всегда вел потаенно, очень хитро и исподтишка. Если оперировать штампами, бытующими с легкой руки попсовой психологии, я был не революционером, но внутренним эмигрантом: туки-та, я в домике, никто меня не видит. С самого раннего детства я чувствовал свою коренную непринадлежность семье, хотя любил и люблю их всех; особенно – непринадлежность мейнстримовой светской религии «не хуже, чем у людей».

Ближе всех я был с моей бабушкой, она воспитывала меня, пока все работали

(детский сад я посещал однажды в жизни в течение месяца); она умерла, когда мне было уже за двадцать. Фундамент и стены моего мира были построены в основном из книг, читать я научился в четыре года и читал совершенно бессистемно и жадно, много – все подряд, что можно было достать во времена тотального книжного дефицита. Другие проявления культуры в ангарском леспромхозе доступны почти не были; были, конечно, кино в местном клубе, телевизор (постоянно ломающийся, черно-белый) с двумя программами; музыка мне нравилась, но никакой «среды» в музыкальном отношении тоже не было, скажем, ту же классику рока, как нашего, так и зарубежного, как и классику классики, я узнал моментально и сразу в более взрослом возрасте.

Ах да, был еще опыт сцены – народный самодеятельный театр при ДК, куда меня затащил одноклассник, там я сыграл кого-то в пьесе Розова «В добрый час» и то ли Добчинского, то ли Бобчинского в «Ревизоре», но интроверту на сцене было не по себе, да и актерским талантом я не обладал; в зрелом возрасте мне, по обстоятельствам жизни, приходилось работать в театре – монтировщиком, бутафором, но, в общем, к этому виду искусства я до сих пор совершенно равнодушен. Так что – книги, книги и книги (и ранние опыты писательства, не прекращающиеся и поднесь).

К слову сказать, запойное чтение не в меньшей степени может вызывать измененное состояние сознания и исказить картину мира, чем пресловутая «компьютерная зависимость», так что причитаниям многих нынешних родителей: «Ах, он зависает в видеоиграх, никак не можем приучить читать! Ах, чтение – панацея от всех бед!» я нимало не сочувствую. Тем более, считаю глупостью и недомыслием павлинью гордыню моих сверстников: вот, мол, во времена СССР мы были самой читающей страной в мире!.. Естественно, читающей, ведь интернета-то не было, как не было и пятисот каналов с сериалами по телевизору; вообще не уверен, что «святая русская литература», как ее назвал Манн, и запойное чтение так уж кардинально спасли от чего-то ужасного поколения советских людей, или сделали нас в чем-то лучше прочих...

В 16 лет я окончил школу, уехал из отрочества и из родительского дома и никогда туда не возвращался, ни реально, ни виртуально (как возвращаются многие, например, в виде посещения пресловутых «Одноклассников»). В конце концов, тот внешний мир, родительский-школьный, который так или иначе пытается подчинить себе подростка, есть не менее нереальный мир, чем страна его собственных уединенных фантазий, чем его убежище, подобное тому, в котором рос я.

Но есть мир – реальный, и в нем живут живые люди, среди них и те самые твои родители, и все те люди, которые, прекрасным или ужасным образом, были в твоей подростковой жизни. Обрести этот реальный мир без Христа – невозможно. Без Того, Кто и в твою отроческую «страну чудес» всегда проходил свободно, *дверем затворенным*, и был там с тобой всегда. Каким образом? Не знаю, меня, подростка из совершенно атеистической советской среды, никто никогда не спрашивал о моем кредо, в том числе и я сам себя. Сейчас-то я мог бы многое об этом сказать, после того, как в 30 лет крестился и вот уже 20 лет служу священником. Мог бы, но вряд ли стоит: это скажу уже я нынешний, на шестом десятке лет, тот, кто только сейчас

хоть немного стал что-то понимать в этой жизни. Тот подросток – уже ничего путного не скажет. Так что повторю еще раз: стать им снова я бы не хотел ни за какие коврижки; только не поймите моих слов в том смысле, что дескать я его осуждаю, презираю, и в таком роде, вовсе нет! И уж тем более – что я бы хотел переделать прошлое, а тем паче – что я не благодарен Богу за него. В конце концов, тот подросток ведь никуда не делся: он – это я, и точнее тут не скажешь.

Где-то в ленте прочел опечатку, в посте о церковных делах: «предстоятель – всего лишь первый среди рваных...»

Дурацкая, конечно, опечатка.

Но что-то глубоко евангельское, согласитесь, в ней есть.

Как с чувством приговаривал один мой знакомый баянист, настраиваясь поиграть от души: «Гуляй, рванина, от рубля и выше!..»

Прихожане недавно были прямо в аффекте, рассказывая:

– Батюшка! Утром во время службы какой-то мужчина в храм зашел! А сам в шапке! И стал подпевать хору! А сам шапку не снимает! И потом стал на все иконы пальцем показывать! А ему сделали замечание, что он в шапке! А он и говорит: «Да я и сам люцифер! Ха-ха-ха!!». Батюшка, это что, последние времена?! Это ведь сатанинское знамение! На фоне всего того ужасного, что в мире творится! Что же нам теперь делать?! И, главное, в шапке, в шапке, главное!

– Может, говорю, оно и неплохо, что в шапке. Что не снял шапку. Если он люцифер, то под шапкой у него рога; а раз не снял, постеснялся рога показывать – значит, осталось еще в нем что-то человеческое, значит, еще, может, и не конец всему.

На этом как-то и успокоились.

Вы не поверите, но православная страшная тема про ритуальную нечистоту собак жива-живехонька, прямо как тема про платочки.

Недавно (где? у кого?.. не помню) краем глаза прочел высказывание какого-то православного священнослужителя (как бы не архиерея... не помню опять же), смысл его примерно такой: кошки еще ничего, а вот собаки – точно нечистые, потому что уестествляются у всех на виду на проезжей части.

По-моему, людям тоже давно пора воспретить вход в храмы, уж они-то превзошли по изощренности уестествления на проезжих частях и прочей нечистоте как собак, так и вообще всю вселенную и живущих в ней.

Слово – серебро, молчание – золото... Сложно нам, старикам, с архаической системой ценностей в мире криптовалют!..

Деление изящной словесности на «поэзию» и «прозу» представляется мне, в конечном счете, примерно тем же, что и деление единого человека на «душу» и «тело» – инструментальной условностью падшего мира.

Когда читаю «Церковь не оправдала выданный ей кредит доверия», представляю человека, под утро разбуженного смс-кой: «Поздравляем! Вы стали обладате-

лем нашего КРЕДИТА ДОВЕРИЯ! Заберите ваш приз – всего 10 номеров участвуют в эксклюзивном розыгрыше! Для участия в розыгрыше вы должны...» и проч.

Печально только, когда в потугах «не потерять лицо» человек начинает все-речь всем этим заморачиваться, суетиться, оправдываться, отвечать и тем самым вступает в навязанные ему игрища... Нормальный человек – попросту выключит телефон, повернется на другой бок и станет спать по-старому, как мать поставила.

Непростое дело – воцерковление... Заскорузлое слово, а смысл – самый жизненный: вот каким-то образом расслышал человек голос Христов, покрестился, вошел в Церковь... Многие, бывает, сразу разворачиваются и уходят, потому что им на первой же исповеди безапелляционно говорят: у тебя то-то и то-то не так, в жизни, в семье, надо срочно коренным образом менять то и это, иначе ко причастию нельзя, и вообще... Ах, так я все еще унтерменш?!* – обижается человек и уходит.

Это, конечно, крайность, так нельзя. Как один батюшка говорил: «Жизнь во Христе – не норма по трудовням. Ребенок только на свет народился, а ты ему сразу: пятилетку за три года!..».

Есть и другая крайность, как писал о ней Шарль Пеги** : человек, который «заранее извиняется за своего Бога в гостиных».

Искать середину, избегая крайностей? Или как?..

В каждом конкретном случае – только конкретно и неповторимо получается...

Думая о событии Сретения:

Во Христе человечество призвано молодеть (в хорошем смысле), из-жить грех и смерть...

Старый Адам – начал прямо со старости, ветхости и предсмертия; новый Адам, Младенец-Христос, ведет в новое младенчество и рождение.

* Недочеловек (нем.).

** Шарль Пеги (Régis; 1873–1914) – французский поэт, драматург, публицист.

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

На вопросы ВС отвечает поэт и прозаик Николай БАЙТОВ

– *«Когда в 1986 году, после двенадцатилетнего совершенного уныния, я вдруг поступил в церковные сторожа...». Это из вашего рассказа «Ангел-Вор». А как это произошло у вас, автора? Так же? Когда возникла Церковь, когда возникли стихи на христианские темы? Где-то я встречал упоминание, что ваши родители были верующими...*

– Да, родители были верующими. И дедушка с бабушкой. Вся семья имела корни в глубоком православном подполье 20-х – 30-х годов. Но папа с мамой занимались точными науками. Мама кончала мехмат, папа физфак. И они «плохо», то есть довольно скептически относились к литературе. Опускали меня в моих языково-поэтических увлечениях. Вообще не считали меня «серьезным» человеком. Это моя детская травма. Я думаю, что стихи на религиозные темы я начал писать, чтобы им как-то понравиться. Много писал в юности. Это не помогло. Они так и не стали относиться всерьез к моим литературным занятиям... Хотя мама хранила какие-то мои рукописные сборники с религиозными стихами. Но что она думала о них на самом деле, я не знаю.

– *В восьмидесятые вы были сторожем в храме Святителя Николая в Кузнецках... Это было, когда там еще служил протоиерей Всеволод Шпиллер?* Это ведь был очень важный, если так можно сказать, приход для воцерковленной московской интеллигенции.*

– Ходил в Николо-Кузнецы еще в 70-х, когда там был Шпиллер. Я записывал его проповеди на магнитофон. Но сторожем я стал гораздо позже – в 87-м, когда там прихожане, последователи о. Всеволода, устроили «революцию» – распустили ста-

* Всеволод Дмитриевич Шпиллер (1902–1984) – священник Болгарской Православной Церкви (1934–1950), с февраля 1950 года – Русской Православной Церкви; известный проповедник.

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

рую «двадцатку» и создали свою. А меня туда призвали, чтобы эту «революцию» поддержать, так как они при этом уволили всех старых сторожей и уборщиц.

– Вы многие годы работали церковным сторожем; насколько понимаю, в разных храмах. Наверное, и какие-то важные для вас тексты тоже были написаны в церковных сторожках?..

– После Николо-Кузнецов я работал еще – недолго – в Николе в Клённиках, церкви, где когда-то служили о. Алексей Мечёв и его сын о. Сергей. И потом, гораздо позже, в 2000-х, я работал в церкви села Быково. Всюду эта работа была необыкновенно поучительна и плодотворна для меня. Что конкретно там написано, я не помню. Писал я больше дома. Но вот повесть «Всё, что сказал духовник» – это, конечно, по материалам Николо-Кузнецов. А рассказы «Татьяна» и «Сошествие во ад» – по Быкову... А в Клённиках был такой случай. Там в церковном доме была комната для гостей, и однажды туда поселили некую очень почитаемую старушку, приехавшую откуда-то. Это была одна из трех дочерей о. Сергия Мечёва. И вот как-то раз за трапезой эта старушка спрашивает меня: «Как твоя фамилия?» – «Гоманьков»*. – «Ага. Значит, ты сын Володи Гоманькова, который женился на Наташе Квитко, которая дочка Михаила Николаевича и Лидии Алексеевны...». Мгновенно, как компьютер, все вычислила. Но ничего про них не спросила. (Мамы, дедушки и бабушки уже не было в живых в то время, один папа)...

Гораздо больше, чем сторожение, на меня повлияли реставрационные работы. Начиная с 80-го года, лет пять я был в бригаде художников, которые занимались ремонтом церквей. Был я там, конечно, на подсобных ролях. Но этот опыт сильно повлиял на мою последующую жизнь. Он вошел в резонанс с некоторыми мотивами моего подсознания. Дело в том, что мне на протяжении жизни снится один и тот же сон (редко, но регулярно – каждые два-три года): будто я нахожусь в храме и там вдруг начинает происходить что-то странное, неприличное, несовместное с богослужебным порядком и обстановкой. Ремонты церквей в какой-то степени этот мой сон «актуализировали», что ли. Наверное, я и писать стал по-другому, выведя на поверхность «шаблонированность» своего видения (по крайней мере, какую-то его часть) и разломав его.

– Вопрос, который вам, возможно, уже не раз задавали. Вы ведете достаточно активную литературную жизнь – уже с 80-х. Выступаете организатором многочисленных литературных акций, перформансов. Как это внутренне сочетается с христианской темой в ваших стихах и прозе?.. Противоречит? Дополняет? Подписывает одно другое?

– Дело в том, что, по моему убеждению, так называемое «церковное искусство» акционно и перформативно по своей сути. Богослужение, литургия – это коллективная акция, составные части которой – музыка, живопись, тексты, драматургию – нельзя рассматривать обособленно (то есть, можно, конечно, но при

* «Байтов» – псевдоним писателя.

этом теряется почти весь их художественный смысл). Мне всегда не нравится, когда об иконах, например, начинают рассуждать как о чисто живописных объектах вне их литургической функции. Это ложный путь их осмысления – не только с этической, но и с искусствоведческой точки зрения, так мне думается... Что до моих художественных практик, то, наверное, это попытки внести литургический компонент в литературу, сделать ее совместным действием *любящих друг друга*. Так действовать – гораздо сложнее, чем просто писать. Тут много непонятного, много неудач, много и таких результатов, про которые непонятно даже, удачи они или неудачи.

– *Как-то вы написали о писательской гордыне: «Все это не сейчас возникло, а очень давно, может быть, с романтиков или даже раньше. Так сказать, “художник – и толпа”. Художник каким-то образом вынес себя за пределы “коллективного тела” и глядит на него как бы сверху». А какой, на ваш взгляд, должна быть позиция поэта, свободная от гордыни? Внутри «коллективного тела»?*

– Этот вопрос потребует больших объяснений, потому что он затрагивает само назначение поэта – да и назначение человека вообще – в этом мире. Я думаю, что назначение человека – это наблюдать и осмыслять творение Божие. Потому что без присутствия человеческого сознания творение оказывается неполным: оно начинает «*вполне быть*» только будучи зафиксированным и осмысленным кем-то, а до того оно существует только в возможностях и вероятностях. (Между прочим, это один из результатов квантовой механики – наиболее парадоксальный, но физики до сих пор ничего не могут с ним поделаться). Таким образом, получается, что человек призван Богом как бы в «со-творцы»... Но, допустим, Адам и Ева в раю просто смотрели бы по сторонам (или ходили бы с фотоаппаратами и все фотографировали). Так нет же – Бог повелел им давать имена всему, что они видят. А это значит – создавать второе, параллельное, «зеркальное» творение: символическую картину мира.

В этом рассуждении получается, что «символическое» и «осмысленное» – синонимы, но это еще вопрос, загадка, которую я не готов пока разрешить... Для нас осмысление происходит по типологическому принципу: «осмыслить» предмет – это значит найти его место в некоторой иерархии типов. Так же устроен и язык, наш символьный инструмент: «дуб – дерево, роза – цветок, воробей – птица, Россия – наше отечество», электрон, нейтрон, фотон – элементарные частицы, свет – поток фотонов, вместе с тем, свет – это колебания электромагнитного поля...

Что же делает поэт? – Он, безусловно, продолжает создавать картину мира: своими силами уточняет то, что сделано до него всем множеством людей с помощью языка и языков. Он кое в чем ломает типологию, заложенную в язык на текущем его этапе, но при этом подправляет ее и оставляет подправленную. Чем он лучше, чем он «иной», нежели физик или биолог? В чем его особое «призвание» по сравнению с другими людьми? И из кого состоит «толпа», которой он себя противопоставляет? Из Ньютона, Дарвина, Эйнштейна, Бора, Хайдеггера, Тейяра де Шардена, – так, что ли?

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

Скажут, что поэт отличается от тех, кто пользуется языком не думая, не критически. Но ведь большинство поэтов тоже так делают: их устраивает готовый язык, они на нем могут сказать вполне достаточно для себя... Или мы отличаемся от тех, кто просто ходит и смотрит (фотографирует) – «бессмысленно», а мы еще при этом даем имена увиденному (якобы «осмысленно»? – Тоже не знаю, не чувствую, непонятно...

Я никогда не чувствовал «избранности» пути литератора и несколько раз в жизни порывался покинуть этот путь: то священником хотел стать, то школьным учителем истории. Но Бог всякий раз возвращал меня и давал понять (иногда довольно жестко), что я «предназначен» *только* для литературных занятий. Дважды я получал отчетливые «толчки» свыше. Это, конечно, мало для целой жизни, но все-таки это было весьма знаменательно. Верней, первый толчок был «снизу»: меня пытались запугать, когда я писал поэму «Пасха в декабре». Но я истолковал это «от противного» и понял (несомненно, с Божьей помощью), что я делаю именно то, что нужно. Второй же толчок – несколько лет назад – был, казалось бы, по довольно незначительному поводу. Я даже для иллюстрации приведу сейчас это стихотворение (благо, оно маленькое):

За песчаной косой облаков белизна
отразилась, скользнула по дну.
А в протоке раскачивается стрекоза
на тростинке, проткнувшей волну.
В струях искры текут: полдень воду кует.
Кóе-кóе под случай иной
окунь мордой блесну ковыльнет и уйдет,
помелькнув полосатой спиной.

И тут я с удивлением услышал – не голос, не слова – а какой-то нахлынувший выдох «тихого ветра», имевший при том конкретное значение: «*Ну вот! Наконец-то ты что-то понял!*». Я, конечно, ободрился и возрадовался, только я так и не понял, что именно я «понял»...

– *Сейчас задам длинный вопрос... Известный исследователь андерграундной религиозной поэзии 60-х – 80-х годов Борис Колымагин делит поэтов, писавших тогда на духовные темы, на три группы – по тому, какое место занимает их лирический герой по отношению к Церкви. «В первую группу входят ортодоксальные авторы, которым, пускай хотя бы и отчасти, удастся воцерковить своего героя, сделать его практикующим христианином» (Кублановский, Стратоновский, Игнатова...). «Во вторую группу входят авторы, чьи лирические персонажи находятся вне церковной ограды» (Айги, Холин, Ахметьев...) Вас он, вместе с Бродским, Седаковой, Кривулиным относит к третьей группе: поэты, «герои которых то заходят в храм, то покидают его». А вы что думаете об этом делении и о вашем месте в нем?*

– Ну вот, это еще одна типология, с помощью которой легче осмыслять и описывать предмет. (Не «легче», а она-то именно и предлагает себя как описание). Я

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

не совсем вижу, что́ это описание может прояснить по существу. Но внутри него Колымагин, безусловно, прав: куда ж еще меня отнести как не к третьему типу?

– *Насколько верно, что в конце 70-х – 80-е годы у вас было гораздо больше стихотворений на духовную тему, а потом это как-то отошло на второй план? И если да, то чем это было вызвано? Тем, что это перешло в прозу – в частности, в ваш замечательный сборник рассказов «Ангел-Вор»?**

– Да, это верно. Религиозная и церковная тематика убывает с годами в стихах. В прозе еще как-то держится... Но ведь убывает и вообще количество того, что я пишу. Это связано, наверное, с растущим недоверием к языку как инструменту лирического высказывания. Начинает казаться, что все или почти все, что не относится к прямой коммуникации, звучит фальшиво, много мусора – и кругом, и в моем собственном письме. Как писал Н.А. Некрасов, «*немота перед кончиною подobaет христианину*».

– *Возвращаясь к тому, «раннему» Байтову... Тогда, в конце 70-х – начале 80-х, вы создали и две крупные вещи – написанную в форме акафиста поэму «Мария Египетская» и поэму «Обновленцы». Как они возникли? Откуда возникла «обновленческая» тема, в те годы уже вроде бы забытая, «неактуальная»...*

– В семидесятые годы я посещал одного протоиерея – Николая Павловича Иванова**. Он меня кое-чему учил. Он сумел меня необыкновенно заинтересовать историей Церкви, особенно историей русской Церкви XX века. Давал мне читать великолепные книги, которые в то время достать было негде. Например, труд Левитина и Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты» – про обновленческий раскол. Собственно говоря, Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин своим могучим даром очевидца и рассказчика меня и вдохновил: очень захотелось этому накаленному драматизму придать поэтическую форму (не шекспировскую, конечно, а более подходящую нашему времени)... Еще, кроме этой книги, на меня большое впечатление произвела диссертация Иоанна Снычова (тогда епископа) – «Оппозиции Митрополиту Сергию», написанная по материалам огромного (легендарного) архива архиепископа Мануила Лемешевского. Но о «непоминающих»*** я писал более отрывочно, чем об обновленцах, и в основном в прозе (например, есть коллажная повесть «Антифоны» в моей прозаической книге «Прошлое в умозрениях и документах»).

* Отклик на него в нашем журнале см.: Муратханов В. Между словом и реальностью. О книге Николая Байтова «Ангел-Вор: Повесть и рассказы» (М.: Эксмо, 2013) // ВС. 2013. № 2 (30).

** Николай Павлович Иванов (1907–1991) – протоиерей, кандидат богословия. 1950–1956 – преподаватель Саратовской Духовной семинарии. 1956–1966 – сотрудник Журнала Московской Патриархии. После выхода на пенсию в 1966 году занимался богословием, писал книги по библеистике, истории Церкви.

*** «Непоминающие» – именование российских православных священнослужителей Патриаршей Церкви (а также верующих мирян), не принявших компромиссов с большевистским режимом, на которые пошел митрополит Сергей (Страгородский) в 1927 году, и отказывавшихся помянуть его имя за богослужением.

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

– У поэта, пишущего то, что можно назвать «духовной лирикой», есть, как правило, какие-то свои, наиболее близкие ему тексты из Священного Писания... А у вас?

– У меня любимый – 136-й псалом. «На реках вавилонских». Он поется в Неделю о блудном сыне и Великим постом. Он поразил меня еще в детстве. Я слушал его в церкви и каждый раз содрогался. – Мы пленники в этом мире, наша родина не здесь (а нас заставляют петь)... Несколько раз в жизни я обращался к этому псалму и писал по нему стихотворение. Одно только из этих стихотворений осталось. Но я знаю, что и других поэтов этот псалом вдохновлял. Генриха Сапгира, например...

– Лет пять назад в одном интервью вы сказали: «...Обычная приходская жизнь мне интересна по-прежнему, и я иногда о ней пишу. Мне кажется, появилось что-то новое в экзистенциальном самочувствии современных православных, – я это пытаюсь выявить и прояснить». Что это за новое – можно как-то сформулировать? Или это будет сделано (или уже сделано) в ваших новых стихах, рассказах?

– «Царство Мое не от мира сего». – Мне кажется, это хорошо чувствовали и ясно сознавали верующие в советские годы. Они были принципиально *иными* в этом мире, жили и действовали не так, как здесь принято, и это было очень важно для них в экзистенциальном плане. Сейчас это чувство быстро исчезает. Мир и Царство Божие перемешиваются, нет той отчетливой границы, мембраны, которую создавала советская идеология. (А Церковь со своей стороны мембраны не создает, даже напротив – сама устремляется в смешение с «миром сим»). И христиане несколько обескуражены. Они находятся в «спутанном состоянии», как сказал бы физик. То есть, «куда мир – туда и мы», хотя на самом деле находимся по другую сторону галактики и знаем это (хотя бы из Евангелия)... Нет, об этом рассказов и стихов я не писал. Вот здесь прямым текстом высказал. А для рассказа необходима модель, то есть конкретная комбинация положений, которой у меня нет пока.

* * *

Сквозь арку, где царские были врата,
в рассеянности захожу я в алтарь.
Я вижу крапиву на месте престола,
репейник над кучей кирпичного сора
и пыльное небо в проломе стены.

И вихрем вдруг мысли мои взметены:
не снится ли мне? Что со мной? Неужели
я тоже участник сего разрушенья, –
когда я и страх забываю, и стыд
и дерзко вступаю в святая святых?..

Да кто я такой? Не похож ли я сам
на этот несчастный, поруганный храм?
А в сердце моем, где быть должно престолу, –
крапивой поросшее место пустое,
и вот, самозванная, – вместо Христа –
рассеянно входит туда суета...

1977

* * *

Напустилась хромая на детей;
потекли, как звезды, слезы из глаз.
– Вас, бесчувственных, довольных тетерь,
вас красивеньких, здоровеньких вас
всех избить бы да ножки поломать,
изувечить ради тихой души, –
чтоб не прыгали по церкви, глумясь,
чтобы батюшка, как ангел, служил.

Умилялись бы старухи на вас:
«помяни, мол, ваши слезки Господь», –
чем вот эдак вкривь и вкось, в грех и в пляс
ходит свежая да буйная плоть.

Скачут дети вокруг короткой ноги,
над калекой измываются всласть:
– Ведьма старая, сперва догони
да попробуй у Христа нас отнять!
Он поставил наш шальной хоровод
в оцепление у райских дверей.
А тебя огонь геенский пожрёт
ради зависти вонючей твоей!

1981

* * *

Вот и справил я праздник среди московских развалин. –
Рыба, хлеб и вино на кухонном столе в полночь.
Праздник чужой. Но, Господи, благослови сих малых,
кто по углам в одиночестве тоже вкушает скромно.

Видел ли он фейерверк из окна притихшей больницы,
или на улице с руганью пьяной гурьбой осмеян, –
но его трапеза, сказано, «как вечный полдень, длится»
в полночь под тусклой лампочкой, и пусть он будет спокоен.

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

Пуст стол – только стакан и салфетка.
Только развал близких, сбравшихся в круг привычный.
Вместо круга пунктир: больничный, тюремный, редкий,
и я с заботой один, как дальний приезжий.

Плачут во сне, по углам, храня на меня обиды,
вздрагивают... но успокаиваются, и Ты, Господи, с ними –
всех рассадил на траве, – и хлебы и рыбы
двинулись по рядам, преломляясь и полня корзины.

ноябрь 1983

ПАРАФРАЗ 136 ПСАЛМА («На реках вавилонских»)

В сумерках видим:
на вербах висят органы.
Ветер дикий,
не глядя, листает струны.
Сзади культура:
едят и молятся страны,
жен засевают, –
а мы черны и угрюмы...
И засыпают, детей сосчитав – и двери
вновь проверив:
хранят ли покой засовы...
Остров плывет во тьме,
склоняются ветви
верб к воде,
запутавшей плеск в осоке.

Если забуду,
склоняясь во сне на просьбы,
трону струны, –
забудьте меня, мои пальцы:
вечной паузы
зуд, пронзи мои кости,
мертвая нота,
длись в неподвижной пляске...

Снова и снова
приносит вода младенцев:
просят, надеются,
личики игуаньи

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

сморщив... – разве
тронем органы,
забыв о блаженстве
семя соблазна
разбить о камни –
разлить на камни –

июль 1988

* * *

Кто в укромной ночи одиночество ел,
одиночество плел и жег,
тот поверит: ему одиночества перл
подает из пучины Бог.

Этот жемчуг и жест не представит себе
ни приятель, ни кум, ни брат.
И любовница не отгадает во сне,
и не вычислит умный враг.

Непригляден его неотчетливый вид,
мутноват его вкус и блеск.
Нет и пламени: прелая ветошь чадит, –
только ветер плетет и ест.

Возразить не умеет развратная речь,
ее розовый лепет подл,
ее крутит и молча ведет божий смерч,
дым с водою сомкнувший в столб.

*октябрь 1988**

* * *

Брызжет дождичек. Завтра Пасха.
Освящаются яйца и яства.
Освящаются артосы, торты,
освящаются сладости, творог,
сыр и яйца, и масло, и мясо,
яйца и огустевшее млеко,
мармелад и батоны хлеба,
и с изюмом творожной массы
освящаются миски и пачки.
Освящаются свечи и спички,

* Прим. автора: «Написано в Николо-Кузнецях во время несения сторожевой службы».

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

зажигаются свечи – и тотчас
на ветру беспомощно гаснут.
Освящаются лаки и краски,
и фольга, и бумажные розы,
тушь и переводные картинки.
Освящаются блюда и миски
с новой травкой овса и пшеницы.
Освящаются чашки, солонки,
соль, салфетки, цветные скорлупки,
пыль, прибитая дождиком, мусор
и столов длинный ряд, где пусто,
пусто, сумерки – лишь клеенка
сплошь закапана воском красным.
Смолкнув, села вокруг колокольни
стая галок. Чернеют клены
рядом с папертью. Пусто, долго
вдалеке медлит полночь, Пасха.

* * *

Где вы живете, так много стрижей,
стражей небесной лазури?
– Мы, как поэты, снуем все быстрее
в Богом забытой культуре. —

В полдень я вышел курить на балкон.
Катится жаркое лето.
Жадные звери живых облаков
толпами лезут на небо.

– Где же, стрижи, ваш высокий обрыв,
норки в пластах желтой глины? –
В них вы ныряете, крылья сложив,
и тормозите мгновенно...

Темной листвою шумят тополя.
Слушаю их – всё без толку.
Поздно, любимая, ты поняла,
как обманулась жестоко.

Плакала ты, а злодей был таков:
сердце, обросшее шерстью.
Выбросил на перекрестке дорог
платье поруганной чести.

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

Буду, стрижи, ваш я призрачный гость...
Боже, о чем я толкую! –
Молнии вы, и не знаете гнезд
в этой бесплотной культуре.

Все мы, поэты, у Бога в гостях.
Домом не может быть небо...
Я бы не мог на таких скоростях
делать броски вправо-влево.

СВ. АФАНАСИЙ (САХАРОВ)

Сидит владыка
на троне власти,
плетет из лыка
всей зоне лапти.
Христа прославьте.

А прежде, было,
таскал и бревна,
копал могилы,
возил и говны
с молитвой умной.

Его улыбка
цингой побита.
Подмел владыка.
В бараке чисто.
Поет у печки
кондак крещенский.

В цинковом кубе
льда тает глыба.
Поет и крутит
крестом владыка
святую льдину.

«...Мы находимся по другую сторону галактики»

* * *

Молчать – о чем? Молчать – когда?
В Москве молчат колокола.
Молчит Шибанов из ноги пронзенной.
Молчит с соборной соли
диакон. – Даже соловьи
в овраге сумрачном и в пойме речки сонной

молчат, скрываются, таят
свой сладостный весенний яд,
любовный пульс в черемуховых чащах.
И поезд Кременчуг–Чимкент
над виадуктом молча мчит,
струится тенью мимо станций спящих...

И только желтый попугай,
гуляка, пленник, краснобай,
без умолку трещит в пустой квартире.
Он в целом мире одинок,
и в зеркальце его двойник
заходится пред ним в речитативе.

Документы внутренней свободы

Андеграунд стал возрождаться в СССР после начала «оттепели», в конце 50-х, сразу после того, как инакомыслящих и инакопишущих перестали физически уничтожать за сам факт их существования. Робко, на ощупь соединялись разорванные связи с Серебряным веком, заново обретался вкус к духовному поиску и независимой гражданской позиции.

Закончился андеграунд на рубеже 80–90-х, с распадом государства. Культурное подполье исчезло, засвеченное и утратившее свою миссию. «Вторая культура» имела смысл и значение только при условии существования «первой», в ее тени.

Книга известного российского филолога Бориса Колымагина «Религиозная поэзия андеграунда 1960–1980 годов» (М.: Виртуальная галерея, 2020) как раз и исследует это тридцатилетие неофициальной, сам- и тамиздатовской литературы.

Отмеченный Колымагиным парадокс состоит в том, что мировой авангард, опрокидывая традицию, «перенес религию на задворки». Однако «в силу специфики советской жизни духовная тематика стала актуальной <...> у авангардистов», так как «религия связывалась для них со свободой».

На колокольне так легко.
На колокольне далеко
И виден остров весь.
И мы с тобой не на земле.
Не в небе – нет,
А здесь –
Там, где и должно бы свой век
Поэту и провесть –
Где слышно пение калек
И ангельскую весть.

(Елена Шварц)

Далеко не все авторы стихов, затрагивающих отношения с Богом, были воцерковленными людьми. К большинству из них применим термин Михаила Эпштейна

«бедная вера» («бедная религия»). Христианство поэтов андеграунда, живших в атеистическом государстве, по преимуществу внеконфессионально. Вера для них не столько жизнестроительный элемент, сколько эстетический феномен. Тем не менее, подхватывая вытесненную в подполье и оскопленную официальной поэзией тему духовности, поэты «второй культуры» брали на себя необходимую для общества замещающую функцию. И нередко лирический герой самиздата сильнее и глубже укоренен в вере, чем автор текста. Пример этому мы находим в рождественских стихах Иосифа Бродского – далекого от христианской богослужебной практики.

В одном из разделов своей книги Борис Колымагин классифицирует авторов по признаку удаленности или приближенности к «церковной ограде». Кто-то из них – Леонид Аронзон, Елена Шварц, Геннадий Айги – чужд соборности и обитает в собственных мирах, не приближаясь к храму вплотную и выстраивая свой собственный диалог с Богом.

Не доказать Тебя примером:
перед Тобой и миром щит.
Ты доказуем только верой:
кто верит, тот Тебя узрит.
Не надо мне твоих утех:
ни эту жизнь и ни другую –
прости мне, Господи, мой грех,
что я в миру Твоем тоскую.

(Леонид Аронзон)

Кто-то – как, например, Александр Солодовников, Василий Филиппов, Николай Байтов – входит в пределы «церковной ограды» и пишет изнутри церковного опыта.

Пришел я ко всенощной с вербой в руках,
С расцветшими ветками в нежных пушках.
Пушистые шарики трогаю я –
Вот этот – умершая дочка моя.
Тот мягонький птенчик –
Сын мой младенчик.
.....
Шариков хватит на ветках тугих
Для всех отошедших моих дорогих.

(Александр Солодовников)

А кто-то – как Станислав Красовицкий, – попадая в храм, оставляет своего не подлежащего воцерковлению лирического героя снаружи и замолкает. Эстетический поиск и художественный эксперимент зачастую оказываются несовместимы с духовным деланием.

Поэты андеграунда не случайно ощущали свое родство с христианами первых

веков: «вторая культура» находилась по отношению к государству в той же оппозиции, что и катакомбная церковь в I–III веках нашей эры.

«Поэты культурного подполья, – пишет Борис Колымагин, – были, как правило, изгоями, стояли на низших ступенях социальной лестницы. ...Первые христиане также находили себе приверженцев среди рабов и бедноты». Но если поэты «служили слову... и в этом служении обретали свободу», то «христиане служили Слову и были внутренне свободны».

Колымагин отдает себе отчет в зыбкости выбранной темы и материала. Не совсем ясно, что считать религиозной поэзией: со стихотворением-исповедью и стихотворением-проповедью в практике авангарда соседствуют тексты, где духовность и вера несут, скорее, эстетическую нагрузку. Не менее трудно провести и границу между наследием андеграунда и, например, текстами авторской песни и рок-музыки, так же далеко отстоящими от официальной поэзии. Наряду с Генрихом Сапгиром, Ольгой Седаковой, Юрием Кублановским, Вениамином Блаженным автор цитирует и упоминает Булата Окуджаву, Юрия Визбора, Александра Городницкого, Бориса Гребенщикова, Анри Волохонского...

Под небом голубым
Есть город золотой
С прозрачными воротами
И с яркою звездой...

(Анри Волохонский)

Присутствуют в книге и едва ли принадлежащие к андеграунду Николай Рубцов и Иосиф Бродский – но, опять же, представлены они текстами, которые изначально не были рассчитаны на появление в широкой печати.

Завершается исследование богатой библиографией и поэтическим разделом под названием «Возможные линии сборки антологии “Религиозная поэзия андеграунда”». Тематическое деление включенных в него стихотворений во многом повторяет структуру книги: «Религиозно-этические ориентиры», «Библейская цитата», «Церковные праздники»...

Нет, ни за что не поеду
и рассказам вашим не верю
Что за младенец грядущий?
Стар я уже и устал
Трудно без помощи слуг
нынче мне сесть на верблюда
Знаю: в гостиницах грязь,
на дорогах – разбойники, воры
Нет, не поеду, увольте.
Впрочем, в каком это месте?
Ах, в Вифлееме. Не слышал
То-то, должно быть, клоповник
и глухомань
Не поеду.

Впрочем, звезда, говорите,
новая вдруг появилась
На небосклоне горит...
Может быть, знаменье вправду?
Может, слухи не так уж нелепы?
Может, поехать?..
Эй, слуги,
Где мой любимый верблюд!
(Сергей Стратановский)

Эпоха андеграунда ушла, как и большая часть поколения неофициальных поэтов. Временной зазор между 1991 годом и нашими днями позволяет объективно оценить и взвесить достижения «второй культуры», ее вклад в русскую литературу. Однако не ушел ли вместе с той поэзией и читательский интерес к ней? Такое опасение вызывает тираж книги – 200 экземпляров – и многочисленные редакторские огрехи в ее оформлении. Книга Колымагина, при ближайшем рассмотрении, сама немного напоминает самиздат, где автор, за неимением соответствующих ресурсов, берет на себя функцию редактора: отпечатанные вручную и переплетенные, в расчете на избранных, тексты, о которых и пишет автор в своем исследовании. Высокая культура, похоже, снова занимает свое место в подполье.

АВТОРЫ НОМЕРА

БАЙТОВ Николай – поэт, прозаик. Автор пяти книг стихов и шести книг прозы. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир» и др. Лауреат премии Андрея Белого (2011). Живет в Москве.

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии художеств Узбекистана. Преподаватель Воскресной школы и работник самаркандского Свято-Покровского храма. Живет в Самарканде.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Служит и живет в Минусинске.

МЕЛЕНТЬЕВ Даниил – студент 2 курса магистратуры Факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмосковье.

НИКИТЕНКО Георгий – историк, сотрудник журнала «Общественное мнение» (Ташкент). Живет в Ташкенте.

СЕРЕБРЕННИКОВ Артём – поэт, переводчик испанской, французской и английской поэзии. Стихи публиковались на сайте «Textura» и др. Живет в Москве.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ТАЛАЛАЙ Михаил – историк, кандидат исторических наук. Автор многочисленных статей в российских и итальянских периодических изданиях по истории Русской Церкви в зарубежье. Лауреат Макарьевской премии (2013). Живет в Милане.

Протоиерей Андрей ФЁДОРОВ – клирик Никольского храма Черноголовки; преподаватель в православной гимназии Ногинска (Московская область).

ФЛЫГИН Юрий – историк, автор исследований по истории православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LIII
№ 2, 2020, апрель-июнь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2020 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2020).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568